

**УРСУЛА  
ЛЕ ГУИН**



★  
**Сказания  
Земноморья**  
★

ИЗДАТЕЛЬСТВО  
«АЗБУКА»

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Урсула Ле Гуин  
**Сказания Земноморья**

«Азбука-Аттикус»

1990, 2001, 2016

УДК 821.111(73)  
ББК 84(7Coe)-445

**Ле Гуин У. К.**

Сказания Земноморья / У. К. Ле Гуин — «Азбука-Аттикус»,  
1990, 2001, 2016 — (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-20262-7

Полюбившийся миллионам читателей цикл «Земноморье» – это грандиозная вселенная, где магия так же естественна и обыденна, как в нашем мире физические явления. По островам огромного океана, населенным людьми и драконами, щедрым на приключения и испытания, хранящим великое множество заветных тайн, странствуют удивительные герои, и нити их судеб сплетаются в роскошное полотно, имя которому – эпическое фэнтези. «Земноморье» принесло его автору мировую славу, и сейчас оно стоит в одном ряду с такими шедеврами фэнтези, как «Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкина и «Нарния» К. С. Льюиса. В этот сборник вошли заключительные произведения цикла.

УДК 821.111(73)  
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-20262-7

© Ле Гуин У. К., 1990, 2001, 2016  
© Азбука-Аттикус, 1990, 2001, 2016

## Содержание

Техану	9
1	11
2	14
3	21
4	27
5	37
6	50
7	56
8	66
9	77
10	87
11	97
12	114
13	128
Конец ознакомительного фрагмента.	138

# **Урсула Ле Гуин**

## **Сказания Земноморья**





Ursula K. Le Guin

TEHANU

Copyright © 1990 by Ursula K. Le Guin

TALES FROM EARTHSEA

Copyright © 2001 by Ursula K. Le Guin

THE OTHER WIND

Copyright © 2001 by the Inter-Vivos Trust for the Le Guin Children

THE DAUGHTER OF ODREN

Copyright © 2016 by Ursula K. Le Guin

FIRELIGHT

Copyright © 2018 by The Inter Vivos Trust for the Le Guin Children

This edition published by arrangement with Curtis Brown Ltd. and Synopsis Literary Agency  
All rights reserved

Иллюстрации и иллюстрация на обложке Сергея Григорьева  
Карты выполнены Юлией Каташинской

© И. А. Тогоева, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

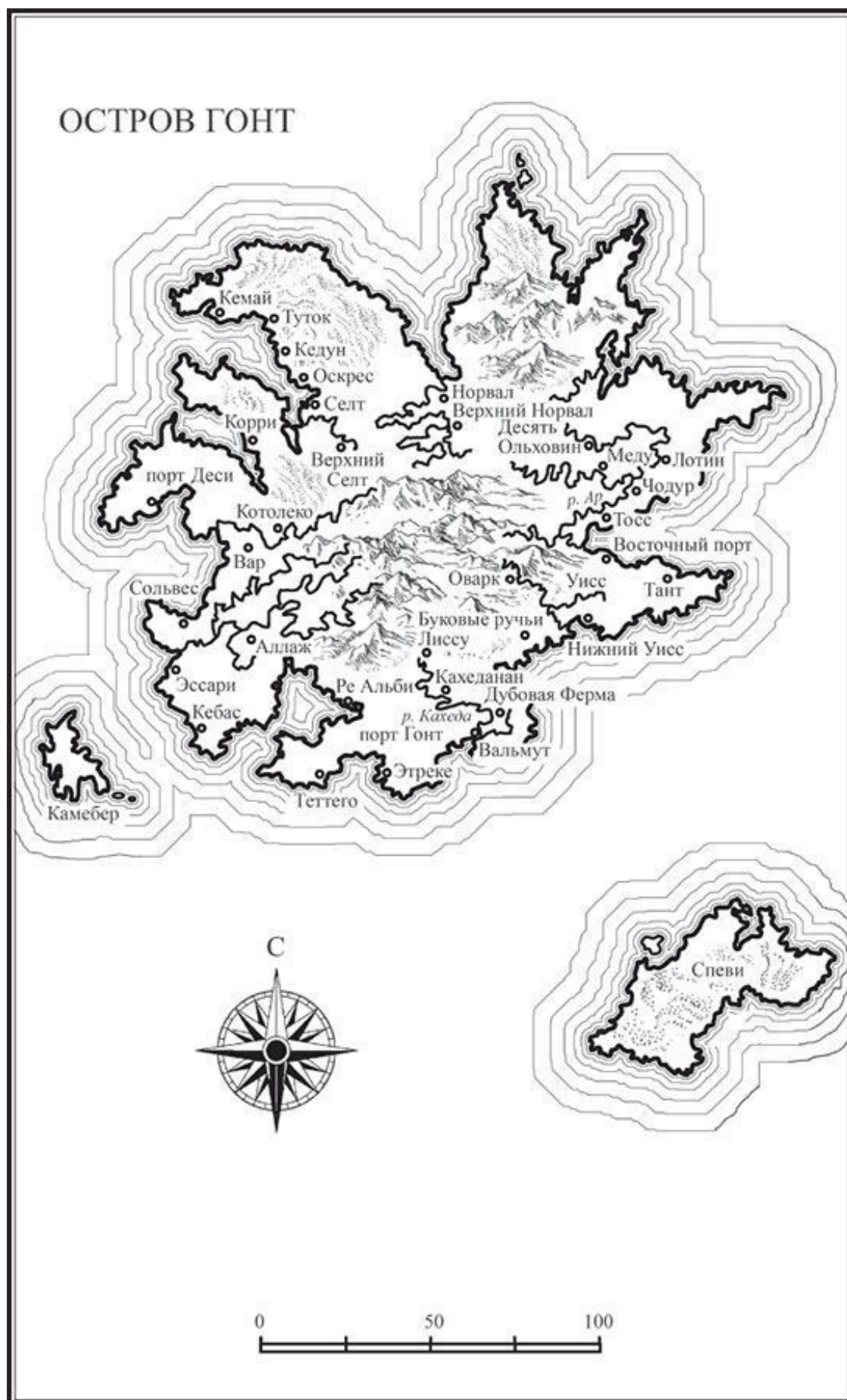






## Техану





## 1

### Злодеяние

После того как Флинт из Срединной Долины умер, вдова его осталась жить на Дубовой Ферме совсем одна: их сын стал моряком, а дочь вышла замуж за купца из Вальмута. По слухам, вдова Флинта была у себя на родине весьма знатной особой, да оно и верно: маг Огион, бывая в их краях, всегда останавливался на Дубовой Ферме. Впрочем, что касается Огиона, то он мог с тем же успехом остановиться и в любом, самом бедном доме.

Имя у нее было нездешнее, но Флинт звал ее Гоха – так на острове Гонт зовут белого паука, замечательного ткача. Прозвище это очень ей подходило, потому что она была невысокая, белокожая и отлично умела прясть козью и овечью шерсть. И вот теперь Гоха стала вдовой Флинта – хозяйкой большого стада овец и достаточно просторных пастбищ, а еще – четырех возделанных полей, грушевого сада, двух небольших домов, где жили арендаторы, старинной каменной усадьбы, укрывшейся в тени старых дубов, и фамильного кладбища, где покоился теперь и Флинт, ставший землей в земле.

– Всю жизнь рядом со мной чьи-то могилы, – сказала она как-то своей дочери Эппл, по прозвищу Яблочко.

– Мама, ну перебирайся к нам в город! – упрашивала ее дочка, но вдова почему-то не решалась покинуть свою уединенную ферму.

– Может быть, позже, когда у вас будут детки и тебе понадобится моя помощь, – сказала она, с удовольствием глядя на свою сероглазую дочку. – Но не сейчас. Сейчас я тебе не нужна. И потом, мне здесь нравится.

Отослав Яблочко к молодому мужу, вдова вошла в дом, закрыла дверь и остановилась посреди кухни, где пол был выложен из плитняка. Сгущались сумерки, но она все не зажигала огня, думая о том, как эту лампу зажигал ее муж: ловкие руки, легкая искра, сосредоточенное темнокожее лицо, освещенное вспыхнувшим огоньком... Дом был погружен в молчание. «Я ведь с детства привыкла жить в тихом доме, одна, – подумала она. – Ну и теперь проживу». И зажгла лампу.

Однажды, в самом начале жаркого лета, где-то после обеда ко вдове неожиданно заявлялась Ларк, ее старинная подруга. Она жила в деревне и теперь чуть ли не бегом спешила к Дубовой Ферме по пыльной дороге.

– Гоха, – задыхаясь, сказала она вдове, занятой прополкой бобов, – ох, Гоха, случилось нечто ужасное! Ужасное! Может, сходишь со мной в деревню, а?

– Конечно схожу, – сказала вдова. – Но что такого ужасного там могло случиться?

Ларк наконец перевела дыхание. Она была простой тучной деревенской женщиной лет сорока, и детское прозвище – Жаворонок – совсем ей не подходило. Впрочем, когда-то она была стройной и легкой и очень хорошенькой. Именно Жаворонок стала подругой юной Гохе, плюнув на мнение односельчан, которые всю сплетничали по поводу белокожей уроженки Каргада, которую Флинт привел в свой дом; с тех пор они и остались лучшими подругами.

– Ребенка чуть не до смерти сожгли, – выговорила наконец Ларк.

– Господи, да чьего же?

– Да этих бродяг.

Гоха быстренько заперла дверь, и они бросились в деревню. На ходу Ларк рассказывала, все время задыхаясь и обильно потея. Крошечные семена могучих трав, что росли на обочине дороги, липли к ее щекам и ко лбу, и она нетерпеливо смахивала их, но не умолкала:

– Они весь этот месяц прожили в палатке – в лугах у реки. Мужчина-то все за медника себя выдавал, да только вор он, а не медник, ну и женщина эта при нем. А второй мужчина, помоложе, тоже с ними вместе по здешним деревням слонялся. И непохоже, чтобы кто из них

работал. Воровали понемножку да попрошайничали, а женщина эта телом своим торговала. Гонцы из нижних деревень приносили ей кой-что из еды, чтобы с ней позабавиться. Знаешь небось, как это нынче делается! Да и кругом все не так – на дорогах бандиты, дома тоже грабят... На твоём месте я бы покрепче двери запирала. Ну так вот, значит, приходит тот парень, что помоложе, в деревню и говорит: «Ребенок у нас заболел». Я-то не слишком и разглядела, что у них там еще и ребенок есть, – словно хорек какой-то, мигом спрятался, я и рассмотреть толком не успела. Прямо зверек лесной. А парень мне: «Она обожглась, когда костер разжигала». И не успела я взять что нужно, как он наутек пустился. Да и исчез. А уж на лугу-то я и увидела, что и парочки той след простыл, только костер все еще дымится... И прямо в костре... на земле... – Утратив дар речи, Ларк некоторое время шла молча. Смотрела она прямо перед собой – на Гоху и не взглянула. – Они ее даже одеялом не прикрыли, – выговорила она наконец и прибавила шагу. – Прямо в горячий костер девочку толкнули! – Ларк судорожно сглотнула и принялась яростно смахивать прилипшие к потному лицу семена трав. – Можно, конечно, подумать, что она сама туда упала, да только если б так, то уж выскочить-то постаралась бы, это уж точно. Нет, они, видно, избили ее чуть не до смерти, да и решили следы замести... – Ларк снова умолкла и решительно зашагала дальше. – Может, это и не он, – снова заговорила она. – Может, он-то как раз ее и вытащил. Ведь, в конце концов, именно он за помощью пришел... Это, верно, сам отец. Не знаю. Да и какая разница? Кто их там разберет? Кому какое дело до этой малышки? И почему все мы делаем то, что делаем?

Гоха тихонько спросила:

– А жить она будет?

– Может быть, – ответила Ларк. – Очень даже может быть. – И через некоторое время, когда они уже шли по деревенской улице, прибавила: – Не знаю, но мне почему-то непременно нужно было пойти за тобой... Там ведь сейчас Айви... да и девочке ничем, наверно, не поможешь уже.

– Я могла бы сходить в Вальмут, за Буком.

– Так тут и он ничего поделывать не сможет. Это не... этому нельзя помочь! Я ее укрываю потеплее. Айви целебный отвар сварила и сонный заговор сказала. Она сейчас дома у меня. Ей лет, может, шесть или семь, да только весит она не больше двухлетней. Она так ни разу и не пришла в себя по-настоящему. И как-то так странно задыхается... Я знаю, что и ты ничего сделать не сможешь. Но мне очень хотелось, чтобы ты пришла.

– А я рада, что ты меня позвала, – откликнулась Гоха. Но прежде чем переступить порог дома Ларк, она на минутку закрыла глаза и затаила дыхание: ей было очень страшно.

Детей давно уже отослали на улицу, и в доме царила тишина. Девочка без сознания лежала на постели Ларк. Местная ведьма Айви, по прозвищу Плющ, смазала менее страшные ожоги мазью из волшебных орехов и иных целебных плодов и растений, но даже не прикоснулась ни к правой щеке девочки, ни к ее правой руке: здесь обуглившаяся плоть была сожжена до кости. Над кроватью Айви начертала руны Пирр – вот и все, что было в ее силах.

– Можешь ты что-нибудь с ней сделать? – шепотом спросила Ларк.

Гоха, застыв и стиснув руки, смотрела на обожженного ребенка. Потом покачала головой.

– Ты ведь училась людей лечить, там, в Ре Альби? – В голосе Ларк слышались боль и стыд, а еще гнев: вся ее душа, казалось, молила облегчить страдания невинного ребенка.

– Даже Огион не смог бы вылечить такое, – промолвила вдова.

Ларк, закусив губу, отвернулась и заплакала. Гоха обняла ее, поглаживая по седеющей голове. Так они и стояли, обнявшись, поддерживая друг друга.

Из кухни пришла ведьма Айви, нахмурившись при виде Гохи. Хотя вдова никогда не пользовалась ни заклятиями, ни иным волшебством, ходили слухи, что сразу после прибытия на Гонт она поселилась в Ре Альби и стала ученицей мага Огиона; а еще говорили, что она хорошо знакома с самим Верховным Магом Земноморья, что родом с острова Гонт, а значит,



наверняка обладает каким-то нездешним и непростым колдовским могуществом. Сгорая от ревности, ведьма подошла к кровати и занялась девочкой, потом смешала на плоской тарелке какие-то порошки, поднесла смесь к огню, и комната наполнилась вонючим дымом, ведьма же стала шептать исцеляющие заклятия, вновь и вновь повторяя их. Дым вызвал у девочки удушливый кашель; она приподнялась в постели, хватая ртом воздух и вся дрожа. Потом стала делать какие-то короткие странные вдохи, будто захлебывалась. Ее уцелевший глаз смотрел, казалось, прямо на Гоху.

Гоха шагнула к девочке и сжала ее левую ручонку в своих руках. Потом проговорила по-каргадски:

– Я служила им, но я их покинула. И я не отдам им тебя.

Девочка смотрела на нее, а может, и просто в никуда, пытаясь вздохнуть, потом еще раз и еще – вздохнула и задыхалась...

## 2

### Путь, ведущий к «гнезду ястреба»

Прошло более года. Стояли жаркие солнечные дни – недавно был праздник Долгого Танца. По северной дороге в Срединную Долину пришел сверху, с гор, человек, который разыскивал вдову Гоху. Жители деревни вывели его на нужную тропу, и он объявился на Дубовой Ферме к вечеру того же дня. У него были словно ножом вырезанные черты лица, быстрые цепкие глаза. Он глянул на Гоху, на овец в загоне у нее за спиной и сказал:

– Отличный молодняк. Великий Маг из Ре Альби шлет тебе привет.

– Так ты от него? – удивилась Гоха. Огион, когда она бывала ему нужна, пользовался иными посыльными, куда лучше и быстрее: в таких случаях она слышала либо клекот орла из поднебесья, либо голос самого Огиона, который, тихонько назвав ее подлинное имя, спрашивал: *Придешь?*

Человек кивнул и пояснил:

– Он болен. А ты не собираешься, случайно, продавать приплод этого года?

– Может, и продам. Поговори с пастухом. Он там, в загоне. А может, хочешь сперва поужинать? И если хочешь, прямо здесь и ночуй, только я уж задерживаться не стану: сразу пойду.

– Прямо сегодня?

На этот раз в ее взгляде благодушного любопытства не было и в помине – только насмешка.

– Ну а чего же мне ждать? – удивилась она. Что-то сказала старому пастуху, по прозвищу Чистый Ручей, и решительно двинулась к дому, построенному на склоне холма, среди дубов. Мужчина пошел за ней следом.

В кухне с полом из плитняка девочка, на которую он только раз взглянул и сразу же отвернулся, подала ему молоко, хлеб, сыр и зеленый лук, а потом вышла, не сказав ни единого слова. Потом она появилась снова вместе с Гохой; обе уже собрались в дорогу, за плечами – легкие кожаные мешки. Посыльный вызвался проводить их немного, и вдова заперла дверь дома. Все трое они вышли на дорогу; у посыльного были еще свои, весьма важные дела – покупка племенных баранов для лорда Ре Альби, а восточку от Огиона он передал просто так, по пути, оказав старому магу добрую услугу. Женщина и девочка с ужасным обгоревшим лицом попрощались с ним там, где дорога сворачивала к деревне, и двинулись туда, откуда он сам только что пришел: в горы, к северу, и потом – снова вниз, к западным предгорьям.

Они шли по неширокой тропе, пока долгие летние сумерки не начали густеть. На ночлег расположились в ложине у ручья, быстрого и бесшумного, в воде которого отражалось бледное вечернее небо, просвечивавшее сквозь ветви низко склонившихся ив. В самой гуще зарослей Гоха приготовила им постель из сухой травы и ивовых листьев; было очень похоже на логово зайца. Она закутала девочку в одеяло и уложила спать.

– Ну вот, – сказала она, – теперь ты у нас кокон. А утром превратишься в бабочку и снова вылетишь на простор.

Она не стала разводить костер, а просто легла рядом с девочкой, глядя на звезды и слушая то, о чем тихонько рассказывал ручей, пока не заснула.

Их разбудил предрассветный холод; женщина разожгла небольшой костерок и вскипятила в котелке воды, чтобы сварить овсяную кашу для девочки и для себя. Маленькая, изувеченная огнем «бабочка», дрожа, выбралась из своего кокона, и Гоха быстренько остудила горячий котелок в покрытой росой траве, чтобы девочка могла взять его в руки и есть прямо оттуда. На востоке небо уже посветлело; когда они вышли в путь, из-за высокого темного плеча горы виднелась полоса разгорающейся зари.

Они шли весь день, но очень медленно: девочка легко уставала. Душа женщины рвалась вперед, но она сдерживала себя. Долго нести девочку на руках у нее не хватало сил, поэтому, чтобы повеселить малышку и отвлечь ее от тягот пути, она рассказывала разные истории.

– Мы идем проведать одного человека, очень старого, его зовут Огион, – рассказывала она девочке, пока они плелись по узкой тропинке, подобно шраму перерезавшей поросший густым лесом склон горы. – Он настоящий мудрец и великий волшебник. Ты знаешь, что такое «волшебник», Терру?

Если у девочки когда-либо и было другое имя, она его не помнила или просто не желала сказать. Так что Гоха звала ее Терру.

Девочка покачала головой.

– Что ж, я ведь, в общем-то, тоже не знаю, – сказала женщина. – Зато я знаю, что волшебники умеют делать. Когда я была совсем молодой – постарше тебя, но все-таки очень юной, – Огион стал мне приемным отцом, так же как я тебе – приемной матерью. Он заботился обо мне и пытался учить меня всяким нужным вещам. Он тогда оставался со мной даже осенью, хотя осенью всегда предпочитал бродить по лесам в полном одиночестве. Он любил путешествовать в этих местах, где мы с тобой сейчас идем, и забирался порой очень далеко в лес, в самые глухие уголки. И везде ко всему присматривался, все и всех слушал. Он всегда всех слушал очень внимательно, потому его и прозвали Молчаливым. Но со мной он часто разговаривал. Рассказывал мне всякие истории. Не только о великих подвигах древних, которые всем известны, – истории о героях и королях и о том, что произошло невесть когда и где, – но и такие, которые знал лишь он один. – Гоха немного помолчала. – А теперь я расскажу одну из них тебе.

Все волшебники очень хорошо умеют превращаться во что-нибудь, изменяя свое обличье. Это волшебство так и называется – превращение. Обычный колдун тоже может стать на кого-то похожим, даже на зверя какого-нибудь, – во всяком случае, некоторое время и не разберешь, кто же это перед тобой на самом деле, как если бы человек вдруг надел маску. Но настоящие волшебники и маги способны на большее. Они умеют не только маски надевать, но и по-настоящему превращаться в иное существо. Например, если волшебнику нужно переплыть море, а лодки у него нет, то он может обернуться чайкой и легко пересечь морской простор. Но ему следует быть очень осторожным. Пока он остается в обличье птицы, то и думает только о том, что важно птицам, забывая то, о чем должны думать люди. Так, может он лететь и лететь, оставаясь чайкой, и никогда больше не стать человеком. Говорят, что когда-то один великий волшебник, который очень любил превращаться в медведя, делал это слишком часто, так что в конце концов насовсем в него превратился и убил своего маленького сынишку; тогда люди были вынуждены начать на него загонную охоту и убить. Только Огион часто над этим подшучивал. Однажды, когда в его кладовую забрались мыши и перепортили ему весь сыр, он поймал одну мышку с помощью маленького заклятия, взял ее вот так, посмотрел ей в глаза и сказал: «Я же предупреждал тебя: не притворяйся мышью!» И знаешь, даже я почти поверила, что это он всерьез...

Ну хорошо, начнем. История эта немного связана с Великими Превращениями, но Огион считал, что все в ней значительно сложнее: там говорится о том, как можно одновременно быть как бы двумя разными существами и обладать двумя разными душами при одном лишь обличье. А еще он считал, что на такое не способен ни один волшебник. Однако с человеком, обладавшим этой способностью, он встретился в маленькой деревушке на северо-западном побережье Гонга; местечко это называется Кемей. Там жила тогда одна женщина, старая рыбачка, никакая не ведьма и совсем ничему не обученная; зато она слагала прекрасные песни. Благодаря песням Огион и узнал о ней. Он в тот раз бродил, как водится, без всякой особой цели вдоль северо-западного побережья и услышал чье-то пение – так поют, занимаясь, например, починкой сети или шпаклюя лодку. Вот что пели эти люди:

На самом далеком западе,  
Там, где кончаются земли,  
Народ мой танцует, танцует,  
Подхваченный ветром иным...

Огион хорошо расслышал и мелодию, и слова, вот только никогда раньше не знал их, а потому спросил, откуда взялась эта песня. Ему отвечали все разное, и наконец кто-то сказал: «А, так ведь это песня той женщины из Кемей...» Так что Огион отправился прямо в Кемей, небольшой портовый городок на самом берегу моря, где живут в основном рыбаки; там жила тогда и та женщина. Огион отыскал ее дом и постучал в дверь своим волшебным посохом. Какая-то старуха открыла дверь и вышла на порог.

Теперь ты уже знаешь, Терру, – помнишь, мы говорили с тобой об этом? – что у детей должны быть разные детские имена и прозвища, как и у каждого человека есть ненастоящее имя или тоже какое-нибудь прозвище. Разные люди могут называть тебя по-разному. Для меня вот ты – Терру, но это каргадское слово, и, может быть, когда ты подрастешь, у тебя будет другое прозвище, ардическое, которым тебя будут называть все вокруг. Но в любом случае, когда ты станешь взрослой, то, если все пойдет как надо, непременно обрешь свое подлинное имя. Его дает человек, обладающий магической силой, – настоящий волшебник или маг, ибо в знании подлинных имен и заключено их могущество. Подлинного имени своего ты, возможно, никогда никому другому не скажешь, потому что в нем заключена будет сама твоя душа, твоя суть, вся твоя сила; ведь для кого-то другого знание чужого имени может оказаться тяжким бременем, серьезной опасностью, и подвергать человека и себя такому риску можно, только полностью ему доверяя и сознавая необходимость назвать ему свое имя. Однако Великий Маг, которому ведомы все имена, может узнать твое имя, даже если ты ему его и не скажешь.

Итак, я остановилась на том, что Огион – а он настоящий Великий Маг – встретился на пороге маленького домишка со старой женщиной. И тут он вдруг, отступив немного назад, высоко поднял свой дубовый посох и левую руку, словно желая защитить себя от всепожирающего огня, и, глубоко потрясенный, в страхе очень громко произнес подлинное имя старой женщины:

– Дракон!

И сразу, как он сам рассказывал, женщина исчезла, зато в дыму и великолепии пламени, блестя золотистой чешуей и длинными когтями, перед ним явился дракон, глядевший на него своими огромными глазами. Говорят, что ни в коем случае нельзя смотреть дракону прямо в глаза...

Потом видение исчезло, и вместо дракона он увидел перед собой женщину, стоявшую на пороге ветхого домишка, – немного сутулую высокую старую рыбачку с крупными натруженными руками. Она смотрела на него, он – на нее. И вдруг она сказала:

– Входи же, лорд Огион.

Ну он и вошел. Она угостила его ухой, они пообедали вместе, а потом стали беседовать у камина. Он думал, что старуха непременно владеет искусством Великих Превращений, однако, видишь ли, никак не мог понять, то ли это женщина, умеющая превращаться в дракона, то ли дракон, который может превращаться в женщину. Так что в конце концов он спросил ее: «Ты женщина или дракон?» – и она на этот вопрос не ответила, только сказала:

– Я спою тебе одну старую песнь...

В башмак Терру попал камешек. Они остановились, вытряхнули его, а потом очень медленно пошли дальше, потому что дорога круто ползла вверх, зажатая темными каменными стенами, с которых свешивались ветви густых кустов; в кустах и нагретой траве пели цикады.



– Ну так вот, послушай же историю, которую поведала та женщина Огиону.

Когда в самом начале времен Сегой поднял острова Земноморья из глубин морских, то драконы первыми рождены были землей и ветром, что дул над островами. Так говорится в песни о Созидании. А в песни той женщины говорилось еще и о том, что тогда дракон и человек были едины, принадлежали к одному народу, одной расе и пользовались одним языком – Истинной Речью.

И были они прекрасны и сильны, мудры и свободны.

Но с течением времени все меняется. Вот и в племени драконов-людей некоторые все больше стремились к полету под небесами и дикой вольности и все меньше времени уделяли Созиданию и Познанию, все меньше времени проводили в домах и городах. Им хотелось лишь лететь и лететь на просторе, охотиться, поедать добычу, не ведая ни забот, ни излишней премудрости, оставаясь вольными и дикими, стремясь к одной лишь свободе.

Другая часть этого племени, наоборот, все реже поднималась в поднебесье, но занята была сбором сокровищ, укреплением своего благополучия, созиданием и накоплением знаний. Они строили дома, замки и крепости, где хранили накопленные сокровища, чтобы потом передать все это своим потомкам, и стремились всемерно увеличить наследство. Постепенно они стали побаиваться диких своих братьев, которые способны были внезапно прилететь и – часто просто по небрежности или в пылу яростной схватки – уничтожить, сжечь все созданное ими с таким трудом и столь дорогое их сердцу.

Дикие же драконы не ведали страха. Они так ничему и не научились, а потому не умели спастись, когда те, что уже не летали, ловили их в ловушки, словно обычных диких зверей, и убивали. Но тогда другие дикие драконы прилетали и мстили, сжигая прекрасные здания, все уничтожая и круша на своем пути... В этих схватках в первую очередь гибли наиболее сильные и бесстрашные.

Боязливые же стремились избегать подобных сражений, прятались, а если прятаться было негде, то спасались бегством. Они пользовались обретенным мастерством и умением и строили корабли, на которых уплывали все дальше и дальше к востоку, все дальше и дальше от западных островов, где огромные крылатые их братья вели нескончаемую войну друг с другом среди разрушенных дворцов и замков.

И вот единое ранее племя драконов-людей разделилось на два – одно из них, племя драконов, становилось все малочисленнее, и его представители все больше дичали, мучимые собственной бесконечной, бессмысленной алчностью и злобой, на дальних островах Западного Предела; племя людей, напротив, все более умножалось и процветало в своих богатых городах и селениях; люди жили уже на всех Внутренних Островах Земноморья, заселяя также восточные и южные. Но среди них сохранились еще и такие, кто сберег древнюю мудрость племени драконов – Великий Язык Созидания. Именно они потом стали волшебниками.

Но еще, говорилось в той песни, есть среди людей и такие, кто понимает, что когда-то был драконом. Как и среди драконов некоторые помнят о своем родстве с людьми. И понимающие это говорят, что в те времена, когда единое племя разделилось надвое, некоторые его представители, по-прежнему остававшиеся полудраконами и полулюдьми, улетели, но не на восток, а на запад, и летели все дальше и дальше над просторами Открытого моря, пока не достигли обратной стороны нашего мира. И там пребывают они в ладу и покое – огромные крылатые существа, дикие и мудрые одновременно, обладая человеческим умом и сердцем дракона. Вот потому-то и были в той песни слова:

На самом далеком западе,  
Там, где кончаются земли,  
Народ мой танцует, танцует,  
Подхваченный ветром иным...

Такова прекрасная песнь, которую спела Огиону та старая рыбачка из Кемея.

Выслушав ее, Огион сказал: «Едва увидев тебя, понял я твою подлинную сущность. Та женщина, которую я вижу сейчас, не более чем обличье, платье, которое на ней надето».

Но она лишь покачала головой, засмеялась и проговорила: «Ах, если бы это было так просто!»

Спустя какое-то время Огион вернулся в Ре Альби. А потом, когда он рассказывал эту историю мне, сказал вдруг вот что: «С того дня у меня из головы не выходит: бывал ли когда-нибудь человек или дракон так далеко на западе, как о том говорится в ее песни, и кто мы такие, в чем заключается наша сущность и наша целостность?..»

Ты не проголодалась, Терру? Вот здесь как раз очень хорошее местечко. Давай-ка посидим там, над обрывом. Оттуда мы, наверное, сможем увидеть и порт Гонт, что расположен у самой подошвы горы. Это очень большой город, больше даже, чем Вальмут. Вот дойдем до поворота и немножко отдохнем.

Дорога, которая, петляя, шла вверх, на самом верхнем своем витке действительно открывала прекрасный вид на дальние склоны горы, покрытые лесом, и каменистые пастбища, спускавшиеся почти до самой кромки залива; отсюда были видны различные суда на темной воде, издали похожие на светлые легкие древесные стружки или на темных водяных жуков. Вдали, прямо над дорогой и склоном горы, высился обрывистый утес, где и находилось селение Ре Альби, что значит «гнездо ястреба».

Терру ни разу не пожаловалась, но, когда, немного отдохнув, Гоха спросила: «Ну как, пойдём дальше?» – девочка, пристроившаяся на краешке скалы, как бы между синью небесной и синью морской, отрицательно покачала головой. Солнце грело горячо, и они проделали слишком долгий путь с тех пор, как завтракали в долине у ручья.

Гоха вытащила фляжку с водой, и они вдоволь напились, а потом она дала девочке мешочек с изюмом и орехами.

– Отсюда уже видно то место, куда мы с тобой идем, – сказала она, – и мне бы очень хотелось добраться туда до темноты. Здоровье Огиона сильно тревожит меня. Тебе, конечно, будет трудно, но быстро мы не пойдём. Зато уже сегодня будем ночевать в тепле, уюте и безопасности. Привяжи-ка этот мешочек к поясу. Изюм прибавит твоим ножкам сил. Хочешь, я сделаю тебе посох – как у волшебников, – чтобы легче было идти?

Терру кивнула, не переставая жевать. Гоха вытащила нож и срезала толстую ветку орешника для девочки, потом, заметив чуть выше по дороге рухнувшую ольху, отломил одну из ее веток, очистила ее от мелких веточек и сучков и сделала себе крепкий и легкий посох.

Они снова двинулись в путь, и девочка держалась вполне бодро, – видимо, изюм помог ей. Гоха запела, чтобы веселей было шагать; она пела любовные песни, пастушьи песенки и старинные баллады, которые выучила в Срединной Долине, но вдруг, резко оборвав мелодию, умолкла и остановилась, сделав предостерегающий жест.

Впрочем, четверо мужчин на дороге уже успели ее заметить, так что прятаться не имело смысла. Следовало либо идти дальше, либо свернуть на боковую тропу.

– Это просто странники, – шепнула она Терру, покрепче сжала свой ольховый посох и пошла вперед.

То, что говорила Ларк насчет засилья всяких бандитов и воров, было не просто пустой жалобой, свойственной каждому старшему поколению: дескать, все-то теперь не так, как надо, и мир проваливается в тартарары. За последние годы мирная и спокойная жизнь в городах и деревнях Гонта действительно претерпела серьезные изменения. Молодые люди вели себя среди собственных сородичей как чужие, злоупотребляли гостеприимством, воровали, продавали краденое. Нищенство пышным цветом расцвело там, где прежде попрошайничали очень редко, а если милостыня приходилась нищему не по вкусу, он еще и пускал в ход угрозы.

Женщины опасались передвигаться по дорогам в одиночку, хотя и очень страдали от этого. Зато некоторые девушки, наоборот, убегали из дома и присоединялись к бандам воров и браконьеров. И весьма часто уже через несколько месяцев возвращались – мрачные, покрытые синяками и ссадинами и к тому же беременные. А среди деревенских колдунов и ведьм ходили слухи, что колдовству их стало чего-то не хватать: заклятия, что раньше исцеляли всегда, больше не помогали; необычайно трудно стало отыскать потерянный предмет, и порой отыскивалась совсем не та вещь, хотя все слова заклинания были произнесены правильно; любовные зелья вместо страстной любви вызывали кровожадную ревность. Но что хуже всего, те люди, которые и понятия не имели об искусстве магии, о его законах и способах применения, а также об опасности нарушения этих законов, стали называть себя могущественными волшебниками и обещали немыслимое богатство и даже бессмертие своим сторонникам.

Айви, ведьма из той деревни, где жила Гоха, весьма мрачно и непонятно говорила что-то о разрушении магических сил. То же самое говорил и Бук, колдун из Вальмута. Это был замкнутый, скромный человек, который специально пришел тогда, чтобы помочь Айви, ставшей по мере сил облегчить страдания страшно изуродованной огнем Терру. И вот что он сказал Гохе:

– Мне кажется, что раз такое происходит в нашем мире, то наступает конец света, конец времен. Сколько уж столетий прошло с тех пор, как в Хавноре на престоле был настоящий Король? Так оно продолжаться не может. Мы либо снова станем единым государством, либо просто погибнем все, когда острова пойдут войной друг на друга, сосед ополчится на соседа, отец – на сына... – Бук как-то застенчиво поднял на нее глаза, которые, однако, смотрели твердо и ясно. – Кольцо Эррет-Акбе возвращено в королевскую башню, – продолжал он. – Я знаю, кто его туда привез... То был знак... да, конечно, то был знак наступления новых времен! Но мы не вняли поданному знаку. Короля у нас по-прежнему нет. И мы по-прежнему разьединены. Мы должны найти сердце Земноморья, обрести должную силу. Может быть, наконец свое слово скажет наш Верховный Маг. – И колдун прибавил доверительно: – Он ведь и сам с Гонта.

Однако Верховный Маг так ничего и не предпринял, как не появился и законный претендент на королевский престол. А жизнь меж тем становилась все хуже и страшнее.

И теперь со страхом и сдерживаемым гневом смотрела мрачная Гоха на четверых мужчин на дороге. Они стояли по двое с каждой стороны, так что им с девочкой неизбежно пришлось бы пройти меж ними.

Гоха спокойно продолжала свой путь, хотя Терру буквально наступала ей на пятки, прижавшись сзади к ее юбке и совсем низко опустив голову. И все-таки за руку ее девочка не взяла.

Один из встречающих, парень с широкой грудью и жесткими черными вислыми усами, заговорил было, чуть ухмыляясь:

– Эй, вы...

Однако Гоха тут же прервала его яростно и громко:

– Прочь с дороги! – И подняла свой ольховый посох так, словно он был волшебный. – У меня дело к Огиону!

И гордо прошла мимо растерявшихся мужчин, за ней трусцой поспешала Терру. Мужчины, видимо приняв ее гнев за колдовство, так и застыли. Возможно, впрочем, на них просто подействовало само имя Огиона. А может быть, какие-то волшебные чары все-таки были в ней самой или девочке? Во всяком случае, когда обе скрылись из виду, один из мужчин сказал:

– Нет, вы видели? – И сплюнул, а потом особым жестом отогнал скверну.

– Настоящая ведьма со своим ведьминским отродьем! – потрясенно сказал второй. – Пусть себе идут своей дорогой!

Третий, человек в кожаной шапке и короткой кожаной куртке, даже немного задержался, молча глядя им вслед. На лице его были написаны ужас и отвращение, но все же он хотел было

уже последовать за женщиной и девочкой, когда тот, с длинными черными усами, окликнул его:

– Идем, что ли, Ловкач! – И человек в кожаной куртке и шапке пошел следом за приятелями.

За поворотом, когда мужчины скрылись из виду, Гоха подхватила Терру на руки и бросилась бежать; она бежала до тех пор, пока не была вынуждена остановиться и усадить девочку прямо на землю, долго-долго хватая ртом воздух. Терру никаких вопросов не задавала, все понимала без слов. Едва Гоха отдышалась и смогла идти дальше, Терру, ни секунды не медля, двинулась за ней, не отставая ни на шаг и все время держа ее за руку.

– Ты вся красная, – сказала она. – Как огонь.

Она редко что-нибудь говорила, да и слова произносила невнятно, хриплым голосом, но Гоха хорошо ее понимала.

– Я очень злая, – проговорила Гоха с каким-то странным смешком. – А когда я злюсь, то становлюсь красной. Такой же краснокожей, как варвары с западных островов... Посмотри-ка, вон там впереди селение – это, должно быть, Дубовые Ручьи и есть. Ничего другого на этой дороге быть не может. Там мы с тобой немного передохнем. Может быть, удастся даже раздобыть молока. А потом постараемся – это, конечно, от тебя зависит – добраться до «гнезда ястреба»; мы могли бы там оказаться еще до наступления темноты.

Девочка молча кивнула, достала из своего мешочка немножко изюма и орехов и съела. Потом они пошли дальше.

Солнце давно уже село, когда они наконец миновали деревню и побрели к уединенному жилищу Огиона на самой вершине Большого Утеса. В небесах, над мощным валом облаков, над высоко вздымающимися волнами морскими, засверкали первые звезды. Вечерний бриз гнул к земле короткую траву. Где-то за невысоким домиком заблеяла на выгоне коза. Единственное окно светилось тусклым желтоватым светом.

Гоха прислонила оба их посоха к дверному косяку, взяла Терру за руку и один раз постучала.

Ответа не последовало.

Она резко распахнула дверь и вошла. Огонь в очаге давно погас, угли подернулись сизым пеплом, но крошечный масляный светильник на столе отбрасывал слабое пятнышко света, а с тюфяка, лежавшего на полу в дальнем углу комнаты, слышался голос Огиона:

– Входи, Тенар.



### 3

## Огион

Она уложила девочку спать в алькове у западной стены. Разожгла огонь в очаге. Потом подошла и уселась прямо на пол возле Огиона.

– И никто за тобой даже не ухаживает!

– Я их всех отослал прочь, – прошептал он.

Его темнокожее, с резкими чертами лицо было таким же, как и всегда, только волосы поредели и стали совсем белыми, а неяркий свет не вызывал ответного блеска в его глазах.

– Ты ведь так и умереть мог в одиночестве, – сердито сказала Тенар.

– Умереть мне поможешь ты, ладно? – попросил старик.

– Подожди еще немножко, пожалуйста, – сказала она и, наклонившись, прижалась лбом к его ладони.

– Хорошо. Не сегодня, – согласился он. – Завтра.

И один лишь раз нежно коснулся ее волос – только на это у него сил и хватило.

Она снова выпрямилась. Огонь в очаге разгорелся. Пламя пляшущими языками освещало стены и низкий потолок домика, разгоняя мрак и заставляя темные тени прятаться по углам единственной комнаты.

– Если бы только Гед объявился... – прошептал Огион.

– А ты послал ему весточку?

– Он пропал, – сказал старик. – Пропал. Словно облако густого тумана накрыло землю. И он ушел прямо в этот туман – к западу. И унес с собой ветку ясеня. Исчез в темноте облака. Пропал, пропал мой ястреб...

– Нет, нет, нет, – шептала она. – Он вернется!

Они долго молчали. Тепло от очага начинало окутывать обоих сонной пеленой, и Огион немного успокоился, то задремывал, то снова просыпался, так что Тенар смогла наконец немного передохнуть после целого дня пути. Она растерла ноющие ступни и плечи. Часть пути, особенно когда дорога в последний раз круто пошла вверх, ей пришлось нести Терру на руках, потому что девочка стала задыхаться – она совсем выбилась из сил, пытаясь поспеть за Тенар.

Потом она встала, согрела воды и тщательно смыла с себя дорожную пыль. Потом согрела молока и съела с ним кусок черствого хлеба, найденного у Огиона в кладовой. Потом снова подошла к старику и уселась рядом. Пока он спал, она сидела, задумчиво разглядывая при свете очага его лицо и тени на стенах.

И думала она о том, что когда-то давным-давно одна девушка часто сидела точно так же ночью в лишенном окон доме, в далекой-далекой стране. С раннего детства девушка эта считала себя Поглощенной. Единственной жрицей и служанкой Темных Сил Земли. А потом, и это тоже было давно, жила-была на свете женщина, и она тоже любила посидеть в мирной тиши деревенского дома и подумать, пока спят муж и дети, пока можно просто побыть часок наедине с самой собой... И когда эта женщина овдовела, с ней в том доме стала жить одна страшно изуродованная огнем девочка, ее воспитанница. Теперь же вдова эта сидела возле постели умирающего старика и очень ждала одного мужчину, надеясь, что он вернется. Как ждут все женщины в мире; как ждет любая из них. В полном соответствии со своей женской долей. Но волшебник Огион призвал ее к себе не тем именем, которое носила жрица Темных Сил, и не тем, которое носила жена, а потом и вдова фермера Флинта. Иным именем называл ее Огион, как и Гед когда-то – во тьме Гробниц Атуана; как и ее мать – страшно давно, очень далеко отсюда, – давшая ей это имя и помнившаяся ей лишь теплым прикосновением и золотистым, словно львиная шкура, светом огня в очаге...

– Я Тенар, – прошептала она.

Огонь, вспыхнув, обвил сухую сосновую ветку ярким желтым своим языком.

Огион вдруг начал задыхаться. Она старалась ему помочь, поддерживая за плечи. Потом он немного успокоился и снова уснул; задремала и Тенар, сквозь сон чувствуя, слушая странное, будто осязаемое, молчание Огиона, прерываемое порой какими-то загадочными словами. Уже глубокой ночью он вдруг воскликнул, словно встретившись на дороге с хорошим другом: «Так, значит, и ты здесь! А его ты видел?» Еще как-то раз он начал говорить чистым детским голосом, когда Тенар встала, чтобы подбросить дров в очаг, и говорил с кем-то из давнего своего прошлого: «Я пробовал помочь ей, да крыша обвалилась и всех накрыла. Землетрясение же!» Тенар слушала. Она тоже когда-то видела землетрясение. «Я так хотел помочь!» – сказал старик голосом мальчика, и в голосе этом слышались страдание и боль. Потом Огион снова начал задыхаться.

С первыми проблесками зари Тенар проснулась от звуков, которые сперва приняла за удары волн о берег. Но то хлопали крыльями птицы – множество птиц, чудовищная стая, пролетавшая прямо над домом. Казалось, поднялась буря, даже свет в окнах померк из-за непрерывного мелькания черных теней. Стая в полном молчании совершила над домом круг и унеслась прочь. Тенар так и не поняла, что это были за птицы.

Домик Огиона, как бы сторонясь людей, примостился к северу от селения Ре Альби. Утром из Ре Альби пришла девушка-пастушка, чтобы подоить коз Огиона, с ней – какая-то женщина и еще люди; все спрашивали, не нужна ли их помощь. Тетушка Мох, деревенская ведьма, ощупав ольховый посох Тенар и ореховую палочку, служившую посохом Терру, сунула было нос в дом, однако войти не осмелилась, тем более что Огион прорычал, не вставая:

– Отошли их всех прочь! Пусть уходят! Все!

Он выглядел так, словно сил у него значительно прибавилось. Когда проснулась маленькая Терру, он немного поговорил с ней – в точности так, как когда-то с Тенар: чуть суховато, но очень добрым и тихим голосом. Потом девочка убежала играть на солнышке, и Огион сказал Тенар:

– Что означает то имя, которым ты ее называешь?

Он хорошо понимал Истинную Речь, но никогда не знал ни слова по-каргадски.

– «Терру» значит «горящий, пылающий», – ответила она.

– Так-так, – промолвил Огион, и глаза его заблестели. Потом он нахмурился, словно пытаясь найти нужные слова. – Этой девочке... – начал он и умолк. – Эту девочку... будут бояться.

– Ее и так уже боятся, – горько сказала Тенар.

Великий Маг покачал головой.

– Ты научи ее, Тенар, – прошептал он. – Научи ее всему!.. Нет, не на Роке. Боятся... Ах, зачем я отпустил тебя? Почему ты тогда ушла? Чтобы привести сюда ее? Слишком поздно...

– Лежи, лежи спокойно, – нежно уговаривала его Тенар, потому что Огион все пытался сказать что-то еще, найти какие-то важные слова, ему не хватало воздуха, он снова начал задыхаться. В конце концов, тряхнув головой, он выговорил с трудом:

– Научи ее! – и умолк надолго.

Есть он отказывался и только понемножку пил воду. Где-то около полудня заснул, а проснувшись – ближе к вечеру, – сказал:

– Пора, дочка, – и сел.

Тенар, улыбаясь, взяла его за руку.

– Помоги-ка мне встать, – сказал ей Огион.

– Нет-нет, что ты!

– Да, – сказал он. – На волю. Я не могу умереть взаперти.

– Куда же ты хочешь пойти?

– Все равно. Но лучше бы на лесную тропу, – сказал он. – К тому буку, что растет на холме, над лугом.

Увидев, что у Огиона хватило сил самостоятельно встать и он полон решимости непременно выйти из дома, Тенар бросилась ему помогать. Вместе они добрались до двери, и он, обернувшись на пороге, окинул прощальным взглядом свое жилище. В темном углу справа от двери стоял, чуть-чуть светясь, его высокий посох. Тенар потянулась было за ним, но Огион только покачал головой.

– Нет, – сказал он, – не нужно. – И осмотрелся, словно пытаясь что-то вспомнить. – Пошли.

Когда на залитом солнцем крыльце в лицо ему ударил свежий западный ветер, он посмотрел куда-то вдаль и промолвил:

– Хорошо!

– Разреши мне позвать кого-нибудь из деревни, и мы отнесем тебя на носилках, – попросила его Тенар. – Все только и ждут случая, чтобы хоть что-нибудь для тебя сделать.

– Я хочу дойти на собственных ногах, – сказал старик.

Из-за дома выбежала Терру и с серьезным видом смотрела, как медленно, останавливаясь через каждые пять-шесть шагов, чтобы Огион мог отдышаться, идут они через поросший травой луг к лесу, снизу доверху покрывавшему крутые склоны Большого Утеса. Солнце пекло немилосердно, а ветер был почти ледяным. Им понадобилось очень много времени, чтобы пересечь луг. Лицо Огиона стало серым, ноги подгибались, словно трава под ветром, когда они наконец добрались до рослого молодого бука почти на самой опушке, в нескольких шагах от начала тропы, круто поднимающейся в гору. Там старый маг рухнул на землю между корнями дерева, прислонившись спиной к стволу. Довольно долго он не мог ни говорить, ни двигаться, а сердце его билось такими отчаянными неровными толчками, что казалось – грудная клетка вот-вот разорвется. Наконец он успокаивающе кивнул Тенар и шепнул:

– Все в порядке.

Терру все время шла за ними следом на некотором расстоянии. Тенар подошла к девочке, обняла ее и что-то сказала. Потом вернулась к Огиону.

– Она сейчас принесет одеяло, – сказала она.

– Мне не холодно.

– Зато мне холодно, – чуть улыбнувшись, возразила Тенар.

Терру, нагруженная одеялом из козьей шерсти, вернулась очень быстро. Она что-то шепнула Тенар и снова убежала.

– Вереск позволила ей подоить козу. Заодно и присмотрит за девочкой, – сказала Тенар Огиону. – Так что я могу остаться здесь, с тобой.

– Вечные заботы, и никогда ничего для себя, – сказал он хриплым свистящим шепотом: больше голоса у него не осталось.

– Да, почему-то всегда не меньше двух дел сразу, – согласилась она. – Но сейчас-то я здесь.

Он кивнул.

Довольно долго Огион молчал – просто сидел, опершись спиной о могучий ствол дерева и закрыв глаза. Глядя на его лицо, Тенар видела, как оно гаснет – так же медленно, как небо на закате.

Потом он открыл глаза, всматриваясь в видневшееся сквозь густые ветви небо. Казалось, он наблюдает, как там, в дальних далях, залитых золотистым светом, свершается нечто великое. Один раз он даже прошептал неуверенно, словно сомневаясь:

– Дракон?..

Солнце село, улегся ветер. Огион перевел свой взгляд на Тенар.

– Кончено! – прошептал он возбужденно. – Теперь все переменялось!.. Все переменялось, Тенар! Ты жди... Жди здесь, потому что... – Тело Огиона сотрясла сильная дрожь, он, задыхаясь, затрепетал, словно ветка дерева на сильном ветру. Веки его то приподнимались, то опускались, взгляд был устремлен куда-то вдаль, поверх головы Тенар. Он накрыл ее руку своей рукой; она склонилась к нему, и он назвал ей свое подлинное имя, чтобы после смерти остаться в памяти людей в истинном обличье.

Потом Огион сжал руку Тенар и, плотно зажмурив глаза, снова начал мучительную схватку со смертью, пытаясь вдохнуть хотя бы глоток воздуха, пока не затих совсем. И тогда распростертый на земле Огион стал похож на один из корней могучего бука. На небе загорались первые звезды, и свет их падал сквозь листву и ветви деревьев.

Тенар сидела рядом с умершим в сгущающихся сумерках, в наступившей потом темноте... Вдруг на лугу огненной мухой мелькнул свет фонаря. Она укрыла теплым шерстяным одеялом и себя, и покойного, но рука ее, что крепко сжимала его руку, совершенно окоченела, как если бы она держала в ней ледышку. Она еще раз коснулась лбом ладони Огиона и с трудом встала. Голова у нее кружилась, тело не слушалось и казалось чужим. Тенар пошла навстречу тому, кто шел сюда по лугу сквозь ночь.

И до рассвета соседи Огиона сидели с ним рядом, и он никого не отослал прочь.

Дворец властелина Ре Альби возвышался на голой скале прямо над Большим Утесом. Рано утром, задолго до того, как солнце добралось до западного склона горы Гонт, волшебник, что служил у лорда, спустился по дороге, ведущей из поместья через деревню к дому Огиона. Вскоре явился и еще один волшебник, преодолевший трудный крутой подъем от порта Гонт до Ре Альби, да еще в темноте. То ли они получили известие о скорой кончине Огиона, то ли узнали о смерти Великого Мага благодаря собственной волшебной силе – неизвестно.

В Ре Альби не было своего волшебника или колдуна – рядом жил сам Огион, да еще кое-какую помощь людям оказывала местная ведьма, тетушка Мох; она могла отыскать потерянную вещь, вылечить от хвори, вправить кости – ради таких мелочей никто не стал бы беспокоить старого мага. Тетушка Мох обладала весьма суровым нравом, никогда не была замужем и, похоже, никогда не мылась. Ее седые волосы являли собой чудовищное переплетение замысловатых магических узелков, а веки покраснели от бесконечных курений волшебных трав. Это она первой пришла тогда с фонарем через луг, а потом вместе с Тенар и остальными всю ночь просидела у тела покойного Огиона. Во время этого бдения именно она зажгла восковую свечу под стеклянным колпаком и воскурила сладкие масла на глиняном блюде; она произнесла все необходимые в таких случаях слова и вообще сделала все, что нужно было сделать. Перед обмыванием тела она только раз глянула на Тенар, как бы испрашивая разрешения, и сразу же занялась привычным делом. Ведь именно деревенские ведьмы не только обряжают покойников, но часто и хоронят их.

Когда же в лес явился волшебник лорда Ре Альби, высокий молодой человек с сосновым посохом, украшенным серебряным набалдашником, а потом пришел и второй, из порта Гонт (это был полный мужчина средних лет с коротким тисовым посохом), тетушка Мох даже не подняла своих налитых кровью глаз, а продолжала кланяться, и пришепывать, и снова кланяться, собирая воедино все свои небогатые запасы волшебства.

Когда же наконец она уложила покойного так, как ему должно лежать в могиле – на левом боку, с согнутыми коленями, – то напоследок вложила в его раскрытую левую ладонь крошечный амулет, плотно завернутый в кусок мягкой козьей шкуры и перевязанный крашеной тесемкой. Волшебник из Ре Альби небрежно отшвырнул сверточек концом своего посоха.

– Выкопана ли могила? – спросил волшебник из порта Гонт.

– Да, – ответил ему волшебник лорда. – Она вырыта во дворе моего господина. – И он показал в сторону поместья.

– Понятно, – сказал волшебник из порта Гонт. – Я-то думал, что Великий Маг будет похоронен в центре нашего города, который он когда-то спас от землетрясения.

– Мой господин пожелал сам удостоиться чести похоронить лорда Огиона, – заявил тот, что из поместья Ре Альби.

– Но тогда получится... – начал было тот, что из порта Гонт, и умолк, не желая спорить, но не смирившись со столь легковесными доводами. Потом глянул на покойного. – Придется его похоронить безымянным, – проговорил он с сожалением и горечью. – Я шел всю ночь, но все-таки опоздал. Из-за этого невосполнимая наша утрата становится еще горше.

Молодой волшебник промолчал.

– Его подлинное имя было Айхал, – сказала Тенар. – И согласно его воле он должен покоиться здесь, где лежит сейчас.

Оба волшебника уставились на нее одновременно. Молодой увидел всего лишь пожилую деревенскую женщину и молча отвернулся. Тот же, что пришел из порта Гонт, долго не сводил с нее глаз, а потом спросил:

– Кто ты?

– Меня зовут Гоха, я вдова фермера Флинта, – отвечала она. – А уж кто я на самом деле – вам, по-моему, лучше знать. Да и с какой стати мне говорить вам это?

При этих словах волшебник лорда сподобился удостоить ее взглядом.

– Эй, женщина, попридержи-ка язык! Как ты смеешь говорить так в присутствии двух волшебников! – бросил он.

– Постой, – добродушно попытался утихомирить его тот, что пришел из порта Гонт. Он по-прежнему внимательно смотрел на Тенар. – Ты ведь была... когда-то его ученицей?

– И другом, – отрезала Тенар. Потом резко отвернулась и замерла: она услышала гнев в собственном голосе, произносящем слово «друг». И стала смотреть на своего старого друга, лежащего на земле, готового уйти в эту землю, навеки утраченного, недвижимого... А эти люди толпились вокруг, живые, полные сил, не испытывающие ни капли дружеского сочувствия – одну лишь зависть да удовлетворение при виде поверженного соперника и злобу.

– Простите, – сказала она. – Слишком долго тянется ночь. Я была с ним рядом, когда он умер.

– Но это не... – начал было молодой волшебник, но тут неожиданно его прервала тетушка Мох, яростно бросившаяся на защиту Тенар:

– Да, была! Была! Никого не было, кроме нее. Он за ней и послал. Молодого Таунсенда, торговца овцами, – чтоб весточку ей передал. И дожидался, все не умирал, пока она не пришла. И это она была с ним все время, и она знает, где он должен быть похоронен. Здесь вот!

– И он, – спросил тот волшебник, что был постарше, – он назвал тебе?..

– Назвал свое имя. – Тенар посмотрела на них: недоверие написано было на лице старшего, удовлетворение, нескрываемое удовлетворение светилось на лице более молодого. И она не стала скрывать своего презрения. – Я ведь уже один раз произнесла его вслух. Неужели я должна повторять?

К ужасу своему, по выражению их лиц она поняла, что волшебники эти действительно не расслышали подлинного имени Огиона: они тогда просто не обратили на нее внимания.

– О! – воскликнула она. – Что за ужасные времена настали: даже такое имя остается неслышанным и, произнесенное в тишине, звучит не громче упавшего на землю камушка! Разве умение слушать других – не великое мастерство? Что ж, слушайте снова: имя его было Айхал. И после смерти будет – Айхал. И в песнях, что сложат о нем, он будет Айхалом с острова Гонт. Если в теперешние времена кто-то может еще слагать настоящие песни. Он был очень молчаливым человеком. А теперь умолк совсем. И может быть, никаких песен больше не будет, одно лишь молчание. Не знаю. Устала я очень. Я потеряла отца и дорогого друга... – Голос ее предательски дрогнул, горло сдавили рыдания. Она отвернулась и хотела уйти. Но

тут заметила на тропе, ведущей в лес, тот крошечный узелок, что приготовила для покойного тетушка Мох. Она подняла узелок, опустилась возле Огиона на колени, поцеловала открытую ладонь его левой руки и вложила туда амулет. Потом, не поднимаясь с колен, еще раз взглянула на возвышавшихся над ней двух мужчин. И тихо промолвила:

– Вы позаботитесь о том, чтобы могилу ему вырыли там, где он хотел?

Первым кивнул тот, что был постарше, следом за ним – молодой.

Она встала, отряхнула юбку и пошла прочь, через луг, залитый яркими лучами утреннего солнца.

## 4

### Калессин

«Жди, – сказал ей Огион, который теперь стал Айхалом, за мгновение до того, как ветер смерти оторвал его от жизни. – Кончено... Теперь все переменялось!.. – так прошептал он и прибавил: – Жди, Тенар...» Но не сказал, чего же она должна ждать. Может, тех перемен, которые он предвидел или ощущал? Но каковы эти перемены? Может быть, он имел в виду собственную смерть? То, что будет, когда окончится его жизнь? Впрочем, он говорил почти радостно, возбужденно. И как бы возложил на нее ответственность за это ожидание.

«Ну что ж, как же иначе? – сказала она себе, подметая пол в его домике. – Разве в моей жизни было еще что-то, кроме ожидания?» А потом, словно разговаривая с незабвенным Айхалом, спросила вслух:

– Мне ждать здесь, в твоём доме?

«Да», – чуть улынувшись, ответил ей Айхал Молчаливый.

Так что Тенар прибрала дом, вычистила очаг, проветрила тюфяки и матрасы. Выбросила всякие заваливавшиеся черепки и худую сковородку, однако и с этим старьем обращалась очень бережно. Даже прижалась на минутку щекой к безнадежно треснувшей тарелке, прежде чем вынесла ее на помойку: старая тарелка видела, каким тяжким был прошедший год для старого, больного мага. Суровый к себе, он жил столь же просто, как самые бедные крестьяне, однако, когда зрение его было ясным, а могущество в расцвете, он никогда бы не позволил себе пользоваться треснувшей тарелкой или дырявой сковородой, не починив их. Ей было больно видеть эти признаки слабости Огиона, и она горько жалела о том, что в трудное время ее не было с ним рядом. «Мне было бы очень приятно заботиться о тебе», – сказала она тому Огиону, каким помнила его, но он не ответил. Он никогда не позволил бы кому-то утруждать себя заботами о нем. Неужели он и ей бы сказал: «У тебя найдутся дела поинтереснее»? Она не знала. А он молчал. Но то, что теперь она живет в его доме, было совершенно правильным, это она прекрасно понимала и была в этом уверена.

Шанди и ее муж Чистый Ручей, что прожили на Дубовой Ферме дольше, чем Тенар, прекрасно могут присмотреть за овцами и за садом; а другие арендаторы, Тифф и Сис, вовремя уберут урожай с поля. Остальное же пусть пока что само о себе заботится. Ее малину оборвут соседские ребятишки. Это жаль: малину Тенар очень любила. Здесь, на Большом Утесе, где всегда дули сильные морские ветры, было слишком холодно для малины. И все-таки на маленьком персиковом деревце, которое посадил Огион в защищенном от ветра уголке, у южной стены дома, зрели восемнадцать персиков. Терру следила за ними, как кошка за мышью, с самого первого дня. И наконец заявила своим хрипловатым тихим голоском:

– Два персика совсем желтые. И с красным бочком.

– Отлично, – сказала Тенар, и они вместе с Терру сорвали два первых созревших плода и съели их прямо под деревом. Сок стекал у них по подбородкам. Они с наслаждением облизали пальцы.

– Можно я ее посажу? – спросила Терру, разглядывая морщинистую твердую поверхность косточки.

– Конечно. Вон хорошее местечко рядом со старым деревом. Только не сажай слишком близко, чтобы второму деревцу тоже хватило места для корней.

Девочка выбрала место, выкопала крошечную могилку, опустила туда косточку и засыпала землей. Тенар наблюдала за ней. За те недолгие дни, что они прожили здесь, Терру очень переменялась. Она по-прежнему отвечала с трудом, не проявляя ни гнева, ни радости, но, с тех пор как они поселились в доме Огиона, ее болезненная настороженность и неподвижность стали незаметно исчезать. Вот только что, например, ей очень захотелось съесть персик. И



даже посадить косточку, чтобы персиков в этом мире стало больше. На Дубовой Ферме она не боялась только двоих: Тенар и Жаворонка; но здесь ее подружкой сразу же стала Вереск, пас-тушка из Ре Альби, добросердечная простушка огромного роста, басовитая и глуповатая, лет двадцати; Вереск обращалась с девочкой почти так же, как с одной из коз, которых пасла, или скорее как с хромым, беспомощным козленком. Что было, в общем-то, справедливо. Тетушка Мох тоже явно пришлась ко двору, и Терру было безразлично, какие от старой ведьмы исхо-дили ароматы.

Когда двадцать пять лет назад Тенар впервые попала в Ре Альби, тетушка Мох была еще совсем молодой. Она с ужимками и гримасами кланялась и улыбалась Белой Даме, ученице и приемной дочери Огиона, но никогда с ней не заговаривала первой и разговор всегда вела под-черкнуто уважительно. Тенар сразу тогда почувствовала, что за фальшивыми уважительными словами спрятаны ревность, неприязнь и недоверие, слишком хорошо знакомые ей по тем вре-менам, когда она была вознесена на пьедестал Единственной, Верховной Жрицы Гробниц теми женщинами, которые считали себя столь же обычными, сколь необычной – ее, пользовавшу-юся немыслимыми привилегиями по сравнению с ними. Жрица Гробниц Атуана, приемная дочь Великого Мага, она вечно оказывалась как бы поодаль от остальных, как бы над ними. Это преимущество, разделяя свое могущество с нею, предоставляли ей мужчины. А женщинам оставалось лишь взирать на нее с почтением, с ревностью, а порой с забавным смущением.

Она рассталась с той Тенар, что вечно оказывалась в стороне ото всех, захлопнула дверь в ту свою жизнь; бежала от тех Древних Сил, что обитали в Гробницах Атуана, отвернулась и от того могущества, что было даровано ей Знанием, уроками ее приемного отца и учителя Огиона, и пошла совсем иной дорогой, в иной мир, мир женщин, желая стать одной из них, такой же, как они: женой фермера, крестьянкой, матерью, хозяйкой дома, – и пользоваться лишь теми силами, которые даны женщине от рождения, и ощущать лишь то уважение, с каким относятся к женщине-матери с начала времен.

И там, в Срединной Долине, жена Флинта Гоха была принята, в общем-то, очень хорошо всеми женщинами; да, конечно, она осталась «иностранкой», она была белокожей, да и гово-рила как-то странно, однако стала отменной хозяйкой, умела отлично прясть, вырастила здо-ровых и вежливых детей, и ферма ее процветала – во всех отношениях женщина достойная. Мужчины тоже воспринимали ее как жену Флинта, которая делает то, что и положено каждой женщине: постель, готовка, выпечка хлеба, уборка, шитье... Хорошая женщина, одним словом. Им она нравилась. В конце-то концов, этому Флинту здорово повезло, говаривали они. Только интересно было бы узнать, кожа-то у нее везде такая белая? И они смотрели на нее жадными глазами, пока молодость ее не прошла. И тогда они просто перестали ее замечать.

А теперь, здесь, в один миг все переменялось, ничего от прежней жизни и в помине не осталось. После совместного ночного бдения у тела покойного Огиона тетушка Мох ясно дала понять, что зачислила Тенар в друзья и станет теперь ее другом, последовательницей, служанкой – кем только ни пожелает сделать ее ученица Огиона. Тенар вовсе не была уверена, что ей так уж хочется видеть тетушку Мох среди своих близких друзей, – ведьма была слиш-ком непредсказуема, ненадежна, невежественна, обладала замкнутой и в то же время слишком страстной душой, к тому же была чересчур хитра и... грязна. Но зато старуха прекрасно ладила с девочкой. Может быть, именно благодаря ей свершилось и едва заметное пока раскрепоще-ние души Терру. В присутствии тетушки Мох Терру была, как всегда, равнодушна, неразго-ворчива, послушна – точно кукла, неодушевленный предмет, камень. Но старуха неустанно делала ей разнообразные мелкие подарки – сладости, игрушки и прочие «сокровища», – под-купала ее, задабривала, льстила. «А теперь пойдем-ка с тетушкой Мох, милая моя! И тетушка Мох покажет тебе самую красивую на свете картинку...»

Нос тетушки Мох нависал над беззубым провалившимся ртом; на щеке красовалась бородавка размером с красную фасолину; некогда черные, а теперь с сильной проседью волосы

представляли собой чудовищную путаницу из бесконечных волшебных узелков; кроме того, от нее исходил столь могучий, сложный, сшибающий с ног запах, какой исходит разве что от лисьего логова. «Пойдем-ка со мной на прогулку в лесок, милая! – так заманивали детей в сказках все ведьмы. – Я там покажу тебе одну красивенькую вещицу!» А потом, естественно, ведьма засовывала малыша в печь, славно поджаривала его до хрустящей корочки и съедала на ужин или бросала ребенка в колодец, где бедняжка мог сколько угодно карабкаться по стенам и звать на помощь. Или, например, укладывала какую-нибудь девочку спать лет на сто внутри большого камня, пока королевский сын, волшебный принц, не раскрывал камень одним лишь волшебным словом, а потом он, конечно же, будил спящую в нем девушку поцелуем и убивал злую ведьму...

«Пойдем-ка со мной, милая!» И тетушка Мох уводила Терру в поля, чтобы показать ей гнездо жаворонка, сплетенное из зеленых былинки, или тащила с собой на болота собирать белую всесвятку, дикую мяту и голубику. Ей совершенно не нужно было ни совать девочку в огонь, ни превращать ее в чудовище, ни запирали внутри чего-нибудь – все это с Терру уже проделали.

Старая ведьма была очень добра к девочке, но доброта ее была все-таки какой-то льстивой. Вечно она первой заговаривала с Терру, что-то ей предлагала... Тенар не знала, что именно она рассказывает Терру, чему ее учит, и сомневалась, стоит ли позволять старухе морочить ребенку голову. *Слабый, как женские чары; опасный, как женские чары*, – это она слышала тысячу раз. И действительно не раз убеждалась, что колдовство таких ведьм, как Айви или тетушка Мох, часто бывало слабым с точки зрения волшебной силы, однако весьма зловредным – намеренно или просто из-за невежества. Деревенские ведьмы, хоть и могли порой знать довольно много заклятий, различных способов ведовства и даже некоторые из Великих Сказаний, никогда не учились Высшему Искусству или хотя бы азам магии. Волшебство всегда было чисто мужским делом, мужским мастерством; сама магическая наука была создана мужчинами. Никогда не существовало ни единой женщины-мага. И хоть некоторые и называли себя волшебницами или чаровницами, волшебная сила их была стихийной, необузданной, полудикой; то была сила без знаний, без мастерства, а потому – весьма опасная.

Обычно деревенская колдунья, какой была и тетушка Мох, существовала за счет знания нескольких слов Истинной Речи, которые бережно передавались в ее роду из поколения в поколение, словно великие сокровища, или за высокую плату покупались у колдунов. Им хорошо служили и самые простые заклятия, помогающие найти потерянный предмет или починить сломавшуюся вещь, а также огромное количество совершенно бессмысленных, однако весьма загадочных ритуалов. Кроме того, все они благодаря старинным традициям обладали многочисленными навыками: могли принять роды, вправить сустав, вылечить сломанную ногу, прекрасно разбирались в болезнях домашних животных и скота, знали почти все о полезных злаках и диких травах. Колдовство же их было круто замешено на суевериях, к тому же нужно было учитывать, сколь мал или велик у этих женщин тот врожденный дар, что дает возможность лечить, пользоваться заклинаниями, изменять облик людей и предметов. Все это вместе давало как хорошие, так и весьма дурные результаты. Некоторые из ведьм, например, отличались яростным, желчным нравом и всегда готовы были навредить, сами порой не зная, зачем им это. Чаще всего в деревнях они занимались тем, что принимали роды, лечили от разных хворей, готовили любовные зелья и составляли заговоры, помогавшие женщинам родить ребенка и дававшие любовную силу мужчинам. К этому, впрочем, они относились с достаточным бесстыдством. Наиболее же мудрые, даже не обладая Высшим Знанием, употребляли свою врожденную волшебную силу только во имя добра, хотя и не способны были объяснить – а это могут даже младшие из учеников Школы Волшебников, – почему они так поступают, и несли всякую чушь по поводу Равновесия и Великого Пути, чтобы хоть как-то оправдать собственные поступки и устремления. «Да делаю, как сердце велит, – сказала Тенар одна из них, когда та

была еще ученицей Огиона и жила у него в доме. – Лорд Огион – Великий Маг. Большая честь для тебя – у него учиться, однако, детка, будь осторожной и осмотрительной, особенно ежели то, чему он учит тебя, окажется тебе не по душе».

Тенар даже тогда догадалась, что мудрая женщина, по всей вероятности, права; но все-таки что-то явно оставалось за пределами ее понимания. Впрочем, она и теперь думала по-прежнему.

Наблюдая за тетушкой Мох и Терру, она сказала себе: вот тетушка Мох как раз и поступает, как сердце велит, хотя, может быть, сердце у нее необузданное, дикое, подозрительное, да и вообще она похожа на хитрую ворону, которая упрямо добивается желанной цели. И еще ей подумалось, что тетушка Мох возится с Терру не из одних лишь добрых побуждений: ее притягивает к девочке то несчастье, что с ней случилось, то насилие, тот страшный костер...

Ничто, однако, ни в словах Терру, ни в ее поведении не свидетельствовало о том, что тетушка Мох чему-то учит ее – разве что отыскивать гнезда жаворонков да собирать чернику; а еще она научила девочку играть в «путанку» одной рукой. Правую руку Терру хищный огонь превратил в некое подобие большого когтя, и с помощью изуродованного большого пальца этой руки можно было лишь ухватить что-то, как крабьей клешней. Но тетушка Мох знала великое множество замечательных способов сплести «путанку». Для некоторых было вполне достаточно четырех пальцев одной руки и большого пальца другой; и каждый раз, переплетая травинку или нитку, можно было сказать какой-нибудь «волшебный» стишок вроде:

Путай, путай, цвет вишневый!  
Жги, жги – пойдут дожди,  
А ты дракона подожди!

...И тогда непременно получалось сразу четыре треугольника, которые легко, стоило только дернуть за конец, превращались в квадрат... Терру никогда громко не пела, но Тенар слышала, как она себе под нос нашептывает слова этой песенки, сидя в одиночестве на крыльчике Огионова дома и трудясь над очередной «путанкой».

А еще Тенар думала о том, что же это за силы такие – куда более могучие, чем жалость, чем простая обязанность помочь беспомощному, – заставили ее так привязаться к этому ребенку? Девочка, конечно, осталась бы в доме Жаворонка, если бы Тенар тогда ее не забрала. Но Тенар забрала ее, даже ни на секунду не задумавшись, почему, собственно, так поступает. Следовала ли она зову своего сердца? Огион тоже ведь ничего не спросил у нее о Терру и все-таки сказал: «Ее будут бояться». А Тенар ему ответила: «Ее уже бояться», – и это было действительно так. Может быть, и сама она боялась этой девочки, как боялась жестокости, насилия, пожара? Не этой ли силой – силой страха! – была она привязана к Терру?

– Гоха, – спросила Терру, сидя на корточках под персиковым деревцем и рассматривая то место, где жарким летним днем она посадила персиковую косточку, – а что такое дракон?

– Драконы – это огромные существа, похожие на ящериц, но только длиннее самого большого корабля и выше, чем дом. У них есть крылья, как у птиц. И они выдыхают пламя.

– А сюда они прилетают?

– Нет.

Больше Терру ни о чем спрашивать не стала.

– Это тетушка Мох рассказывала тебе о драконах?

Терру покачала головой:

– Нет, ты.

– Ах вот как! – удивилась Тенар. И, немножко помолчав, прибавила: – Тому персику, что ты посадила, чтобы расти, нужна вода. Обязательно поливай его хотя бы раз в день, пока дожди не начнутся.

Терру вскочила и бегом бросилась за угол дома, к колодцу. Ее прелестные стройные ножки огонь пощадил. Тенар очень любила смотреть, как она ходит или бежит, как ступают ее смуглые, изящные ступни по этой земле. Девочка вскоре вернулась, с трудом волоча за собой тот кувшин, с которым всегда ходил за водой Огион, и устроила вокруг своего саженца небольшой потоп.

– Значит, ты запомнила ту историю, когда люди и драконы считали себя одним народом... Про то, как на островах Земноморья поселились люди, в первую очередь здесь, на востоке... а драконы остались далеко-далеко на западе.

Терру кивнула. Она, казалось, не придавала своему вопросу значения, однако, когда Тенар произнесла: «далеко-далеко на западе», показав куда-то в морскую даль, Терру вдруг вскинула лицо к высокому ясному небу, кусок которого виднелся между побегами фасоли и углом загона для коз.

На крыше загона показалась коза и повернулась к ним боком, надменно задрала голову. Судя по ее гордому виду, в данный момент она явно считала себя настоящей горной козой.

– Ну конечно, эта Сиппи снова удрала, – сказала Тенар.

– Эй, пошла, пошла! – закричала Терру, подражая деревенской пастушке, которая и сама вскоре появилась из-за угла и стала кричать на упрямую козу, но та не обращала на нее ни малейшего внимания, задумчиво созерцая растущую внизу фасоль.

Тенар предоставила им возможность поиграть в привычную игру под названием «поймай Сиппи» и побрела мимо грядок с фасолью к самому краю Большого Утеса и дальше, дальше над обрывом. Дом Огиона стоял в стороне от деревни, совсем близко от того места, где крутой склон горы переходил с одной стороны в каменистые, поросшие травой террасы, пригодные для выпаса коз, а с другой – стеной нависал над морем. По самой кромке обрыва шла тропа; на ней отчетливо видна была верхняя часть рудной жилы. А примерно в миле от деревни склоны Большого Утеса становились более пологими, превращаясь в некое подобие козырька из красного песчаника, нависавшего над морем, которое уже значительно подмыло его основание.

Здесь, на самом дальнем краю Большого Утеса, не росло ничего, кроме мхов и лишайников, лишь кое-где мелькала голубая ромашка, потрепанная ветром и прибитая к земле, похожая на случайно оброненную пуговицу. Если же встать спиной к морю, а лицом – к северу и востоку, то почти сразу за узкой полоской заболоченной земли круто поднимался к небесам, скрывая горизонт, склон самой огромной горы, покрытый лесом почти до самой вершины. Большой Утес так далеко выступал над водами залива, что с его края можно было разглядеть часть береговой линии и долины Эссари вдали, тонувшие в дымке. А дальше на юг и на запад – только небо да синее море.

Тенар часто ходила к обрыву, когда жила в Ре Альби. Огион любил леса. А она столько времени прожила в пустыне, где на расстоянии многих дней пути не было ни единого деревца, разве что в саду при храмах росли яблони и персики; садовые деревья в течение всего долгого лета приходилось поливать вручную. Вокруг же не было ничего влажного, свежего, даже зеленой травы – только округлый холм, пустынная долина да небо над ней. И Тенар очень любила стоять на самом краю утеса, где столько воздуха и простора, где леса не обступают тебя со всех сторон, где над головой нет ничего, кроме бескрайнего неба. Это было замечательно!

Мхи, серые лишайники, приземистые некрупные ромашки тоже очень нравились ей – то были ее друзья. Она уселась на выступе скалы, у самой кромки обрыва, как всегда глядя в морскую даль. Солнце пригревало сильно, но вечный здесь ветер смягчал жар его лучей, осушал разгоряченное лицо и обнаженные руки. Она, запрокинув голову, оперлась руками о землю; солнце, ветер, синь небес целиком заполнили ее душу, она как бы вся была просвечена окружающим ее простором моря и неба. Неожиданно укол в ладонку левой руки напомнил Тенар о собственной живой плоти, и она, очнувшись, посмотрела на землю. Это оказался крошечный, едва видимый стебель чертополоха, торчавший из трещины в камне; он жадно про-

тягивал свои бесцветные колючки навстречу солнцу, упрямо сопротивлялся порывам ветра и крепко держался корнями за скалу. Тенар долго смотрела на крохотное растение.

Когда же она вновь подняла глаза, то увидела в далекой голубой дымке на горизонте синеватые очертания острова – Оранея, самый восточный из Внутренних островов.

Она смотрела туда, на это призрачное видение, и о чем-то грезил, пока внимание ее не привлекла какая-то необычная птица, летевшая над морем с запада к острову Гонт. То явно была не чайка, ибо летела она слишком медленно, однако и для пеликана она летела слишком высоко... Может, это дикий гусь? Или альбатрос, редкий гость, великий скиталец Открытого моря, залетел на эти острова? Она смотрела, как медленно и плавно поднимаются и опускаются широкие крылья – где-то высоко над землей, в чуть дрожащем от жары мареве. Потом вдруг вскочила, отбежала подальше от края обрыва и застыла у скалы без движения; сердце билось так, словно вот-вот выскочит из груди, ей стало трудно дышать, ибо теперь ясно видны стали и изогнутое темно-стальное тело, и могучие перепончатые крылья, полыхающие красным заревом, и выставленные вперед когти, и вырывающиеся из чудовищной пасти клубы дыма.

Дракон летел прямо к Большому Утесу, прямо к тому месту, где стояла она. Тенар видела, как поблескивает ржаво-черная чешуя, как горят продолговатые страшные глаза. Красный язык пламени вырвался из пасти вместе с запахом гари, когда с шипением и ревом дракон развернулся и приземлился на скалистом обрыве над морем.

Когти его с металлическим скрежетом царапнули камни. Украшенный шипами хвост гремел, извиваясь, а крылья, совершенно алые там, где сквозь них просвечивало солнце, бурно хлопали и тоже гремели, пока дракон не успокоился и не сложил их за спиной. Тогда, медленно повернув голову, он посмотрел на женщину, что застыла в опасной близости от его когтей, похожих на лезвия косы. Женщина тоже посмотрела на дракона. От тела чудовища исходил нестерпимый жар.

Тенар давно знала, что нельзя смотреть дракону прямо в глаза, но сейчас ей почему-то все было нипочем. Дракон глянул из-под бронированных щитков, напоминавших черепашины и прикрывавших широко расставленные по обе стороны плоской морды глаза, прямо на нее, а в глубине его ноздрей бушевало пламя, клубился дым. Однако она тоже не отвернулась, а смело встретила его взгляд своими темными глазами.

Никто не произнес ни слова.

Дракон чуть отвернул голову, видимо, чтобы не сжечь ее, когда раскроет пасть, – а может, ему вдруг стало смешно? – и выдохнул вместе с языком оранжевого пламени нечто вроде громоподобного «ха!». И, почему-то совсем ссутулившись, проговорил почти нежно, но явно обращаясь не к ней:

– *Абивараибе, Гед.*

И тут же его окутали клубы дыма, в котором порой мелькал и тонкий язык пламени. Потом пламя и дым исчезли, дракон опустил голову, и Тенар впервые за все это время заметила, что на спине чудовища сидит человек, примостившись у самой шеи, у самых корней гигантских крыльев, в углублении между двумя похожими на огромные мечи шипами. Шипы эти спускались вдоль хребта дракона до самого кончика хвоста. Руки человека судорожно вцепились в ржаво-черную чешую, а голова была запрокинута и упиралась в основание мощного шипа; человек этот, похоже, спал.

– *Аби эбераибе, Гед,* – сказал дракон чуть громче, и Тенар показалось, что он все время улыбается своей длинной пастью, показывая зубы длиной с человеческую руку, желтоватые, с белыми острыми концами.

Человек у него на спине даже не пошевелился.

Дракон снова повернул голову на длинной шее и посмотрел на Тенар.

– *Собриост,* – сказал он – словно сталь прошелестела по стали.

Это слово Истинной Речи она знала. Огион называл ей все слова Истинной Речи, которые она хотела узнать. Дракон велел ей подняться наверх? И она вдруг отчетливо увидела ступени, ведущие к нему на спину: когтистая лапа, кривоватый локоть, плечевой сустав, мощное основание крыла – четыре ступени.

Она почему-то тоже выдохнула:

– Ха!

Но то был не смех – она просто пыталась перевести дыхание, исторгнуть то, что комом застряло у нее в горле. Потом на мгновение опустила голову, чтобы преодолеть дурноту – ах, как близко были огромные когти, и длинная безгубая пасть, и желтый продолговатый глаз! – и уверенно поднялась на спину дракона. Коснулась руки сидевшего там человека, но он не пошевелился. Впрочем, мертв он не был, иначе дракон не стал бы разговаривать с ним.

– Ну же! – сказала Тенар, наконец разглядев его лицо и разжав впившиеся в драконову чешую пальцы. – Ну же, Гед! Пойдем!..

Он едва заметно приподнял голову. Открытые глаза его, однако, оставались как бы незрячими. Тенар пришлось обойти его, царапая ноги о горячую чешую дракона, и долго отцеплять пальцы правой руки, которыми он продолжал крепко сжимать шипастый выступ на шее чудовища. Она позволила Геду с той же силой вцепиться в ее собственную руку и благодаря этому сумела протащить его вниз по всем четырем «ступеням».

Он изо всех сил старался держаться за нее, однако силы совсем оставили его, и он мешком рухнул на каменистую землю.

Дракон склонил гигантскую голову и совершенно по-звериному обнюхал тело человека.

Потом встрепенулся, глухо пророкотали приподнявшиеся мощные крылья, и он чуть попятился от Геда к краю утеса. Там, повернув голову на шипастой шее, он снова посмотрел Тенар прямо в глаза и сказал – словно пламя заревело в огромном горне:

– *Тбессе Калессин.*

Морской ветер шуршал в его полураскрытых кожистых крыльях.

– *Тбессе Тенар,* – звонко ответила ему женщина, хотя голос ее чуть дрожал.

Дракон некоторое время смотрел вдаль, куда-то на запад, за море. Потом вдруг содрогнулся всем своим длинным телом, страшные когти лязгнули по камням, гигантские крылья с шелестом раскрылись, дракон подпрыгнул и будто свалился с утеса, подхваченный ветром. Только длинный хвост еще какое-то время волочился по земле. Несколько раз поднялись и опустились красные крылья, и Калессин сразу оказался очень далеко от острова, направляясь прямо на запад.

Тенар смотрела ему вслед, пока он не стал казаться диким гусем или чайкой. Сразу похолодало. Рядом с драконом ей было жарко, словно все вокруг согрел он пламенем, бушевавшим у него внутри. Тенар поежилась от холода. Потом опустилась на землю возле Геда и в полный голос заплакала, закрыв лицо руками.

– Но что же я могу сделать? – шептала она. – Что же я могу сделать теперь?

Однако плакала она недолго и вскоре вытерла глаза и нос рукавом, обеими руками откинула назад волосы и перевернула лежащего рядом Геда лицом вверх. Теперь он лежал на этих голых скалах так спокойно и естественно, что, казалось, улегся там навеки.

Тенар вздохнула. Ничего поделать с этим она не могла, но всегда ведь найдется, что можно сделать еще...

У нее не хватит сил отнести его домой. Нужна помощь. Значит, придется оставить его на какое-то время одного. Ей казалось, что он лежит слишком близко к краю и если попытается встать, то вполне может упасть вниз. Он слишком слаб и вряд ли сможет удержаться на ногах. Как бы ей его передвинуть? Он даже головы не поднял, когда она попыталась с ним заговорить, коснулась его. Тогда Тенар подхватила его под мышки и попробовала оттащить подальше от края. К ее удивлению, он оказался очень легким, несмотря на то что лежал словно мертвый.



Вдохновленная успехом, она оттащила его шагов на семь или восемь от обрыва и уложила не на голые камни, как раньше, а на тонкий слой земли, поросший пучками дикой травы, – это тоже давало ощущение безопасности. Там она его и оставила. Бежать Тенар была не в состоянии: ноги дрожали, дыхание со стоном вырывалось из груди; однако она старалась идти как можно скорее и, приближаясь к дому Огиона, громко звала на ходу тетушку Мох, Терру и пастушку Вереск.

Девочка первой выбежала на зов из-за козьего загона и, как всегда, послушно остановилась, однако навстречу Тенар не бросилась, не выразила ни малейшей радости сама и не искала встречной радости на лице своей приемной матери.

– Терру, сбегай в деревню и попроси кого-нибудь прийти сюда... кого угодно, только посильнее... Там у обрыва раненый человек...

Терру так и застыла. Она никогда еще не ходила в деревню одна. И теперь в душе ее боролись привычное послушание и страх. Заметив это, Тенар спросила:

– А тетушки Мох здесь нет? А Вереск где? Мы бы втроем и сами смогли его отнести. Скорей, скорей, Терру, позови их! – Ей представилось, что если Гед, совершенно беззащитный, еще пробудет там, на краю обрыва, то непременно умрет. А она просто не успеет вернуться. Умрет, упадет, или его унесут драконы. С ним-то уж все что угодно может случиться. Скорее, скорее туда! Флинт умер в одиночестве. Пастух случайно нашел его у ворот. Огион тоже умер, и она не сумела, не смогла удержать его. Гед тоже вернулся домой умирать, и наступил конец всему, ничего больше у нее не оставалось, нечего ей было делать в этом мире... Но все-таки приходилось действовать. – Скорей, Терру! Приведи же кого-нибудь!

Она сама побрела было, пошатываясь, к деревне, но тут увидела, как старая ведьма спешит к ней через пастбище, опираясь на толстую палку из ствола боярышника.

– Ты звала меня, милая?

Тенар сразу же стало легче на душе. Она обрела способность вновь нормально дышать и думать. Тетушка Мох не стала тратить время на расспросы и, лишь узнав, что какой-то человек ранен и его нужно перенести сюда, прихватила плотную циновку, которую развесила на изгороди Тенар, и поспешила на край обрыва. Вместе с Тенар они уложили Геда на эту циновку и уже тащили домой, хотя и с большим трудом, когда на помощь подоспела Вереск вместе с Терру и козой Сиппи. Девушка была молодой и сильной, и теперь они сумели поднять циновку за четыре угла и быстро перенести Геда в дом.

Тенар и Терру спали вместе – в алькове у западной стены. У противоположной стены была лежанка Огиона, теперь застланная плотной льняной простыней. На нее они и положили раненого. Тенар укрыла его одеялом, пока тетушка Мох сутилась вокруг постели и шептала всякие заклятия, а Вереск и Терру просто стояли и смотрели.

– Ну а теперь дайте ему отдохнуть, – сказала Тенар и выпроводила всех на крыльцо.

– А он кто? – спросила Вереск.

– И что у обрыва делал? – спросила тетушка Мох.

– Ты же его знаешь, тетушка Мох. Когда-то он был учеником Огиона... Айхала.

Ведьма покачала головой.

– То был парень родом из Десяти Ольховин, милая, – сказала она. – Он потом стал Верховным Магом на острове Рок.

Тенар согласно кивнула.

– Нет, милая, это не тот, – сказала старуха. – Он только похож на того. Но это не он. Этот человек никакой не маг. Даже и не колдун.

Вереск с любопытством поглядывала то на Тенар, то на тетушку Мох. Она мало что понимала из людских разговоров, но очень любила слушать, когда люди говорили друг с другом.

– Но я же узнала его, тетушка Мох! Это Ястребок. – Произнесенное ею старое, привычное прозвище Геда вдруг пробудило в ней прежнюю нежность, и она впервые действи-

тельно поняла, почувствовала, что это Гед, что все эти долгие годы, с того дня, как тогда, давным-давно, она увидела его, связь между ними оставалась неразрывной. Тогда она увидела свет в глубоком подземелье, звезды в темной ночи и в этом свете – его лицо... – Я знаю его, тетушка Мох. – Она слабо улыбнулась, потом улыбка ее стала шире. – Он первый мужчина, которого я увидела в жизни.

Тетушка Мох что-то забормотала, она явно колебалась. Ей не хотелось перечить «госпоже Гохе», однако слова той казались ведьме совершенно неубедительными.

– Бывают всякие трюки, ловушки, превращения, подмены... – проговорила она. – Ты бы лучше поостереглась, милая. Как он попал-то туда, на самый край обрыва? Вроде бы никто не видел, как он через деревню шел?

– А разве никто... не заметил?..

Они дружно уставились на Тенар. Она попыталась выговорить «того дракона» и не смогла. Губы и язык не слушались, слово «дракон» не выговаривалось. Зато само сложилось другое слово и заставило Тенар выдохнуть:

– ...Калессина...

Терру смотрела на нее во все глаза. Казалось, от девочки волнами исходит тепло, жар, словно она горит в лихорадке. Она ничего не сказала вслух, лишь губы ее слегка шевельнулись – она про себя повторила имя дракона, и жар вокруг нее стал еще ощутимее.

– Фокусы, – заявила тетушка Мох. – Сейчас, когда наш старый маг умер, непременно сбегутся всякие трюкачи да шутники.

– Мы вдвоем с Ястребом на маленькой открытой лодке приплыли через море с Атуана на Хавнор, а потом – на Гонт, – сухо сказала Тенар. – Ты же видела его, когда он привез меня сюда, тетушка Мох. Тогда он еще не был Верховным Магом Земноморья, но выглядел точно так же. Разве у кого-нибудь еще есть такие шрамы?

Оскорбленная старуха так и застыла, пытаясь совладать с собой. Потом глянула на Терру.

– Нет, – сказала она. – Но...

– Неужели ты думаешь, что я бы его не узнала?

Тетушка Мох поджала губы, вся напряглась и, опустив глаза, потерла друг о друга большие пальцы рук.

– В этом мире много зла, госпожа, – сказала она. – Есть такие существа, что способны отнять у человека его тело, его обличье... даже его душу...

– Ты думаешь, он оборотень?

Тетушка Мох вздрогнула оттого, что страшное слово было произнесено вслух. И кивнула:

– Ведь и правда говорят, что однажды маг Ястреб явился сюда – это было давным-давно, еще до того, как он привез тебя, – и его преследовало одно из порождений тьмы. Может быть, та тень по-прежнему ходит за ним по пятам. А может...

– Тот дракон, что принес Ястреба сюда, – сказала Тенар, – называл его подлинным именем. И мне это имя известно! – В голосе ее зазвенел гнев, вызванный упрямой подозрительностью ведьмы.

Тетушка Мох стояла, не говоря ни слова. И это ее молчание было куда красноречивее любых слов.

– Возможно, тень, что витает над ним, – это тень его смерти. Возможно, он просто умирает сейчас. Не знаю. Если бы Огион...

Вспомнив Огиона, Тенар залилась слезами: Гед опоздал, дракон принес его сюда слишком поздно. Проглотив горький комок в горле, она подошла к камину и стала разжигать огонь с помощью кремня и огнива. Потом протянула Терру пустой чайник, чуть коснувшись при этом губами ее щеки. Чудовищные уродливые шрамы были горячи на ощупь, но жара у девочки не было. Тенар опустила перед камином на колени. Кто-то в их распрекрасном доме должен все-таки заниматься делами насущными – ведьма ли, вдова, девочка-калека или полубезумная

пастушка! И нечего пугать ребенка всякими там слезами! Но тот дракон улетел, и неужели нечего больше ждать, кроме смерти?

## 5

### Перемены к лучшему

Он лежал как мертвый, однако мертвым не был. Где же бродил он? Сквозь какие испытания прошел? Вечером при свете очага Тенар сняла с него грязную, изношенную, заскорузлую от пота одежду, вымыла его и уложила обнаженным на чистые льняные простыни, укрыв толстым теплым одеялом из козьей шерсти. Он всегда был невысоким и на вид довольно хрупким, хотя и очень стройным, однако всегда как бы источал неиссякающую жизненную силу; теперь же он так исхудал, словно вся его сила ушла, а плоть истрачена без остатка; даже шрамы, бороздившие его левое плечо и левую щеку от виска до подбородка, как бы уменьшились, подернулись патиной времени. И совсем серебряной стала его голова.

«Я безумно устала – устала хоронить, – думала Тенар. – Меня тошнит от похорон, тошнит от горя утрат. Нет уж, его мне хоронить не придется: ведь он явился ко мне верхом на драконе!»

«А когда-то я хотела убить его, – вспомнила она. – Но теперь заставляю жить – если смогу». И она посмотрела на Геда с вызовом, а не с жалостью.

«Так кто же из нас кого спас тогда, в Лабиринте, Гед?»

Он спал и ничего не слышал, даже не шевельнулся ни разу. Тенар чувствовала чудовищную усталость. Она вымылась остатками теплой воды и забралась в постель рядом со свернувшейся тихим теплым клубочком Терру. Тенар уснула сразу, и сон неожиданно перенес ее в непонятное, открытое всем ветрам пространство, совершенно бескрайнее и окутанное розовато-золотистой дымкой. Она летела. И звала: «Калессин!» И чей-то голос летел ей навстречу в потоках света.

Когда она проснулась, в полях и под застрехой уже вовсю щебетали птицы. Сев в постели, Тенар увидела утренний свет сквозь толстое дешевое стекло в низеньком окошке, выходившем на запад. Что-то таилось в ее душе, крохотное семя, отблеск неведомого, слишком далекого, чтобы можно было понять, что же это такое, но вся душа ее была охвачена совершенно новым чувством. Терру все еще спала. Тенар сидела с ней рядом, глядя в маленькое окошко на облака, просвеченные солнцем, и вспоминая свою дочку по прозвищу Яблочко – какой та была в детстве. Мимолетный образ тут же исчез, едва она попыталась присмотреться повнимательнее – крохотное тельце, пухлые, вздрагивающие от смеха щеки, рассыпающиеся кудряшки... А второй ее ребенок в шутку прозван был Искоркой – искру эту как бы высек Флинт Кремень. Она, мать, не знала его подлинного имени. Сын был в детстве настолько слабым и болезненным, насколько была здоровенькой Яблочко. Он родился до срока, совсем крошечным, да еще спустя два месяца чуть не умер от крупы, и первые два года ей все казалось, что она выхаживает едва живого воробышка – когда сегодня не знаешь, будет ли малыш жив завтра. Но ребенок выжил, крохотная искорка не потухла. И, подрастая, мальчик становился все более крепким и жилистым, совершенно неугомонным, даже настырным; проку от него на ферме не было никакого: у него не хватало терпения на животных, на растения, на людей; он и словами-то пользовался исключительно для удовлетворения собственных потребностей, но никогда – ради удовольствия беседы, для объяснения в любви, для обмена знаниями...

Однажды, как обычно скитаясь по лесам, к ним заглянул Огион – Яблочку тогда было тринадцать, а Искорке – одиннадцать. И Огион дал дочери Тенар ее подлинное имя, совершив обряд у истоков реки Кахеды. Она была очень красива – полуженщина-полудитя, – когда шла по зеленоватой воде. Огион назвал ее Хейохе. Он тогда прожил на Дубовой Ферме еще день или два и однажды спросил Искорку, не хочет ли тот отправиться в путешествие с ним вместе. Мальчик только головой помотал. «А чем бы ты занялся, будь твоя воля?» – спросил его Огион, и Искорка сказал Великому Магу то, чего до сих пор не решался сказать ни отцу, ни матери: «Ушел бы в море». Так что, после того как колдун, по прозвищу Бук, дал ему подлинное имя

– это случилось через три года после разговора с Огионом, – сын Тенар нанялся моряком на торговое судно, ходившее из Вальмута до острова Оранея и северных берегов Хавнора. Время от времени Искорка появлялся на ферме, но нечасто и никогда не задерживался надолго, хотя после смерти отца ферма переходила к нему. Белокожий, как Тенар, он вырос высоким, жилистым и узколицым, как Флинт. Он так и не назвал родителям своего подлинного имени. Похоже, он никому на свете его не назвал. Тенар не видела сына уже три года. Может быть, он уже узнал о смерти отца, может быть, нет. А может быть, его и самого уже не было на свете – умер, утонул... Но она считала, что этого не могло случиться. Он просто обязан был пронести ту искру, что зажгла в нем жизнь, через все моря, сквозь любые штормы.

Вот и в ней сейчас словно зажглась какая-то искра, точно все ее существо уверовало в неизбежность перемен, во что-то новое, неведомое. Что же это? Она, пожалуй, и спросить не решилась бы. О таком не спрашивают. Как не спрашивают у человека, каково его подлинное имя, есть оно у него или нет.

Тенар встала, оделась. Несмотря на раннее утро, было уже совсем тепло, так что огонь она разжигать не стала. Просто выпила кружку молока, сидя на крыльце и глядя, как тень горы Гонт, падавшая на море, втягивается постепенно внутрь острова. Здесь, на продуваемом всеми ветрами скалистом мысу, сейчас царило почти полное безветрие, и слабое дыхание, все-таки ощущавшееся в воздухе, пахло летом, дивными ароматами луговых трав. И что-то еще удивительно благостное разливалось вокруг – что-то непривычное, какая-то радость.

«Все переменялось!» – прошептал старый Огион, умирая, но тоже явно чувствуя радость. И накрыл ее руку своей. Он тогда принес ей в дар бесценную вещь – свое подлинное имя, словно отдавая его навсегда.

– Айхал! – прошептала она.

Он не ответил, только проблеяли козы в загоне: они ждали, когда Вереск придет их доить. «Бе-е», – сказала одна, а другая более низким, металлическим голосом откликнулась: «Бла-а! Бла-а!» «Поверь козе, – говаривал Флинт, – если хочешь все испортить». Флинт, хотя и сам когда-то был пастухом, коз недолюбливал. А Ястреб в детстве был как раз козопасом – здесь, на Гонте, только с другой стороны горы.

Тенар вошла в дом и обнаружила, что Терру стоит у постели Геда и внимательно смотрит на спящего. Она обняла девочку, и, хотя Терру обычно слегка отстранялась при любом, даже самом ласковом прикосновении или по крайней мере проявляла полное равнодушие, на этот раз она ласку не только приняла с благодарностью, но даже, пожалуй, сама немного прижалась к Тенар.

Гед, обессиленно распростертый на постели, был погружен все в тот же непробудный сон. Четыре страшных шрама-отметины на левой щеке были отчетливо видны.

– Это огнем? – спросила шепотом Терру.

Тенар ответила не сразу. Она и сама толком не знала, что это за шрамы. Когда-то она спрашивала его об этом – давно, в Расписной Комнате Лабиринта, на острове Атуан. «Это, наверно, дракон?» – спросила она тогда насмешливо. А он совершенно серьезно ответил: «Нет, это не дракон. Это отметины одного из Безымянных. Впрочем, имя этой твари я в конце концов узнал...» Вот и все, что ей было известно. Но она понимала, что для Терру значит слово «огонь».

– Да, – сказала она.

Терру продолжала смотреть на Геда. Она так наклонила головку, чтобы единственный ее зрячий глаз смотрел прямо на него, и от этого стала похожа на маленькую нахохлившуюся птичку – воробышка или зяблика.

– Пойдем-ка, птенчик, зяблик ты мой! Ему сейчас особенно нужно крепко спать, а тебе пора съесть персик. Интересно, созрел ли у нас там сегодня хоть один?

Терру тут же помчалась смотреть. Тенар пошла следом.

Поглощая персик, девочка внимательно изучала то место, где вчера посадила персиковую косточку. Она явно была разочарована тем, что там до сих пор ничего не выросло, однако ничего не сказала.

– Полей получше, – посоветовала ей Тенар.

...После завтрака явилась тетушка Мох. Она замечательно умела плести корзины из тростника, росшего на болотах близ Большого Утеса, и Тенар как-то попросилась к ней в ученицы. С раннего детства, проведенного на острове Атуан, она любила учиться. А оказавшись на чужом для нее острове Гонт, обнаружила, что люди страшно любят кого-нибудь учить. Она научилась с благодарностью принимать любые знания и уроки, и благодаря этому ей быстро простили, что она чужестранка.

Когда-то свои знания ей передал Огион, потом – Флинт. Для нее естественно было всю жизнь чему-то учиться. И ей казалось, что еще столь многому на свете поучиться стоит, хотя раньше, слушая наставления жриц или будучи ученицей волшебника, она так не думала.

Тростник был замочен загодя, и сегодня с утра они собирались его расщеплять – занятие, требующее известного внимания, однако в общем несложное, так что вполне можно было и думать, и говорить о чем угодно.

– Тетушка, – спросила Тенар, сидя на крыльце перед корытцем с замоченным тростником и кучкой готовой щепы на циновке, – а как ты можешь угадать, волшебник человек или нет?

– То, что скрыто в глубине, ведомо лишь тем, кто глубоко видит, – сказала тетушка Мох прочувствованно и прибавила: – То, что рождено на этот свет, непременно заговорит. – И рассказала Тенар историю о муравье, который подобрал на полу во дворце один крошечный волосок и поспешил отнести его в свой муравейник, а ночью весь подземный муравейник засиял, точно туда упала звезда, ибо волосок тот был с головы Великого Мага Бреста. Но лишь мудрые могли увидеть тот свет в муравейнике. Обычным людям он казался погруженным во тьму.

– Значит, просто нужны знания, просто нужно учиться? – спросила Тенар.

– Может быть, нужно, а может быть, и нет. – Такова была суть весьма туманного ответа ведьмы. – Этот дар бывает порой врожденным, – пояснила она. – Даже если человек о нем и не знает, дар все равно остается при нем. И непременно засияет когда-нибудь, как тот волосок Великого Мага, что попал в муравейник.

– Да, – сказала Тенар, – такое и я видела. – Она аккуратно расщепляла стебли тростника и складывала щепу на циновку. – Тогда как же ты узнаешь, что кто-то вовсе не волшебник?

– Так ведь сразу видно! – воскликнула тетушка Мох. – У такого ничего особенного за душой нет, милая. Нет у него волшебной силы, и все. Вот посмотри. Если у меня есть глаза, так ими я могу увидеть, что и у тебя глаза тоже есть, так ведь? А если ты слепая, так я и это сразу увижу. Или если у тебя, к примеру, только один глаз зрячий, как у нашей малышки, или, скажем, три глаза – это ведь тоже сразу заметно, разве не так? Но если у меня самой ни одного зрячего глаза нет, так я ни за что не узнаю, зрячая ли ты, если ты сама мне об этом не скажешь! Но у меня-то глаза есть! Я знаю, что вижу прекрасно. Третий глаз! – Она коснулась собственного лба и разразилась смехом – громким сухим кудахтаньем, словно торжествующая наседка, которая только что снесла яйцо. Она была довольна, что отыскала нужные слова и сумела выразить именно то, что хотела. По большей части ее невнятная и довольно-таки двусмысленная манера выражать собственные мысли, как Тенар давно уже начала подозревать, была связана именно с неумением управлять словами. Никто никогда не учил ее выражать свои мысли последовательно. Никто никогда не прислушивался к тому, что она говорит. Все ждали от нее, ведьмы, именно этого невнятного, загадочного, волшебного бормотания. Она как бы не должна была иметь ничего общего с ясными значениями слов.



– Понимаю, – сказала Тенар. – Тогда... Но может быть, ты на этот вопрос и не захочешь отвечать? Скажи, вот если ты смотришь на кого-то этим своим «третьим глазом», то есть видишь его волшебным зрением, сразу ли ты понимаешь, какова его волшебная сила?

– Это скорее от знаний зависит, – сказала тетушка Мох. – Увидеть человека – это все равно что сказать: *Я его увидел*. Узнать и увидеть – не одно и то же. Я вот вижу тебя, вижу этот тростник, вижу эту гору. А с людьми знание нужно. Я, например, знаю, что есть в нашей милой малышке и чего нету в том мужчине... который у тебя в доме лежит, что есть в тебе и чего нет в нашей пустоголовой пастушке Вереск. Я знаю... – Но дальше сопоставлять ей оказалось не под силу. Она что-то пробормотала и сплюнула. – Каждая хоть сколько-нибудь стоящая ведьма тут же другую ведьму признает! – выпалила она наконец.

– Значит, вы друг друга легко узнаете?

Тетушка Мох кивнула:

– Да, точно. Так оно и есть. Узнаем.

– И любая волшебница сразу узнает и поймет, что в тебе есть волшебная сила, что ты колдунья?..

Но тут тетушка Мох как-то странно ухмыльнулась – открылась черная пещера беззубого рта в паутине бесчисленных морщин – и посмотрела прямо на Тенар.

– Милая ты моя, ты, верно, хотела сказать «волшебник», а не «волшебница»? Разве можем мы сравниться с мужчинами-волшебниками?

– Но Огион...

– Лорд Огион был добр, – очень серьезно сказала тетушка Мох.

Некоторое время обе молчали, упорно продолжая расщеплять стебли тростника.

– Смотри не поранься, не занози руку, дорогая, – предупредила тетушка Мох.

– Но Огион же учил меня! Как если бы я вовсе не была девушкой. Как если бы я была его настоящей ученицей – как Ястреба. Он учил меня Языку Созидания. Что бы я у него ни спросила, обо всем он рассказывал мне.

– Другого такого человека на свете не было и нет.

– Это же я сама не захотела, чтобы он меня учил дальше. Я сама ушла от него. Зачем мне были бы его книги в деревне? Что хорошего они бы мне дали? Я тогда хотела жить как все, хотела иметь мужа, детей; я хотела прожить *свою собственную* жизнь.

Она аккуратно и ловко расщепляла ногтем стебли тростника.

– И все это у меня получилось, – прибавила она.

– Ты бери стебель правой рукой, а щепу откладывай левой, – посоветовала ведьма. – Что ж, дорогая моя госпожа, кто может знать заранее? Кто? Желание иметь своего мужчину не единожды приносило мне ужасные неприятности. А вот желания выйти замуж у меня особого не было. Нет-нет! Все это не для меня!

– Почему же? – спросила Тенар.

Удивленная тетушка Мох ответила просто:

– Как же, да разве мужчина станет жениться на ведьме? – И, как-то странно шевельнув челюстями, словно овца, жующая жвачку, прибавила: – Да и какая ведьма выйдет за обыкновенного мужчину?

Опять обе помолчали.

– А что плохого в обыкновенных мужчинах? – осторожно спросила Тенар.

И тетушка Мох тоже осторожно, почти шепотом, ответила:

– Не знаю, милая. Я об этом частенько думала. Да, частенько. И самое большее, что я могу о них сказать... видишь ли, мужчина заполняет собственную шкуру, словно ядрышко ореха скорлупку. – Она вытянула свои длинные крючковатые влажные пальцы так, словно обхватила ими орех. – И скорлупа эта плотная и твердая; и вся она изнутри заполнена им самим.

Вся заполнена великолепной мужской плотью, мужским духом. И больше там не помещается ничего! Только он сам – и больше ничего!

Тенар немного подумала и наконец спросила:

– Ну а если это волшебник?

– Тогда там, внутри скорлупы, одна лишь его волшебная сила, видишь ли. Его могущество – это и есть он сам. Так-то оно с мужчинами. Так что коли уж его волшебная сила уходит, то и сам он исчезает вместе с ней. Только пустая скорлупа остается! – Она как бы расколола орешек и выбросила осколки скорлупы. – И ничего больше.

– Ну а что же ты о женщинах скажешь в таком случае?

– О, милая, женщина – это совсем другой разговор. Кто знает, где начинается и где кончается женщина? Послушай-ка, госпожа, вот у меня, например, есть корни – глубже, чем у этого острова. Глубже моря они и старше самых первых из островов Земноморья. Далеко во тьму уходят они. – Глаза тетюшки Мох сверкнули странным огнем меж покрасневших век, а голос вдруг обрел неслыханную мелодичность. – Во тьму! Я появилась на свет раньше, чем луна. Никто, никто не знает, никто не может сказать, что я такое, что такое женщина и в чем ее могущество, и уж тем более – волшебное могущество женщины; женские корни глубже, чем корни деревьев, глубже, чем корни островов; женщина старше, чем наш Создатель Сегой, старше, чем луна в небе. Кто осмелится задавать вопросы тьме? Кто спросит тьму, каково ее подлинное имя?

Старуха говорила вдохновенно, почти пела, забыв обо всем на свете; но Тенар сидела по-прежнему прямо, упорно и спокойно расщепляя один стебель за другим.

– Я спрошу ее, – сказала она. И расщепила еще один стебель. – Я достаточно долго прожила во тьме.

Время от времени она заглядывала в дом и видела, что Ястреб по-прежнему спит. Вот и сейчас она встала и пошла посмотреть на него. Когда же она снова уселась рядом с тетюшкой Мох, то ей совершенно расхотелось продолжать этот разговор, потому что вид у старухи был кислый, даже сердитый, и Тенар сменила тему:

– Сегодня утром, проснувшись, я почувствовала... ну как если бы ветер новый подул. Какую-то перемену. Может быть, просто погода переменялась? А ты ничего такого не почувствовала?

Тетюшка Мох не сказала ни да, ни нет.

– У нас тут, на Большом Утесе, каких только ветров нет – и добрые, и злые... Одни ненастье приносят, другие – ясную погоду, а некоторые приносят тем, кто, конечно, их услышать может, разные вести, да только тот, кто ветры слушать не желает, тот их и услышать не может. Ну а что я о ветрах знаю – старуха, которую и магии-то не учили, которая и книг-то великих не читала? Все мои знания – из земли, из темной земли. Той, что у них под ногами, у этих гордецов. У всех этих заносчивых лордов и Великих Магов. Разве они станут с высоты своих знаний вниз смотреть? Да и что, в конце концов, может знать какая-то старая ведьма?

«Она была бы отличным противником, – подумала Тенар, – но дружить с ней трудно».

– Тетюшка, – сказала она, снова беря в руки тростник, – я выросла среди женщин. Там, в стране каргов, далеко на востоке, на острове Атуан, меня окружали только женщины. Маленькой девочкой меня взяли из семьи и вырастили в пустыне, чтобы затем сделать Верховной Жрицей. Не знаю, как по-настоящему называется та пустыня, мы ее называли просто Священным Местом. И это было единственное место, которое я знала. Храмы охраняли воины, но им было запрещено входить на территорию, ограниченную стеной. А мы не смели покидать ее. Мы выходили за ее пределы только толпой – сплошь женщины и девочки, сопровождаемые охраной, состоявшей из евнухов, которые держали всех мужчин на недосягаемом для глаза расстоянии.

– Кто это такие – те, кого ты только что назвала?

– Евнухи? – Тенар машинально употребила каргадское слово. – Оскопленные мужчины.

Ведьма уставилась на нее, проговорила: «Тсекб!» – и особым жестом отогнала зло. Потом нервно облизала губы. Она была чрезвычайно озадачена.

– Один из них, – продолжала Тенар, – практически заменил мне мать... Но поверишь ли, тетушка, я ни разу не видела настоящего мужчины, пока не стала совсем взрослой. Одних только девочек и женщин. И все-таки я не понимала как следует, что же женщины собой представляют, именно потому, что женщины были единственными людьми, которых я знала. Это, наверно, как у тех мужчин, что подолгу лишены женского общества, – у моряков, солдат и еще магов с острова Рок; разве понимают они по-настоящему, что такое мужчины? Как они могут знать это, если даже никогда не говорили с женщиной?

– Они что же, поступают с ними как с баранами да козлами? – занятая своими мыслями, спросила Мох. – Просто берут ножик и – чик?

Сейчас, вся охваченная ужасом и мрачной жадой мести, которая сильнее даже гнева, она просто не способна была рассуждать здраво и говорить на какую-либо иную тему, кроме как о евнухах.

Тенар немного могла ей рассказать. Она поняла, что никогда даже не задумывалась об этом. На Атуане было много евнухов, а один из них, Манан, нежно любил ее, и она его любила; но убила его во имя собственного спасения... А потом она попала на острова Архипелага, где никаких евнухов не было, и совсем позабыла о том, что где-то они еще существуют, – они для нее словно навеки канули во тьму вместе с Мананом.

– По-моему, – сказала она, стараясь удовлетворить жадное любопытство тетушки Мох, – они выбирают маленьких мальчиков и... – Она вдруг умолкла. Даже руки перестали двигаться. – Так было и с Терру, – снова заговорила она после долгого молчания. – Для чего еще нужен ребенок? Какой от малыша прок? Вот им и пользуются. Насилуют, уродуют... Послушай, тетушка Мох. Когда я жила в тех местах, где поклоняются тьме, там жрицы прямо-таки горели жадой насилия. А попав сюда, я решила, что вышла из тьмы на свет. Я научилась понимать нормальные значения слов. У меня был муж, я родила от него детей, я в общем жила хорошо. И света мне вполне хватало. Но и при свете с нашей Терру... сотворили такое... Там, на лугу, у реки. У той самой реки, где когда-то Огион дал подлинное имя моей родной дочери. И солнце светило... А я все пытаюсь понять теперь, где же я могла бы жить, тетушка Мох. Ты меня понимаешь? Ты понимаешь, что я хочу сказать?

– Что ж поделаешь? – вздохнула старуха и, помолчав, прибавила: – Милая ты моя, вокруг столько горя, что его и искать-то не нужно – само придет. – И, заметив, как дрожат руки Тенар, пытающейся вновь приняться за работу, ласково предупредила ее: – Смотри не поранься, милая.

Лишь через сутки Гед пришел в себя. Тетушка Мох отлично умела выхаживать больных, несмотря на все свои причуды и грязноватую внешность. Она даже умудрилась влить раненому в рот несколько ложек мясного бульона.

– Долго голодал, – объявила она, – и прямо-таки высох от жажды. – И, внимательно осмотрев его, прибавила: – *Он слишком далеко зашел*, по-моему. После таких путешествий они обычно слабеют, милая, и потом не в состоянии даже пить, хотя вода – это единственное, что им совершенно необходимо. Я знавала одного волшебника, крупного и сильного мужчину, который после этого взял да и умер. В считанные дни тенью стал, знаешь ли.

Но благодаря неустанным и терпеливым заботам тетушки Мох больной все-таки понемногу пил крепкий бульон, сдобренный целебными травами.

– Ну теперь мы посмотрим! – сказала старая ведьма. – Хотя, по-моему, все-таки слишком поздно. Он от нас ускользает. – Она говорила об этом без горечи – пожалуй, даже с облег-

чением. Этот незнакомый мужчина был ей безразличен; просто еще одна смерть – обычное дело. Возможно, ей удастся похоронить хоть этого мага. Ей же не позволили похоронить старого Огиона.

Тенар как раз обмывала Геду израненные руки. Он, должно быть, слишком долго ехал на спине Калессина и слишком яростно цеплялся за железную чешую дракона: с ладоней у него была содрана вся кожа, а пальцы покрыты бесчисленными ссадинами и порезами. Даже во сне пальцы его оставались судорожно стиснутыми, словно он боялся разжать их и упасть со спины дракона. Тенар пришлось силой разжать ему руки, осторожно промыть и смазать целебной мазью раны. Однако он почти сразу же закричал и попытался покрепче ухватиться за что-то руками – во что бы то ни стало старался удержаться на Калессине. Потом глаза его вдруг открылись. Она тихонько окликнула его. Он посмотрел на нее и без улыбки сказал:

– Тенар... – всего лишь узнавая ее, но не проявляя никаких чувств. Но то, что он узнал ее, доставило ей несказанную радость – она словно увидела дивный цветок, вдохнула сладостный его аромат: остался все-таки на свете хотя бы один человек, знавший ее подлинное имя, и этим человеком был Гед.

Она наклонилась и поцеловала его в щеку.

– Лежи спокойно, – сказала она. – Дай мне закончить.

Он подчинился и, вновь откинувшись на подушку, погрузился в сон, однако теперь уже руки его немного расслабились и пальцы не были так судорожно сжаты.

Позже, уже ночью, засыпая рядом с Терру, она подумала: «Но ведь я никогда его раньше не целовала». И мысль эта потрясла ее до глубины души. Сначала она даже не поверила себе. Неужели за все эти годы?.. Нет, не в Гробницах – потом, когда они вместе брели через горы... потом на «Зоркой» плыли в Хавнор... И позже, когда он привез ее сюда, на Гонт?..

Нет, Огион ведь тоже никогда не целовал ее, как и она – его. Огион называл ее дочкой, он очень любил ее, но, похоже, старался не прикасаться к ней; да и она, привыкшая к одиночеству, призванная исполнять роль Единственной Жрицы, святой и неприкосновенной, не искала возможности кого-то коснуться или просто не понимала, что ищет ее. Она обычно лишь на минутку прижималась лбом или щекой к руке Огиона, или же он сам мог погладить ее по голове – всего лишь разок легко коснуться ее волос.

А Гед никогда даже этого не делал.

«Неужели я ни разу не задумывалась об этом?» – изумленно спрашивала она себя, испытывая нечто вроде смутного страха.

Она ничего не понимала. При мысли об этом какой-то ужас, ощущение совершаемого греха охватывали ее душу и медленно отступали, так и не найдя себе объяснения. Ее губы узнали теперь обветренную, суховатую, прохладную кожу его щеки у самого уголка рта, и одно лишь это теперь имело смысл, только это было важно для нее.

Она долго не могла уснуть. Но и во сне чей-то голос все звал ее: «Тенар! Тенар!» – а она отвечала странными криками, словно морская птица, что летит над океаном в потоках света, вот только не понимала, чье имя выкрикивает в ответ.

Ястреб разочаровал тетушку Мох: он выжил. Через день-два она совсем сдалась и решила, что он чудом спасся от смерти, а потому упорнее, чем раньше, поила его бульоном из козлятины, разных корешков и целебных трав, бережно поддерживая при этом за плечи, окутывая могучим запахом своего давно не мытого тела, вливая в него жизнь ложку за ложкой и при этом постоянно бормоча что-то. Хотя и сам он узнал ее и называл, как все, тетушкой Мох, и ей уже трудно было бы отрицать, что это именно Ястреб, ведьма все-таки была настороже. Не нравился он ей, и точка! «Все в нем не так, как надо», – говорила она. Тенар всегда с большим уважением относилась к необычайной проницательности тетушки Мох, и подобные заявления весьма ее беспокоили, но в собственной душе она не ощущала ни малейших сомнений или

подозрений – только радость от одного лишь его присутствия, оттого, что он хоть и медленно, но возвращается к жизни.

– Когда он снова станет самим собой, ты увидишь! – говорила Тенар тетушке Мох.

– Самим собой! Как бы не так! – презрительно откликнулась та и снова показывала Тенар, как легко ломается в пальцах пустая ореховая скорлупка.

Довольно скоро Гед спросил об Огионе. Тенар ждала этого вопроса с ужасом. Ей уже почти удалось себя убедить, что он вообще этого вопроса не задаст, что он сам узнает об этом, как и все маги, как узнали даже самые обычные волшебники из порта Гонт и Ре Альби. Однако на четвертое утро, проснувшись, когда Тенар подошла к нему, Гед внимательно посмотрел на нее и сказал:

– Это ведь дом Огиона.

– Да, это дом Айхала, – ответила она, стараясь казаться беззаботной; ей еще было трудно выговаривать вслух подлинное имя Великого Мага. Она не знала, известно ли оно Геду. Конечно же известно. Может быть, от самого Огиона, а может быть, тому и говорить надобности не было.

– Значит, он умер.

– Десять дней назад.

Он снова умолк, глядя прямо перед собой, словно о чем-то размышляя, словно тщательно пытаясь вспомнить, отыскать что-то в своей памяти.

– Когда же я сюда попал? – еле слышно прошептал он, и ей пришлось нагнуться к нему совсем близко, чтобы разобрать, что он говорит.

– Четыре дня прошло.

– В тех горах больше никого не было, – проговорил он с трудом, и по телу его прошла судорога. Он зажмурился, словно от боли, весь напрягся и глубоко вздохнул.

Силы потихоньку возвращались к нему, однако напряжение из глаз не уходило; тяжкие вздохи, мучительно стиснутые руки – к этому Тенар почти привыкла. Силы возвращались к нему – но не душевный покой.

Как-то раз он сидел на пороге дома, греясь в лучах летнего полуденного солнца. Пока что он способен был дойти лишь от постели до крыльца. Сидя там, он любовался разгорающимся днем, и Тенар, половшая сорняки на грядках фасоли за домом, выйдя из-за угла, не смогла оторвать от него глаз. Не только серебряные волосы, но и сама словно пеплом подернутая плоть его, казалось, принадлежат человеку с того света. В глазах Геды не было прежнего огня. И все-таки этот похожий на тень, словно обугленный человек был тем Гедом, чье лицо она впервые увидела в сиянии его собственного волшебного могущества, – у него по-прежнему было сильное волевое лицо с ястребиным носом и тонко очерченным ртом; он по-прежнему был красив. Он был таким, как всегда, – красивым и гордым.

Она подошла к нему ближе.

– Солнышко для тебя сейчас важнее всего, – сказала она, и он согласно кивнул, но сидел, по-прежнему обхватив себя стиснутыми руками, словно замерз, хотя солнце буквально заливало его жаркими лучами.

Он почему-то был настолько молчалив в ее присутствии, что она даже подумала, не в ней ли причина его беспокойства. Может быть, он просто не привык видеть ее здесь и потому чувствует себя не в своей тарелке? В конце концов, теперь он стал Верховным Магом Земноморья – она все время об этом забывала. И уже целых двадцать пять лет прошло с тех пор, как они вдвоем брели по горам Атуана, а потом плыли на «Зоркой» через Восточное море.

– А где сейчас «Зоркая»? – спросила она, сама удивившись этому вопросу, и тут же спохватилась: «Ах, какая я дура! Столько лет прошло, он теперь Верховный Маг, зачем ему та лодочка?»

– На Селидоре, – ответил он, и лицо его снова подернулось непроницаемой и необъяснимой пеленой печали.

*Давным-давно, неведомо в каком году, и так далеко, как отсюда до Селидора...*

– Это самый далекий из островов Земноморья? – зачем-то спросила она.

– Да, самый далекий – на западе, – откликнулся он.

После ужина, когда Терру убежала играть на улицу, они остались сидеть за столом.

– Так, значит, это с Селидора ты прилетел верхом на Калессине?

На этот раз имя дракона выговорилось как бы само собой; оно само заставило ее губы произнести нужные звуки, а в горле она почувствовала слабый привкус гари.

Он коротко, но остро глянул ей прямо в глаза, и только тут она поняла, что чаще всего он избегает смотреть прямо на нее. Он кивнул в ответ и, мучительно стараясь расставить все точки над «и», уточнил:

– С Селидора мы сперва прилетели на Рок. А потом уже на Гонт.

Сколько дней они были в пути? Десять, двадцать? Она понятия не имела. На Хавноре когда-то она видела огромные карты, но никто никогда не учил ее понимать то, что на них изображено и написано. *Так далеко, как отсюда до Селидора...* А как измерить скорость полета дракона?

– Гед, – сказала она, называя его подлинным именем, ибо сейчас они были одни, – я понимаю, что ты пережил ужасные страдания и опасности. Если не хочешь, не можешь или не имеешь права что-то рассказывать мне... Но если бы я знала хоть что-то! Может быть, тогда от меня тоже было бы больше толку. А мне бы очень хотелось стать тебе полезной. Наверное, с острова Рок за тобой скоро приедут или пошлют за тобой, Верховным Магом, корабль, а может быть – кто его знает! – даже дракона. Если ты снова надолго уедешь, мы так никогда как следует и не поговорим. – Она нервно ломала пальцы, чувствуя фальшь собственных интонаций и слов. Идиотская шутка насчет посланного за Гедом дракона показалась ей позаимствованной у сварливой крестьянской жены.

Он смотрел в стол – мрачный, усталый, словно крестьянин, весь день проработавший в поле и на закуску получивший дома скандал.

– По-моему, гостей с Рока здесь пока не будет, – напряженно выговорил он, некоторое время молчал и наконец закончил: – Погоди, дай мне время.

Тенар решила, что теперь он никогда уже больше говорить с ней не станет.

– Да, конечно, ты прости меня, – быстро сказала она и уже поднялась, чтобы убрать со стола и вымыть посуду, когда он вдруг тихо и по-прежнему глядя в стол заявил:

– Теперь этим буду заниматься я.

Потом встал, поставил свою тарелку в таз с грязной посудой, помог Тенар убрать со стола. Сам перемыл тарелки, пока Тенар возилась в кладовке. Интересно, думала она, все сравнивая его с Флинтом, Флинт ни разу в жизни тарелки не вымыл. Еще бы, женская работа! Но Гед и Огион жили здесь холостяками, да и везде, где Гед жил подолгу, женщин в доме не было, так что ему доводилось делать и «женскую» работу, и он к этому относился спокойно. Было бы очень жаль, подумала она, если бы вдруг он стал относиться к такой работе иначе, испугался бы, что его достоинство повисло на конце посудного полотенца.

Никто за ним с острова Рок не приехал. В тот раз, когда они впервые заговорили об этом, было просто рановато: ни одно судно – разве что легкокрылая «Зоркая», подгоняемая волшебным ветром, – не смогло бы так быстро дойти до Гонта. Однако день шел за днем, но не было для Геда ни письма, ни гонца. Тенар казалось странным, что Верховного Мага Земноморья столь долго не решаются беспокоить. Он, должно быть, просто запретил посылать за ним корабль, а может быть, скрылся здесь ото всех с помощью своего волшебного мастерства так, чтобы никто не смог догадаться, кто он такой и откуда. Ведь и жители Ре Альби тоже почти не обращали на него внимания.



То, что никто из поместья лорда Ре Альби так и не явился к домику Огиона, удивляло Тенар куда меньше. Здешные лорды всегда были с Огионом в довольно прохладных отношениях. Жены здешных правителей, если верить сплетням, всегда отличались склонностью к черной магии. Дочь одного из хозяев Ре Альби, по слухам, вышла замуж за какого-то страшного и могущественного чародея с северных островов, который заживо похоронил ее под каким-то волшебным камнем. Другая женщина из этого рода долго колдовала над своим не рожденным еще ребенком, пытаясь превратить его в могущественного волшебника, и он действительно сразу заговорил, едва успев появиться на свет, однако в теле его как бы не было ни единой косточки. «Словно пустой кожаный бурдюк! – шептала деревенская акушерка. – Словно бурдючок с глазами и человеческим голосом. И грудь не брал, только все лопотал что-то странное, а потом умер...» Что бы там ни было на самом деле, только правители Ре Альби всегда жили замкнуто. Спутница мага Ястреба, приемная дочь Огиона, Белая Дама, что доставила Кольцо Эррет-Акбе в Хавнор, возможно, со временем и удостоилась бы чести попасть в замок Ре Альби, однако такого не случилось. Тенар – к собственному большому удовольствию – предпочла поселиться в крошечном домике, принадлежавшем деревенскому ткачу Фану, жила там совершенно одна и крайне редко, да и то издали, видела людей из господского дома. Сейчас, как сказала бы тетушка Мох, дом этот лишился хозяйки: там жили один только старый лорд, его внук да еще тот молодой волшебник Аспен, которого специально пригласили в поместье из Школы Волшебников.

После того как Огиона вместе с амулетом тетушки Мох похоронили под буком на лесной тропе, Тенар Аспена не видела ни разу. Она была поражена: неужели он не ведает о том, что Верховный Маг Земноморья живет по соседству? А если он знает об этом, то по какой причине держится в стороне? Да и волшебник из порта Гонт тоже после похорон Огиона больше ни разу не появился. Даже если он еще не узнал, что Гед здесь, то, конечно же, должен знать, кто такая она, Белая Дама, что носила когда-то Кольцо Эррет-Акбе на своей руке и возвратила целостность Руне Мира... «А как давно это было, старая ты дура! – сердито сказала она себе. – Все пытаешься собственный затылок увидеть? Смотри нос набок не сверни!»

А все-таки именно она назвала им подлинное имя Огиона! Это чего-то стоит!

Впрочем, разве станут эти волшебники-мужчины-проявлять к ней какое-то внимание? Они люди могущественные. И общаются только с себе подобными. А у нее-то какое могущество? Да и было ли оно у нее когда-нибудь? Девочкой, жрицей, она служила лишь сосудом, который Великая Тьма наполняла своим могуществом, заставляя ее, Ару, исполнять свои желания, а затем опустошала, оставляя без сил, без чувств, без стремлений... Потом, еще молодой, она училась Великому Знанию у могущественного мага и сама отказалась от этих знаний, никогда больше о них не вспоминала. Она тогда сделала свой выбор и обрела истинное женское могущество, однако и это прошло: свою роль матери и жены она сыграла, и теперь в ней не осталось никакой силы, способной добиться признания.

Но ведь дракон первым заговорил с ней! «Я Калессин», – сказал он, а она ответила: «А я Тенар».

«Что такое Повелитель Драконов?» – спрашивала она когда-то Геда в Лабиринте, во владениях тьмы; она все пыталась унижить его, заставить признать ее могущество, а он ответил ей просто и честно (ее всегда обезоруживала эта его манера): «Это тот, с кем драконы станут разговаривать».

Значит, она та, с кем драконы разговаривать станут. Не это ли новое потаенное чувство, словно зернышко света, она ощутила в себе на следующее утро после встречи с Калессином, когда, проснувшись, глядела в маленькое окошко, выходящее на запад?

Через несколько дней после того разговора с Гедом Тенар полола сорняки вдоль дорожки, ведущей в сад и огород, спасая грядки от глушащей все на свете буйной травы. Гед, выйдя из

загона для коз, тоже принялся за прополку, двигаясь ей навстречу. Некоторое время он работал споро, потом вдруг сел на землю и мрачно уставился на свои руки.

– Дай им сперва зажить как следует, – мягко сказала Тенар.

Он кивнул.

Высокие побеги фасоли цвели, распространяя сладкий аромат. Гед сидел, сложив худые руки на коленях, и смотрел, как сплетаются цветущие растения с теми, на которых уже висят молодые стручки. Трава была вся просвечена солнцем. Не прерывая работы, Тенар сказала вдруг:

– Перед самой смертью Айхал сказал: «Все переменялось...» – и, хотя я по-прежнему горько оплакиваю его, что-то не дает моему горю стать слишком сильным. Словно должно родиться что-то прекрасное, словно что-то прекрасное обрело наконец свободу... И еще, во сне и потом, едва проснувшись, я уже знала: что-то тогда действительно изменилось в мире.

– Да, – сказал он. – С одним злом покончено. А еще... – Он заговорил снова только после длительного молчания. На нее он не смотрел, но впервые голос его звучал так, как помнилось ей, – он говорил тихо, спокойно, с легким суховатым гонтским акцентом: – Помнишь, Тенар, как мы впервые приплыли в Хавнор?

«Разве могу я забыть?» – откликнулось ее сердце, но она промолчала, опасаясь, что звуками речи спугнет Гед.

– Мы вошли на «Зоркой» в гавань, причалили, поднялись по ступеням из мрамора... И кругом толпился народ... а ты подняла вверх руку, чтобы все видели Кольцо...

– Да, как подняла, так и забыла опустить: меня ужасно испугали все эти бесчисленные лица, голоса, множество цветов, башен, флагов, сверкание золота и серебра, громкая музыка – а ты был единственным, кого я знала... в целом мире единственным, и это ты вел меня по улицам Хавнора...

– Сквозь толпу королевские слуги провели нас к башне Эррет-Акбе. И вдвоем с тобой мы поднялись по высокой лестнице, помнишь?

Она кивнула. И оперлась ладонями о рыхлую землю, которую полола, ощущая ее зернистую прохладную поверхность.

– Я с трудом открыл тяжелую дверь – она сперва плохо подавалась. И мы вошли. Ты помнишь?

Он спрашивал и спрашивал, словно желая получить подтверждение каждому своему слову: «Это действительно случилось, я правильно рассказываю?»

– Мы вошли в огромный высокий зал, – сказала она. – Он был похож на мой Тронный Храм, где я когда-то была поглощена силами Тьмы. Но только потому, что был очень высоким. И свет туда проникал из-под самой крыши. Солнечные лучи, подобно лезвиям мечей, пересекали пространство...

– А трон? – спросил он.

– Трон? Да, конечно! Весь золотой и алый. Но тоже пустой. Как и тот, в моем Храме на острове Атуан.

– Теперь трон уже не пустует, – сказал он. И посмотрел на нее поверх зеленых стрелок лука. Лицо его оставалось, однако, напряженным, задумчивым, словно, говоря о радостном событии, сам он радости не испытывал: не мог. – Теперь в Хавноре есть настоящий Король, – сказал он. – То, что было предсказано, осуществилось. Утраченная Руна стала целой, и мир тоже обрел целостность. Он... – Гед умолк и уставился в землю, стиснув руки, – он вынес меня из царства смерти назад, к жизни. Аррен с Энлада. Лебаннен, которого непременно еще воспоют потомки. Он теперь носит свое подлинное имя, Лебаннен, и это он Король Земноморья.

– Так, значит, – спросила она, опускаясь на колени и пытливо заглядывая ему в лицо, – это он принес в наш мир радость – словно люди вышли из тьмы на свет?

Гед не ответил.

«Значит, теперь в Хавноре есть Король», – подумала она и громко сказала:

– Настоящий Король в Хавноре!

Память об этом дивном городе хранилась в ее душе – она словно видела его сейчас: широкие улицы, мраморные башни, черепичные крыши, корабли с белыми парусами в гавани, поразительной красоты тронный зал, где солнечные лучи, падающие из окон, подобны лезвиям мечей; она помнила то ощущение благополучия, достоинства, гармонии и порядка, которое вызывал этот город. И сейчас ей казалось, что из этого светлого центра гармонии и порядка, словно круги по воде, расходятся во все стороны лучи мира.

– Как хорошо, что ты это сделал, друг мой дорогой! – сказала она.

Гед легким нетерпеливым жестом попытался остановить ее и вдруг отвернулся, прикрыв ладонью лицо. Ей невыносимо было видеть его слезы. Она склонилась над грядкой, выдернула один сорняк, второй, а третий оборвался у самого корня. Она рукой разгребла землю, пытаясь извлечь упрямый корень.

– Гоха, – донесся от ворот загона голосок Терру, слабый, словно надтреснутый, и Тенар оглянулась.

Девочка обоими своими глазами – зрячим и слепым – смотрела прямо на нее. Тенар подумала: «Может быть, я должна сказать ей, что в Хавноре теперь есть настоящий Король?» Она выпрямилась и пошла к воротам загона, чтобы Терру зря не утруждала свое сожженное огнем горло. Когда девочка без сознания лежала близ горевших поленьев, то как бы вдохнула огонь. «Голос ее сгорел», – пояснил колдун Бук.

– Я все время смотрела за Сиппи, – прошептала Терру, – но она все равно удрала. И я никак не могу отыскать ее.

Это была, пожалуй, самая длинная фраза, когда-либо произнесенная ею. Девочка вся дрожала – она слишком долго бегала в поисках козы и теперь что было сил сдерживала слезы. «Ну вот, сейчас мы все тут плакать начнем, – подумала Тенар, – нет уж, глупости!»

– Ястреб! – окликнула она волшебника. – У нас тут коза сбежала.

Он сразу же распрямился и быстро подошел к ним.

– А в летнем загоне смотрели? – спросил он, глядя на Терру так, словно не замечал ни ее ужасных шрамов, ни ее самое – девочку, которая ищет сбежавшую козу. Такое ощущение, что на месте Терру он видел эту самую козу. – А в деревенском стаде?

Терру со всех ног бросилась к летнему загону.

– Она что, дочка твоя? – обернулся он к Тенар. До этого он ни разу ни слова не спросил о девочке, и Тенар даже стала думать, что мужчины все-таки очень странные существа.

– Нет, не дочка и не внучка. Она *мое дитя*, – сказала она. Зачем же она снова поддразнивает его, подшучивает над ним?

Он быстро отошел в сторону, и Сиппи, коза с бело-коричневой шерстью, ринулась мимо него в ворота; ее по пятам преследовала Терру.

– Стой! – крикнул вдруг Гед и одним прыжком преградил козе путь, направляя ее точнехонько в руки Тенар. Та ухватила Сиппи за пышный воротник из шерсти, и коза сразу замерла как вкопанная, поглядывая одним своим желтым глазом на Тенар, а другим – на грядки с молодым луком.

– А ну пошла! – крикнула Тенар, выпроваживая ее за ворота загона на каменистое пастбище, где вредной козе, собственно, и полагалось находиться.

Гед уселся на землю там, где стоял; он, казалось, запыхался не меньше Терру, – во всяком случае, хватал ртом воздух и явно чувствовал себя неважно, однако слез видно не было. Поверь козе, если хочешь все испортить.

– Вереск не должна была оставлять Сиппи на тебя, – сказала Тенар. – За этой дрянью никто углядеть не может. Если Сиппи снова сбежит, ты просто сразу скажи кому-нибудь и не волнуйся. Хорошо?

Терру кивнула. Она смотрела на Геда. Она редко смотрела на людей и еще реже – на мужчин, разве что мельком. А на него она смотрела и смотрела, не отрываясь, наклонив голову, нахихлившись, словно воробышек. Господи, что же это?

## 6

## Ухудшение

Со дня летнего Солнцеворота прошло уже больше месяца, но вечера еще были долгими, особенно на обращенном к западу Большом Утесе. Однажды Терру вернулась домой очень поздно; они с тетушкой Мох весь день бродили по горам в поисках целебных трав, и девочка настолько устала, что даже есть не могла. Тенар уложила ее в постель и села рядом, напевая песенку. Переутомившись, Терру как-то странно скрючивалась в кровати, словно парализованный зверек, и не мигая смотрела в пространство, пока у нее не начинались галлюцинации или кошмары; она и не спала, и не бодрствовала, но становилась как бы невменяемой. Тенар, правда, обнаружила, что таких приступов можно избежать, если сразу сесть рядом с девочкой, обнять ее и напевать что-нибудь негромко. Когда иссякал запас тех песен, которые Тенар выучила, будучи женой фермера Флинта из Срединной Долины, она принималась за нескончаемые каргадские гимны, оставшиеся в ее памяти со времен Гробниц Атуана, так что Терру засыпала под монотонные жалобные мольбы, обращенные к Безымянным и тому Незанятому Трону, что теперь, после землетрясения, был весь завален пылью и камнями. Она более не ощущала в этих ритуальных песнопениях никакой магической силы, лишь сама мелодия завораживала ее, да еще приятно было петь на родном языке; она, к сожалению, не знала тех песен, какие каргадские матери поют своим детям, какие пела и ей когда-то ее мать.

В конце концов Терру крепко заснула. Тенар осторожно разжала ее стиснутые пальцы, уложила девочку на подушку и еще минутку подождала, пока окончательно не убедилась, что малышка спит. Потом, быстро оглядевшись, с какой-то, пожалуй, виноватой торопливостью и одновременно с торжествующей радостью, словно предвкушая огромное удовольствие, приложила свою узкую светлую ладонь к той щеке Терру, что была сожрана огнем и покрыта безобразными шрамами. Уродство сразу исчезало. Плоть как бы вновь становилась невредимой, щека – округлой и мягкой; теперь это было самое обычное лицо милого спокойного ребенка, словно ее прикосновение каждый раз восстанавливало истину.

Неохотно отняла она свою легкую ладонь от щеки девочки, и тут же снова взору ее явилась рана, которая не заживет никогда.

Тенар наклонилась, поцеловала эти страшные рубцы и тихонько вышла из дома.

Солнце садилось в раскинувшуюся на западе жемчужную дымку. Возле дома никого не было. Ястреб, наверное, все еще бродил по лесу. Он давно уже начал один ходить на могилу Огиона, проводя там долгие часы под сенью могучего бука, а еще, немного окрепнув, стал бродить по тем заповедным лесным тропам, которые так любил Огион. Он явно был равнодушен к еде, мало того, Тенар приходилось упрашивать его съесть хоть что-нибудь, и он по-прежнему сторонился людей, всему на свете предпочитая одиночество. Терру с радостью пошла бы за Гедом куда угодно; будучи чрезвычайно молчаливой, она не раздражала его, однако скоро уставала, и Гед отсылал девочку домой, уже в одиночестве забираясь все дальше и дальше, в такие края, о которых Тенар даже не слышала. Он возвращался домой к ночи, сразу ложился спать и зачастую снова исчезал еще до того, как Тенар и Терру успевали проснуться. Так что Тенар обычно оставляла ему на столе хлеб и мясо еще с вечера, чтобы он взял еду с собой.

Вдруг она увидела, как Гед идет к дому через луг по той тропе, которая казалась ужасно длинной, когда она в последний раз вела по ней Огиона. Гед, пересекая полосы закатного света, раздвигая колышущиеся под ветром травы, размеренной походкой приближался к ней, упрямо замкнувшись в своем несчастье, словно в оболочке из камня.

– Ты возле дома будешь? – окликнула она его с порога. – Просто Терру уже спит, а мне хочется немного пройтись.

– Да-да, конечно, иди, – сказал он.

На ходу она горько думала, сколь равнодушны мужчины к тем заботам, что правят жизнью любой женщины: к тому, например, что кто-то непременно должен быть неподалеку, если ребенок спит, что чья-то свобода непременно оборачивается чьей-то несвободой – ведь даже при ходьбе, чтобы сохранить равновесие, приходится опираться на одну ногу, пока второй делаешь шаг вперед... Однако мрачные мысли постепенно развеялись зрелищем гаснущего яркого заката и мягким, но довольно настойчивым ветерком. Теперь она просто шла и ни о чем не думала, пока не вышла на самый край обрыва над морем. Прямо перед нею в прозрачной розовой дымке тонуло солнце.

Тенар опустила на колени и сперва взглядом, а потом на ощупь отыскивала длинную неровную борозду в песчанике, ведущую прямо к краю утеса: след от шипастого хвоста Калессина. Она снова и снова проводила пальцами по его краю и словно плыла в потоках сумеречного света, мечтая о чем-то. Неожиданно губы ее сами произнесли вслух какое-то слово. На этот раз оно не жгло огнем, а медленно, с шипением выползло наружу: «Калессин...» Она посмотрела на восток. Склоны горы Гонт, покрытые лесом, были красны от заходящего солнца. Свет понемногу меркнул. Тенар опустила глаза, а когда снова, всего через несколько мгновений, посмотрела на гору, то склоны ее казались уже серыми, неясными, а лесистые участки были совсем черны.

Она дождалась первой звезды, вспыхнувшей над светлой дымкой заката, и медленно пошла домой.

Домой? Разве это ее дом? Почему она до сих пор здесь, в доме Огиона, а не в своем собственном? Почему она ухаживает за Огионовыми козами, за его луковыми грядками, а не за собственным стадом и садом? «Подожди», – сказал он ей тогда, она и ждала, и прилетел дракон, и теперь Гед уже почти здоров... Она свое дело сделала. До сих пор все хозяйство здесь было на ней. Но теперь она больше не нужна. И пора ей уходить отсюда.

Однако она никак не могла решиться оставить Большой Утес, это «гнездо ястреба», и снова вернуться в долину, где жизнь на ферме куда легче, где нет таких ветров. Стоило ей подумать об этом, как сердце сразу холодело и душу заполнял мрак. А как же тот сон, что видела она здесь, под окном, выходящим на запад? И был ли дракон, прилетевший тогда именно к ней, к Тенар?

Дверь, как всегда, была распахнута настежь. Свежий вечерний воздух свободно вливался в дом. Ястреб сидел, не зажигая огня, на низенькой скамеечке у спящего очага. Это было его излюбленное место. Наверное, подумала Тенар, он и в детстве всегда сидел здесь. И сама она тоже придвигала эту скамеечку поближе к огню в ту зиму, когда жила у Огиона.

Он коротко глянул на нее, однако тут же снова уставился куда-то правее открытой двери, в темный угол. Там стоял тяжелый дубовый посох Огиона с отполированным временем набалдашником. Рядом Терру пристроила свой ореховый посошок и ольховую палку Тенар, сломанные по дороге в Ре Альби.

Тенар вдруг подумала: «А где же его собственный посох, подарок Огиона? И почему я не вспомнила о нем до сих пор?»

В доме было совсем темно и все-таки душно. На сердце давила странная тяжесть. Ей так хотелось, чтобы он как-нибудь остался дома и поговорил с ней обо всем, но теперь, когда он сидел в темноте у камина, она не находила нужных слов, как, наверное, и он.

– Я тут подумала, – сказала она наконец, поправляя тарелки на дубовом столе, – и решила: пора мне собираться назад, на ферму.

Он ничего не ответил. Может быть, кивнул, но она не видела – сразу повернулась к нему спиной.

Она вдруг почувствовала страшную усталость, ей хотелось спать; но он все сидел и сидел у камина, а темно было еще недостаточно, и не могла же она раздеваться прямо у него на

глазах. Она даже рассердилась. И уже хотела попросить его выйти на минутку, когда он вдруг заговорил, сперва нерешительно покашляя:

– А книги? Книги Огиона? Книга Рун и еще две. Их ты заберешь с собой?

– Я?

– Ты же была его последней ученицей.

Она подошла и тоже присела у очага на трехногую табуретку Огиона.

– Я немного училась руническому письму, но почти все уже позабыла, конечно. Огион учил меня и Языку Созидания, на котором говорят драконы. Кое-какие слова я помню. Но мало. Я не пошла по его стопам, не стала волшебницей. Я просто вышла замуж, ты ведь знаешь. Разве оставил бы Огион свои мудрые книги какой-то фермерше?

Помолчав, Гед сказал равнодушно:

– Кому же в таком случае он их оставил?

– Тебе, разумеется.

Он не ответил.

– Ты был его настоящим учеником, его гордостью, его другом. Он никогда об этом не говорил, но книги эти, конечно же, оставлены для тебя.

– Что же мне с ними делать?

Она уставилась на него в сгущающихся сумерках. На другом конце комнаты в окошке слабо светилось закатное небо. Горечь, тревога, необъяснимая ярость, звучавшие в голосе Геда, рассердили ее.

– Ты, Верховный Маг, спрашиваешь об этом меня? Зачем тебе делать из меня дуру, Гед?

Он вдруг вскочил. Голос его дрожал, словно натянутая струна:

– Но неужели ты... не видишь... что все кончено... ушло навсегда!

Тенар сидела и напряженно пыталась разглядеть во тьме его лицо.

– У меня нет больше никакой волшебной силы! Я отдал ее... истратил... всю, что была у меня. Чтобы закрыть... Так что... Так что с магией покончено, покончено.

Она попыталась возразить, но не смогла.

– Это как вылить воду из чашки, – сказал он, – выплеснуть ее в песок. На пересохшую землю. Я вынужден был это сделать. Мне нечем теперь напиться. Впрочем, что значит одна-единственная чашка воды в бескрайней пустыне? Разве сама пустыня исчезла?.. Послушай! Так когда-то звал меня некий голос оттуда, из-за стены: «Иди сюда, слушай, слушай!» И я пошел в эту мертвую пустыню – совсем еще молодым. И встретил там ее, и сам стал ею, вступил в брак с собственной смертью. Но это она дала мне жизнь. Воду, животворную воду. Я стал фонтаном живой воды, ручьем, быстрой рекой... Но *там* все ручьи пересыхают. И все, что у меня под конец осталось, – это одна-единственная чашка воды, и я непременно должен был вылить ее в песок, на дно пересохшей реки, на скалы, окутанные мглой. И живая вода ушла. И теперь все кончено. Дело сделано.

Она достаточно много знала от Огиона и от самого Геда, чтобы сразу понять, о какой пустынной стране идет речь, и, хотя кому-то его слова могли показаться набором невнятных метафор, загадочными символами, скрывающими суть, ей было ясно, что это-то и есть правда, истина, которую он познал там. Она понимала также, что должна непременно возражать ему, опровергать все, что бы он ни сказал, даже если его слова – непреложная истина.

– Ты просто не успел еще прийти в себя, – сказала Тенар. – Возвращение от смерти к жизни, должно быть, слишком долгое путешествие. И трудное, даже если обратно прилететь на спине дракона. Чтобы вернуться окончательно, нужно время. Время, покой, молчание. Тебе нанесли тяжелую рану. Но ты поправишься.

Он продолжал молча стоять. Она подумала уже, что ей удалось немного его успокоить. Но тут он вдруг спросил:

– Как поправилась эта девочка?

Словно острое лезвие ножа вошло в ее тело, острое настолько, что она даже не успела заметить самого удара.

– Не знаю, – сказал он уже знакомым ей, тихим, каким-то иссушенным голосом, – почему ты взяла ее к себе, понимая, что она неизлечима. Понимая, какова будет ее жизнь, изменить которую уже невозможно. Наверное, та часть жизни, которую мы только что прожили: тьма, разруха, конец всему, – затронула и ее. По-моему, ты взяла девочку по той же причине, что и я сам пошел навстречу своему смертельному врагу, – потому что иначе ты поступить не могла. А теперь мы должны как-то жить дальше, вступать в новые времена искалеченными в боях со злом, хотя и одержав над ним победу, – ты со своей опаленной огнем девочкой, а я с опустошенной душой.

На пределе отчаяния чаще всего говорят именно так – ровным спокойным голосом.

Тенар обернулась и посмотрела на волшебный посох Огиона, стоявший в темном углу справа от двери: никакого света от него не исходило. Он казался абсолютно черным. В дверном проеме виднелись две звезды. Одна из них, которой она и раньше часто любовалась по вечерам, светила белым светом и была видна на небе в летние месяцы. На Атуане ее называли Техану.

Вторая звезда, сиявшая рядом с Техану, была ей неизвестна. Не знала она и того, как называют звезду Техану на Гонте, не знала и ее подлинного имени – того, которым называют ее драконы. Она знала лишь то название, которое слышала от матери, – Техану. Техану. Тенар, Тенар...

– Гед, – сказала она, по-прежнему глядя в дверной проем, – кто тебя воспитывал в детстве?

Он подошел, встал с ней рядом и тоже стал глядеть в подернутую дымкой морскую даль, на звезды, на темную громаду горы.

– Да никто особенно не воспитывал, – ответил он. – Мать моя умерла, когда я совсем маленьким был. Были еще старшие братья, да только я их совсем не помню. А в общем, присматривали за мной отец мой, кузнец, и тетка, материна сестра. Тетка была у нас в деревне Десять Ольховин ведьмой.

– Как тетушка Мох, – сказала Тенар.

– Тетка моя была тогда помоложе. И от рождения имела волшебную силу.

– Как же ее звали?

Он помолчал.

– Не могу вспомнить, – медленно проговорил он.

Потом помолчал еще немного и сказал:

– Она учила меня подлинным именам сокола, орла, скопы, тетереvyтника, перепелятника...

– А как у вас называется вон та звезда? Белая?

– Сердце Лебедя, – сказал он, глядя в небо. – А в Десяти Ольховинах ее называли еще Стрелой.

Однако он так и не назвал подлинного имени звезды, как не назвал и тех имен, которым учила его тетка-ведьма, – подлинных имен сокола, ястреба-перепелятника, скопы...

– То, что я говорил... там, у камина... это все неверно, – мягко сказал он. – Мне вообще не следовало ничего говорить. Ты прости меня.

– Если ты вообще ничего говорить не будешь, то мне-то как быть? Останется только уйти отсюда. – Она повернулась к нему. – Почему ты всегда думаешь только о себе? Только о себе! Выйди на минутку, пожалуйста, – совсем рассердилась она. – Я хочу раздеться и лечь.

Растерянный, бормоча какие-то извинения, он вышел на улицу; а она, раздеваясь на ходу, сразу нырнула в постель и спрятала лицо у шелковистого плеча Терру.

*Понимая, какова будет ее жизнь...*



Ее гнев, ее упрямое отрицание очевидного, ее нежелание согласиться со справедливыми доводами Геда – все это было результатом испытанного ею разочарования. Несмотря на то что Ларк по крайней мере раз десять предупреждала ее, что ничего уже не поделаешь, даже и Ларк в глубине души все-таки надеялась, что Тенар сумеет вылечить эти страшные ожоги. Несмотря на то что и сама Тенар всегда говорила, что такое даже Огиону не под силу, она все-таки надеялась: Терру сможет вылечить Гед. Просто положит руку на ужасные шрамы – и все тут же пройдет, кожа станет гладкой, в слепом глазу засверкает жизнь, скрюченная, сожженная рука оживет, а искалеченная, поруганная жизнь как бы начнется с самого начала.

*Понимая, какова будет ее жизнь...*

Отвращение, плевок через левое плечо, ужас, смешанный с любопытством, тошнотворная жалость и откровенные угрозы, ибо, как известно, беда притягивает беду... И никогда – мужской ласки. Никогда ни один мужчина не обнимет ее. Никогда и никто, только одна Тенар. Ах, конечно же, Гед прав: девочке тогда лучше было бы умереть. Им нужно было тогда отпустить ее душу на волю и не совать нос куда не следует – и ей самой, и Ларк, и Айви, старым теткам, чья сентиментальная доброта обернулась жестокостью. Он прав, он всегда прав. Но тогда, значит, те мужчины, что «позабавились» с Терру, и та женщина, что заставляла девочку страдать и в итоге отдала мужчинам для забавы, действовали правильно, когда, избив малышку до полусмерти, бросили ее прямо в костер? Да, видно, зло не совсем еще пожрало их души. Не выдержали, оставили в ребенке искорку жизни. И конечно же, оказались не правы. И она, Тенар, тоже всегда и во всем была не права. Ребенком ее отдали силам Тьмы: она была ими поглощена, ее заставили служить им. Неужели она рассчитывала, уплыв за моря, выучив чужой язык и став женой и матерью – всего лишь начав жить своей собственной жизнью, – стать кем-то иным? Перестать быть Их служанкой, Их пищей, Их вещью, Их забавой? Сама покалеченная жизнью, она притягивала к себе таких же увечных, они как бы становились частью ее собственного горя, ее собственной беды – плоть от плоти заключенного в ней зла.

У Терру были прелестные, теплые, сладко пахнущие волосы. Она лежала, свернувшись клубочком в объятиях Тенар, и спала. Какое зло может принести эта девочка? Да, ее жизнь погублена и поправить уже ничего нельзя, однако душа ее не сломлена до конца. Терру еще не потеряна для жизни, нет-нет! Прижимая девочку к себе, Тенар лежала неподвижно, надеясь, что ей приснится тот светлый сон – струи прозрачного воздуха, звук имени дракона и той звезды – Сердце Лебеда, Стрела, Техану.

Частым гребнем из толстой проволоки она чесала шерсть у черной козы, вычесывая мягкий подшерсток, – собиралась прясть. Ей хотелось попросить ткача соткать ту замечательную, теплую и мягкую материю, которой издавна славится Гонт. Старую черную козу чесали уже по крайней мере тысячу раз, ей это было приятно, и она с удовольствием подставляла Тенар то один бок, то другой. Серо-черные пучки шерсти образовали уже целое облако, мягкое и грязноватое, которое Тенар в конце концов запихала в плетеную сумку; напоследок она заботливо вытащила из длинных козых ушей несколько засевших там колючек, ласково шлепнула черную козу по шерстистому боку и отпустила. «Ба-а!» – сказала коза и трусцой побежала прочь. Тенар вышла из загона и, обойдя дом, поднялась на крыльцо, откуда можно было увидеть, играет ли еще на лугу Терру.

Тетушка Мох научила девочку плести корзинки из травы, и, несмотря на то что управляться изуродованной рукой Терру было неловко, она уже начала входить во вкус. Сейчас она сидела посреди луга, положив на колени начатую корзинку, но как бы забыла о ней: наблюдала за Ястребом.

Он стоял довольно далеко от девочки, ближе к краю утеса, к ней спиной и не замечал, что кто-то на него смотрит: сам был поглощен наблюдением за птицей, молодой пустельгой. Пустельга же, в свою очередь, была поглощена охотой. Зависнув над самой травой и хлопая

крыльями, она рассчитывала вспугнуть полевую мышь. Наблюдавший за хищницей Гед был напряжен и казался голодным, как и сама птица. Потом он медленно поднял свою правую руку, примерно до уровня плеча и вроде бы что-то сказал, хотя слышно не было: ветер отнес его слова в сторону. Пустельга резко метнулась, пронзительно крикнула и взмыла в небо, а потом скрылась в лесу на склоне горы.

Гед уронил руку да так и застыл, глядя вслед улетевшей птице. Девочка и женщина тоже застыли. И только птица осталась свободной.

«Однажды он явился ко мне в обличье сокола-сапсана, – рассказывал ей как-то зимним днем у камина Огион. В тот день они как раз говорили о Великих Заклятиях и о маге Борджере, который стал медведем. – Он примчался с северо-запада и сразу сел ко мне на запястье. Я внес его в дом и посадил вот здесь, у огня. Говорить он не мог. Поскольку я узнал его, то смог и помочь ему сбросить обличье сокола и снова стать человеком. В нем ведь всегда было что-то ястребиное. У них в деревне его с малых лет прозвали Ястребком, потому что стоило ему слово произнести, как соколы и коршуны слетались к нему со всей округи. Кто мы вообще такие? Что значит быть человеком? Задолго до того, как Гед получил свое подлинное имя и какие-то магические знания, настоящий ястреб уже сосуществовал в нем с человеком и Великим Магом, больше того – он уже был тем, кем является теперь и кого мы даже назвать не в силах. И с каждым так».

И девушка, глядя в огонь и слушая Огиона, видела того ястреба, того человека, к которому сами подлетают вольные птицы, стоит ему произнести лишь слово, – подлетают, хлопая крыльями, садятся ему на руку, сжимая запястье человека страшными когтями... видела и себя в обличье ястреба, дикой и вольной птицы.

## 7

### Мыши

Таунсенд, торговец овцами, тот самый, что принес ей тогда весточку от Огиона, однажды в полдень подошел к дому старого мага.

– Овец продавать будешь? Ведь лорд Огион умер.

– Возможно, и буду, – спокойно ответила Тенар.

Она, кстати сказать, была весьма озабочена тем, как им прожить, если они с девочкой останутся в Ре Альби. Как и все волшебники на Гонте, Огион получал все необходимое для жизни от жителей деревни, которым верой и правдой служил с помощью своего мастерства. Ему достаточно было спросить, и все с благодарностью ему доставлялось, ибо сделка с искусным волшебником всегда выгодна; впрочем, ему и просить-то никогда ничего не приходилось. Он скорее отдавал обратно все, что считал лишним из еды, одежды и всего прочего, что ему дарили или просто оставляли у порога. «Что же мне со всем этим делать?» – частенько удивлялся он, стоя над лукошком, полным глупых пищащих цыплят, или над целой грудой тканей, или над горшками с маринованной свеклой.

Ну а Тенар давно уже покинула свою ферму в Срединной Долине, даже не подумав тогда, сколь долго задержится в доме Огиона. Она не взяла с собой даже денег – пластинки из слоновой кости, оставшиеся в наследство от Флинта. Впрочем, такие деньги в деревне были практически бесполезны: с их помощью в лучшем случае можно было бы купить землю или дом или заключить сделку на партию товара с торговцем из порта Гонт – из тех, что продают мех пеллави или шелка Лорбанери гонтийским богатым фермерам и мелким князькам. Ферма Флинта вполне могла обеспечить их с Терру всем необходимым – едой и одеждой; однако шесть коз Огиона и его огород – несколько грядок с фасолью и луком – служили скорее для удовольствия, чем для удовлетворения насущных потребностей. До последнего времени она жила благодаря старым запасам в кладовой волшебника, кое-что в память об Огионе ей дарили жители деревни, да тетушка Мох проявляла постоянную заботу и щедрость. Не далее как вчера ведьма, например, заявила: «Милая, а наседка-то моя, та, что с ожерельем вокруг шейки, цыпляток вывела, так я тебе двух-трех принесу, как только окрепнут. Огион-то всегда цыпляток держал, мелюзга бестолковая, так он говорил, да только что за дом без цыпляток?»

У самой тетушки Мох куры свободно ходили по всему дому, спали прямо на кровати и немало способствовали поддержанию той постоянной вони, которой отличалась ее избушка.

– Есть у меня одна годовалая козочка, бело-коричневая такая; отличная молочная коза будет, – сказала Тенар Таунсенду.

– Я, вообще-то, намеревался ежели покупать, так всех сразу, – ответил он. – Если ты согласишься, конечно. Их ведь и всего-то штук пять или шесть, верно?

– Шесть. Они сейчас на верхнем пастбище, можешь посмотреть, если хочешь.

– Непременно посмотрю. – Однако даже шага не сделал. Впрочем, Тенар тоже никакой радости по поводу возможной сделки не выразила. – Видела, как в гавань большой корабль входил? – вдруг спросил Таунсенд.

Из дома Огиона можно было видеть только скалы на северо-западном берегу залива и Сторожевые Утесы; зато из самой деревни Ре Альби хорошо была видна и извилистая крутая дорога в порт, и вся гавань с доками и причалами. Наблюдать за происходящим в гавани было основным развлечением деревенских жителей. На просторной скамье за кузней всегда сидели несколько стариков – отсюда гавань была видна лучше всего; зачастую старики эти ни разу в жизни не спускались в сам порт Гонт, однако наблюдали за причаливающими и отплывающими

судами с огромным интересом – словно представление смотрели, пусть довольно странное и давно знакомое, но как бы специально предназначенное для того, чтобы развлечь их.

– Сын кузнеца говорил: из Хавнора корабль-то. Он вчера в порт ходил, насчет слитков рядился. А к ночи вернулся и рассказал, что тот большой корабль приплыл из самой столицы Земноморья, – продолжал между тем Таунсенд.

Он, вполне вероятно, заговорил об этом, только чтобы отвлечь ее от мыслей о том, сколько можно запросить за коз Огиона. Хитроватые глаза его так и бегали, – впрочем, может быть, так уж они у него были устроены. Однако столица Земноморья крайне мало торговала с Гонтом, островом бедным и далеким, известным лишь благодаря своим волшебникам, пиратам да козьей шерсти. И что-то еще в словах Таунсенда насчет «большого корабля» встревожило Тенар. Она и сама не знала, что именно.

– Парень тот говорит, будто, по слухам, в Хавноре теперь есть настоящий Король, – сказал торговец, искоса на нее взглянув.

– Вот это было бы очень хорошо! – откликнулась она.

Таунсенд согласно кивнул:

– Теперь-то уж каргадские налетчики будут подальше держаться.

Тенар, хоть и была родом с Каргадских островов, охотно покивала.

– Но только в порту кое-кто будет не больно-то доволен. – Таунсенд имел в виду гонтийских пиратов, чьи суда держали в страхе почти все северо-восточные моря, из-за чего в последнее время многие старинные торговые связи Гонта с центральными островами Архипелага оказались либо прерваны, либо сильно ослаблены. От этого не было выгоды никому, кроме самих пиратов, тем не менее в глазах большей части гонтийцев они выглядели настоящими героями. Кроме того, и собственный сын Тенар тоже стал матросом пиратского корабля. Что было, пожалуй, даже безопаснее, чем служба на обычном торговом судне. Ведь недаром говорят, что лучше быть акулой, чем селедкой.

– Ну, недовольные-то всегда найдутся, – ответила Тенар, привычно следуя правилам беседы, однако уже начиная терять терпение, и заявила, вставая: – Ладно, покажу тебе коз. Сам гляди. Не знаю, правда, станем ли мы кого из них продавать. – Она проводила торговца к загону на верхнем пастбище и ушла. Таунсенд был ей неприятен. Не его вина, конечно, что однажды именно он принес ей плохие вести – впрочем, кажется, уже и не однажды. А все-таки глаза у него удивительно противно бегают! Не продаст она ему Огионовых коз! Даже вредную Сиппи не продаст.

...Так ни о чем с ней и не договорившись, Таунсенд наконец ушел, и она вдруг ощутила смутную тревогу. Она ведь сказала: «Не знаю, станем ли мы кого из них продавать», что было весьма глупо. Она сказала «мы», а не «я», хотя Таунсенд даже не спрашивал разрешения поговорить с Ястребом, даже не вспомнил о нем, хотя торговец, заключающий сделку с женщиной, прямо-таки обязан обратиться к кому-либо из живущих в доме мужчин, особенно если женщина ему отказывает. Она не знала, как в деревне сейчас относятся к Ястребу, к его внезапным появлениям и исчезновениям. Огион, замкнутый и молчаливый, внушавший им уважение и даже в какой-то степени страх, долгое время был здесь единственным магом. Жители Ре Альби, возможно, даже гордились Ястребом – точнее, его званием Верховного Мага Земноморья. Они знали, что он когда-то недолго прожил здесь, а потом уплыл в чужие края и совершил немало всяких чудес. Например, обманул дракона, будучи волшебником на Девяноста Островах; привез обратно в Хавнор Кольцо Эррет-Акбе и так далее. Однако его самого, человека и волшебника, они не знали, да и он их не знал. Он так ни разу и не сходил в деревню с тех пор, как снова объявился здесь, – его манили леса, дикие горы. Раньше она как-то об этом не задумывалась, однако было совершенно очевидно, что Гед сторонится деревни, как и маленькая Терру.

Должно быть, сплетни о нем ходили. Ре Альби – самая обыкновенная деревня, и люди в ней, конечно, болтают всякое. Однако особенно болтать о волшебниках и магах как-то не

принято. Слишком это серьезный предмет, да и кто ведает, каковы жизненные пути могущественных чародеев? У них ведь жизнь совсем иная, чем у простых смертных. «Да пусть его, – однажды услышала Тенар обрывок разговора крестьян из Срединной Долины не то насчет заезжего волшебника, не то насчет заклинателя погоды, не то по поводу действий их собственного колдуна Бука. – Не твое это дело. Вот и оставь его в покое. Они ведь живут по-своему, не так, как мы».

Что же касается того, что она по-прежнему живет здесь и ухаживает за могущественным волшебником, как нянька, то и это для них не являлось предметом обсуждения. «Да пусть ее», – снова сказали бы они. Она и сама-то не слишком часто появлялась в деревне; там по отношению к ней не выказывали ни особого дружелюбия, ни особой неприязни. Когда-то она даже жила в Ре Альби, в домике старого ткача Фана; к тому же она считалась приемной дочерью Огиона, который перед смертью послал именно за ней торговца Таунсенда; так что в деревне к ней относились вполне нормально. Но когда она явилась сюда с девчонкой, на которую и смотреть-то было страшно, все сразу перестали появляться рядом с домом Огиона даже днем и даже ненароком. Да и то, разве ж с обычной женщиной такое может случиться? Сперва у одного волшебника учится, потом другого на ноги поднимает... Нет, тут уж точно без колдовства не обошлось! Да она еще и чужестранка к тому же. С другой стороны, Гоха считалась женой богатого фермера из Срединной Долины, хотя теперь-то фермер умер, а она стала вдовой. Да разве ж поймешь их, ведьм этих? Пусть ее живет, лучше таких не трогать...

Она столкнулась с бывшим Верховным Магом Земноморья у садовой ограды и сообщила ему:

– Говорят, в порт прибыл корабль из Хавнора.

Он застыл как вкопанный. Дернулся было, но тут же взял себя в руки и попытался скрыть, что первым его желанием было немедленно убежать, скрыться, спрятаться, зарыться в траву – как мышь от коршуна.

– Гед, – спросила она, – в чем дело? Я ничего не понимаю.

– Я не могу... – проговорил он. – Не могу встречаться с ними.

– С кем?

– С людьми, которых прислал он. Король.

Смуглое лицо его приобрело пепельный оттенок, как в тот день, когда дракон Калессин принес его сюда; он все время затравленно озирался, словно искал убежища.

Его ужас был настолько неподдельным и сам он казался таким беззащитным, что она не могла поступить иначе: нужно было пощадить его.

– Тебе и не нужно с ними встречаться. А если кто-нибудь сюда и заглянет, так я сразу прогоню. Пойдем-ка лучше в дом. У тебя ведь целый день крошки во рту не было.

– Сюда приходил кто-то? – спросил он.

– Это Таунсенд. Все к козам нашим приценивается. Ну уж от него-то я отделалась! Не стой, пойдем скорее!

Он поспешно пошел за ней следом, и она сразу заперла дверь изнутри.

– Не беспокойся, Гед, не могут они тебе ничего плохого сделать.

Он уселся за стол и тупо покачал головой:

– Им это не нужно, нет.

– А им известно, что ты здесь?

– Не знаю.

– Чего ж ты тогда боишься? – Она спрашивала спокойно и твердо, не проявляя ни малейшего нетерпения.

Он закрыл лицо руками, потом, глядя в пол, потер виски и лоб, словно вспоминая о чем-то.

– Я был... – начал он, – я не...

И умолк.

Она сама прекратила этот мучительный разговор:

– Ну ладно, не важно, хорошо, хорошо.

Она не решалась даже прикоснуться к нему, боясь, что испортит все, унизив его своей жалостью. И из-за этого сердилась на него и на всех тех, кто нанес ему такую тяжкую душевную рану.

– Никого не касается, – сердито говорила Тенар, – где ты теперь живешь и как, что ты намерен делать и чего не намерен! Если вздумают совать нос в чужие дела, то очень даже легко с носом и останутся! – Жаворонок частенько так говорила. Тенар внезапно охватило страстное желание увидеть ее, такую простую и благоразумную. – Да и вообще корабль этот, очень даже вероятно, не имеет к тебе никакого отношения. Может, они просто за пиратами охотятся – тут их не счесть. Тоже бы неплохо, коли у Короля руки до этого наконец дошли... Слушай, я у Огиона в кладовой две бутылки вина отыскала – интересно, сколько времени он их там прятал? По-моему, нам обоим не повредило бы сейчас выпить по стаканчику. А вот и хлеб с сыром. Девочку-то я уже покормила, они с этой пастушкой, Вереск, пошли лягушек ловить. Так что на ужин, вполне возможно, будут лягушачьи окорочка. А пока что перекуси тем, что есть. И вина выпьем. Интересно, откуда оно, кто его Огиону привез и сколько лет назад?

Тенар не умолкая несла типично женскую чушь, не давая Геду времени на ответы, не позволяя ни на секунду задуматься, пока он не взял наконец себя в руки и не начал есть, запивая еду старым, не слишком крепким красным вином.

– Мне, наверное, все-таки лучше уйти отсюда, Тенар, – сказал он. – Мне нужно время, чтобы научиться быть таким, каким я теперь стал.

– Уйти? Но куда?

– Выше, в горы.

– Станешь бродить... как Огион? – Она посмотрела на него и вспомнила, как когда-то шла с ним рядом по дорогам Атуана и насмеялась: «А что, волшебники часто милостыню просят?» И он тогда ответил: «Да, но стараются дать что-нибудь взамен». Помолчав, она осторожно спросила: – А ты не мог бы какое-то время просто погоду заклинать или потерянные вещи отыскивать? – И снова до краев наполнила его стакан вином.

Он только головой покачал в ответ. Выпил вино и молча уставился неведомо куда.

– Нет, – промолвил он. – Ничего из этого я не могу. Ничего.

Она не поверила. Ей хотелось возмущенно крикнуть ему в лицо: «Да как это может быть? Как ты можешь такое говорить? Что ж ты, забыл все, что знал, все, чему выучился у Огиона и на острове Рок, все, что постиг за время своих скитаний? Не мог же ты забыть все те имена, то мастерство, которым владел. Ты столько всего знал! Ты столько мог! Ты был таким сильным!» Однако она сдержала себя и ничего этого не сказала, только прошептала:

– Не понимаю. Как это может быть?..

– Из чашки всего лишь вылили воду, – сказал он, слегка наклоняя стакан с вином, словно намереваясь показать ей, как это делается. Потом, немного помолчав, снова заговорил: – Чего я не понимаю, так это зачем он вынес меня оттуда. Доброта молодых подчас оборачивается жестокостью... Ну вот, теперь я здесь и вынужден с этим мириться – пока не смогу вернуться назад.

Она не очень хорошо понимала, о чем он. Однако отчетливо расслышала в его словах не то обвинение, не то жалобу, и это – в нем! – особенно поразило и рассердило ее. Она сухо сказала:

– Сюда тебя принес Калессин!

При закрытых дверях в домике было почти совсем темно, лишь единственное маленькое, выходящее на запад окошко пропускало немного закатного света. Она не смогла разобрать,

что выражало его лицо. Вдруг он поднял свой стакан, чокнулся с ней со странным подобием улыбки на губах и осушил стакан до дна.

– Это прекрасное вино, – сказал он. – Должно быть, Огиону его привез какой-то богатый купец или знаменитый пират. Никогда такого пить не доводилось. Даже в Хавноре. – Он все вертел в руках небольшой стакан, рассматривая его. – Я назовусь как-нибудь иначе и уйду на другую сторону горы, куда-нибудь в Армут, в Восточные Леса, откуда я родом. Там сейчас как раз сенокос начнется. Так что пока работа будет.

Она не знала, что ему ответить. Хрупкий, нездоровый на вид, такую работу он сможет получить только из жалости или, напротив, у человека равнодушного и жестокого; а если и получит, то вряд ли с ней справится.

– Дороги теперь не те, что раньше, – сказала она. – За последние годы столько воров и бандитов развелось! Да и иноземные налетчики, как их Таунсенд называет, попадают. В общем, ходить в одиночку опасно.

В полутьме она пристально всматривалась в его лицо, пытаясь понять, каково это – никогда в жизни никого не бояться и вдруг научиться страху.

– Огион же ходил... – начал было Гед и осекся: вспомнил, что Огион был магом.

– В долинах, на юге, – сказала Тенар, – всегда полно работы. Пасти коз, овец, коров. Скот перегоняют на верхние пастбища незадолго до праздника Долгого Танца и пасут там до осенних дождей. В тех местах всегда пастухи нужны. – Она отпила большой глоток из своего стакана и словно снова произнесла имя дракона – так обожгло ей рот вино. – А почему бы тебе не остаться?

– В доме Огиона? Так сюда они в первую очередь заявятся.

– Ну и что? Даже если заявятся? Что им от тебя может быть нужно?

– Чтобы я снова стал тем, кем был раньше.

Ей стало холодно – так безнадежно звучал его голос.

Она молчала, пытаясь вспомнить, каково это – быть всемогущей Единственной Жрицей Гробниц Атуана, поглощенной силами Тьмы, а потом вдруг сразу все это потерять; самой отбросить власть и могущество, стать самой собой, стать просто Тенар, просто женщиной, занять мужа, детей и снова в один миг все потерять, превратиться в старуху, безмужнюю, бесильную... Но, даже вспомнив все это, она не была уверена, что понимает, насколько ему сейчас стыдно, тяжело, сколь сильна агония его теперешней униженности. Возможно, подобные переживания свойственны только мужчинам. Женщины, в общем-то, привыкли к унижениям.

А может быть, права тетушка Мох? Когда ядрышко ореха съедено, остается лишь пустая скорлупка.

«Так я и сама на ведьму стану похожа», – подумала Тенар. И чтобы перестать думать об этом и Геда тоже заставить думать о чем-нибудь ином, а еще потому, что вкусное, но все-таки довольно крепкое вино развязало ей язык, она снова заговорила:

– А я знаешь о чем подумала... вспомнила, как Огион учил меня, а я все не хотела учиться дальше, а потом взяла и ушла, нашла себе подходящего фермера, вышла замуж – так вот, я тогда все время думала, даже в день свадьбы, что Гед, конечно же, очень рассердится, когда услышит об этом! – Она засмеялась.

– Я и рассердился, – сказал он.

Она промолчала.

– Я был разочарован, – пояснил он.

– Рассержен, – сказала она уверенно.

– Рассержен, – согласился он.

И снова наполнил ее стакан до краев.

– Тогда я и сам обладал могуществом и способен был различить его в других, – сказал Гед. – А ты... ты вся светишься там, под землей, в этом ужасном Лабиринте, во тьме крошечной...

– Ну хорошо, тогда скажи: что мне было делать со своим могуществом, со всеми магическими знаниями, которые пытался вбить в мою голову Огион?

– Использовать их.

– Как?

– Как используется Великое Искусство Магии.

– Кем?

– Волшебниками, – ответил он с затаенной болью.

– Магия, значит, и есть всего лишь умение, мастерство магов?

– Что же еще?

– А разве это все?

Он задумался, изредка поглядывая на нее.

– Когда Огион учил меня, – сказала она, – вот здесь, у очага, словам Истинной Речи, я так же легко и твердо выговаривала их, как и он сам. Как если бы я вспомнила язык, который знала с рождения. Зато вся остальная мудрость – старинные руны, Великие Заклятия и правила – казалась мне мертвой. Все это было мне совершенно чуждо. Я часто думала: все это похоже на то, как если бы меня одели в военные доспехи, дали меч и копье, шлем с перьями и все такое... насколько нелепо я бы во всем этом выглядела, разве не так? Ну зачем мне, например, меч? Что героического я могла бы совершить с его помощью? Я в этих доспехах даже и ходить-то нормально не могла бы – все равно осталась бы женщиной, осталась бы самой собой.

Она отпила немного вина.

– Так что я все эти волшебные доспехи с себя сбросила, – сказала она, – и надела привычную мне одежду.

– А что сказал Огион, когда ты собралась уходить?

– А что он мог сказать?

На его губах появилось подобие улыбки, но он промолчал.

Она утвердительно кивнула. И через некоторое время продолжала более спокойно:

– Я стала его ученицей только потому, что меня привез сюда ты. После тебя он больше учеников не брал и уж никогда не взял бы в ученицы девушку. Это ты упросил его. Зато он меня любил. И уважал. И я его тоже очень любила и уважала. Но он не сумел дать мне то, что мне было необходимо, а я не умела взять у него то, что он должен был мне дать. Он понимал это. Ах, Гед, он ведь совсем иными глазами смотрел на Терру. Он увидел ее всего за день до смерти. Вы с тетужкой Мох говорите, что могущественные волшебники сразу узнают друг друга. Не знаю, что Огион увидел в Терру, но мне он сказал: «Научи ее всему!» А еще он сказал... – Она вдруг умолкла. Гед терпеливо ждал. – Он сказал: «Ее будут бояться». И повторил: «Научи ее всему! Не на Роке». Не знаю, что он имел в виду. Да и откуда мне знать? Если бы я тогда осталась с ним, то, возможно, и узнала бы, возможно, смогла бы чему-то научить девочку. Я считала, что, когда придет Гед, уж он-то, конечно, будет знать, чему ее учить, что ей необходимо знать, моей искалеченной малышке.

– Я этого не знаю, – проговорил Гед очень тихо. – Я увидел... В этом ребенке я увидел только одно! Ей причинили страшное зло. Зло.

Он залпом допил вино.

– Мне нечего ей дать. – И он умолк.

В дверь слегка постучали. Гед вскочил с уже знакомым Тенар выражением лица: искал, где бы спрятаться.

Она пошла к двери и не успела еще толком отворить ее, как тут же почуяла знакомый запах тетужки Мох.



– Гости в деревне, – выразительно тараща глаза, зашептала старуха. – Похоже, добрые люди. Они, по слухам, с того большого корабля, что приплыл из Хавнора. Говорят, что ищут Верховного Мага.

– Он не хочет никого видеть, – слабым голосом сказала Тенар. Она понятия не имела, что теперь делать.

– Да уж, пожалуй, не хочет, – сказала ведьма. Помолчала немного, словно ждала чего-то, и спросила: – Где ж он сам-то?

– Здесь, – ответил Ястреб, подходя к двери и пошире открывая ее. Тетушка Мох только глянула на него и ничего не сказала. – А они знают, где я? – спросил он.

– Коли и знают, то не от меня, – ответила ведьма.

– Если они заявятся сюда, – сказала Тенар, – ты, в конце концов, всегда можешь отослать их прочь – как Верховный Маг!..

Ни Гед, ни тетушка Мох не обратили на ее слова никакого внимания.

– В мой-то дом они и заглядывать не станут, – сказала ведьма. – Если хочешь, пошли со мной.

Он не раздумывая пошел за ведьмой, мельком взглянув на Тенар, но не сказав ей ни слова.

– А мне-то как отвечать им? – спросила она растерянно.

– А никак, милая, – ответила ведьма.

Вереск и Терру вернулись с охоты на болоте с добычей – в веревочной сетке было целых семь крупных лягушек, и Тенар занялась приготовлением лягушачьих окорочков на ужин охотницам. Она уже почти закончила сдирать шкурки, когда снаружи послышались голоса, и,глянув в открытую дверь, она увидела, что на пороге стоят незнакомые мужчины в шляпах, в отделанных золотым шитьем костюмах...

– Госпожа Гоха? – послышался чей-то вежливый вопрос.

– Входите, – пригласила она.

Они вошли. Их было пятеро, но казалось – вдвое больше: в комнатке с низким потолком все они выглядели огромными и высокими. Гости изумленно озирались, и Тенар наконец догадалась, что именно их здесь так поразило.

У кухонного стола стояла женщина с длинным и острым ножом в руках, а перед ней, на разделочной доске, лежали зеленовато-белые лягушачьи лапки и рядом кучка окровавленных останков. В темном углу за дверью прятался ребенок, чудовищно изуродованный, как бы лишенный половины лица и с какой-то клешней вместо руки, похожей на коготь. В алькове под единственным окошком сидела на кровати высокая костистая девица, тупо уставившаяся на вошедших с разинутым ртом. Руки ее были все в грязи и крови, а мокрая юбка явственно пахла болотом. Когда девица заметила, что гости смотрят на нее, то попыталась прикрыть лицо юбкой, совершенно неприлично ее задрав.

Мужчины сразу отвернулись, теперь им оставалось только смотреть на женщину у стола, заваленного дохлыми изрезанными лягушками.

– Госпожа Гоха? – повторил свой вопрос один из них.

– Да, так меня зовут, – сказала она.

– Мы прибыли из Хавнора, нас послал Король, – вежливо пояснил тот же человек. Ей плохо было видно его лицо, ибо стоял он в тени и спиной к двери. – Мы ищем нашего Верховного Мага, Ястреба с Гонта. В день осеннего Солнцеворота состоится коронация короля Лебаннена, и он очень хотел бы, чтобы Верховный Маг, его друг и учитель, помог ему подготовиться к этой церемонии и сам короновал бы его, если пожелает.

Гость говорил ровным спокойным голосом, обращаясь к Тенар словно к придворной даме. Одет он был скромно: кожаные штаны, льняная рубашка, запылившаяся за время пути из порта Гонт, однако из очень тонкого, дорогого полотна и у ворота вышитая золотыми нитками.

– Его здесь нет, – ответила Тенар.

Парочка деревенских мальчишек сунула было носы в раскрытую дверь, тут же исчезла, снова появилась и снова исчезла. Их крики замерли в отдалении.

– А не могли бы вы сказать нам, где он, госпожа Гоха? – вежливо спросил мужчина.

– Не могу.

Она рассматривала их по очереди. Страх, который она испытала вначале и бывший результатом панического ужаса самого Ястреба или, скорее, просто глупой растерянностью при виде чужеземцев, постепенно уступал место уверенности. Она спокойно стояла у кухонного стола в доме Огиона и теперь прекрасно понимала, почему Огион никогда не боялся высокопоставленных людей.

– Вы, должно быть, устали после долгой дороги, – сказала она. – Не хотите ли присесть? Вино на столе. Сейчас, я только вымою и подам стаканы.

Она сдвинула разделочную доску на самый край, отнесла лягушачьи окорочка в кладовую, смела все отходы в мусорное ведро, чтобы Вереск потом отнесла их свиньям ткача Фана, тщательно вымыла руки до локтей и кухонный нож, потом налила в миску чистой воды и вымыла два стакана, из которых они с Ястребом только что пили. В шкафу был еще один чистый стакан, а на кухне – две глиняные чашки с отбитыми ручками. Все это она поставила на стол и налила гостям вина: оставшегося в бутылке как раз хватило всем. Мужчины переглянулись и садиться не стали. Извинением этому в какой-то степени служило отсутствие нужного количества стульев. Однако правила приличия требовали принять угощение хозяйки дома. Каждый из гостей принял стакан или чашку из ее рук, каждый что-то пробормотал в знак благодарности. Они дружно выпили в ее честь.

– Вот это да! – вырвалось у одного.

– Андрады. Урожай прошлого года, – сказал другой, вытаращив от изумления глаза.

Третий покачал головой и торжественно определил:

– Точно, Андрады. Но только Год Дракона.

Четвертый молча кивнул, соглашаясь с этим, и с почтением пригубил драгоценный напиток.

Пятый же, тот, что первым заговорил с Тенар, поднял глиняную чашку, поклонился хозяйке дома и промолвил:

– Это большая честь, госпожа, пить настоящее королевское вино.

– Это вино Огиона, – сказала она. – И дом тоже Огиона. Теперь, правда, он стал домом Айхала. Вы знали об этом?

– Знали, госпожа. Король послал нас на Гонт, будучи уверенным, что Верховный Маг непременно придет именно в этот дом; когда же известие о смерти хозяина этого дома достигло островов Рок и Хавнор, уверенность короля еще более укрепилась. После того как Верховный Маг покинул остров Рок верхом на драконе, ни единой весточки не получили от него ни в Школе Волшебников, ни в королевском дворце. А король прямо-таки мечтает узнать – да и все мы тоже, – где же Верховный Маг, здоров ли он. Так его здесь не было, госпожа?

– Не могу сказать, – ответила она, тщетно пытаясь увернуться от прямого ответа. Она заметила, что и гости это понимают, встала и обошла стол с другой стороны. – То есть я вам этого не скажу. По-моему, если Верховному Магу захочется повидать вас, он это сделает. Если же ему захочется, напротив, укрыться от всех, вы его никогда не найдете. Вы ведь, разумеется, не станете противиться его воле?

Самый старший и самый высокий из гостей сказал:

– Для нас закон – воля короля.

А тот, что заговорил с нею первым, примирительно пояснил:

– Мы ведь только посланники. А тайные дела короля и Верховного Мага ведомы только им одним. Нам бы лишь передать ему послание короля да ответ получить.

– Я постараюсь позаботиться о том, чтобы он получил послание короля.

– А как быть с ответом? – спросил самый старший.

Она промолчала, а тот, что заговорил с нею первым, сказал:

– Мы еще несколько дней погостим в доме лорда Ре Альби, который, услышав о прибытии нашего корабля, великодушно пригласил нас к себе.

Она вдруг почувствовала, что вот-вот попадет в ловушку, что петля вот-вот затянется вокруг ее шеи. Хотя и не понимала, откуда это ощущение возникло. Уязвимость и слабость Ястреба и то, что он это сознавал, действовали, видимо, и на нее. Растерявшись, она решила притвориться деревенской простушкой, кумушкой средних лет – да только разве она притворялась? Ведь так оно и было на самом деле; в данном случае отличить притворство от действительности было бы куда труднее, чем во время волшебных превращений и фокусов.

– Да, это вам больше подходит, господа мои. Вы ведь видите: мы здесь живем очень просто, так и старый маг жил.

– И пьете андрадское вино, – прибавил тот, что определил год изготовления вина, привлекательный мужчина с ясными глазами и победоносной улыбкой.

Она, продолжая играть свою роль, снова склонила голову набок, словно не понимая. Но когда они уже один за другим вышли за дверь, поняла, что даже если они пока и не догадались, кем она притворяется и кем является на самом деле, – не догадались, что она та самая Тенар с Кольцом, – то все равно достаточно быстро узнают об этом, а стало быть, и о том, что она близко знает Верховного Мага и может стать проводником к его убежищу.

Когда дверь за ними закрылась, она глубоко вздохнула, переводя дух. Вереск последовала ее примеру и закрыла наконец свой рот, который оставался разинутым все время, пока гости были в доме.

– Я – никогда! – сказала Вереск с глубоким и полным удовлетворением и пошла посмотреть, как там козы.

Из темного уголка за дверью выбралась Терру; она забаррикадировалась там от чужих посохом Огиона, дорожной палкой Тенар и своим собственным маленьким ореховым посошком. В ней вдруг снова появилась какая-то неловкость, опасливость, хотя манеру эту она давно оставила – с тех пор как они стали жить тут; сейчас она даже головы не подняла, а изуродованную половину лица все старалась поплотнее прижать к плечу.

Тенар подошла, опустилась перед девочкой на колени и обхватила ее обеими руками.

– Терру, – сказала она, – не бойся, они не причинят тебе вреда. Они не собираются никому вредить.

Девочка на нее смотреть не желала. Совершенно застыла, и Тенар словно деревянную колоду обнимала.

– Ты только скажи, я ведь могу их больше и в дом не пускать!

Наконец девочка шевельнулась и спросила своим низким сиплым голосом:

– А что они теперь сделают с Ястребом?

– Ничего, – ответила Тенар. – Они не причинят ему зла! Они прибыли... они хотели оказать ему честь.

Но она уже начинала понимать, что такая попытка оказать ему честь могла бы натворить, – они ведь не ведали о его утрате, о его тоске, о том, чего он лишился, и в неведении своем заставляли бы его играть роль в том спектакле, к которому он больше не имел никакого отношения.

Когда Тенар отпустила девочку, та подошла к шкафу и достала оттуда Огионову метелку. Затем тщательно вымела пол – особенно там, где стояли эти люди из Хавнора; вымела прочь все их следы, всю пыль с их ног вымела и выбросила за порог!

Наблюдая за ней, Тенар приняла решение.

Она подошла к полке, где стояли три Великие Книги, и, порывшись там, отыскала несколько гусиных перьев и полувывсохшие чернила, однако не нашла ни клочка бумаги или пергамента. Она закусила губу: очень не хотелось портить столь священную вещь, как Книга Огиона; нахмурившись, она оторвала тонкую полоску бумаги от последней пустой страницы в Книге Рун. Потом уселась за стол, обмакнула перо и стала писать. Однако с засохшими чернилами, как и со словами, сладить было нелегко. С тех пор как четверть века назад она сидела за этим столом и писала, а Огион, заглядывая ей через плечо, обучал ее ардическим и Старшим Рунам, ей, пожалуй что, и не доводилось больше хоть что-нибудь писать. И все-таки Тенар удалось нацарапать следующее:

*Ступай на Дубовую Ферму в Средин. Дол. к Чистому Ручью, скажи – Гоха послала смотреть за садом и овцами.*

Ей понадобилось не меньше времени, чтобы перечесть написанное. Терру, закончив уборку, внимательно наблюдала за ней. Подумав, Тенар прибавила еще два слова: *сегодня ночью.*

– А где Вереск? – спросила она у девочки, сложив листок пополам и еще раз пополам. – Мне нужно, чтобы она отнесла это в дом тетушки Мох.

Ей очень хотелось пойти самой и повидать Ястреба, но она не осмеливалась: боялась, что ее заметят эти люди, особенно если они следят за ней в надежде, что она приведет их к Геду.

– Я схожу, – прошептала Терру.

Тенар остро глянула на нее:

– Тебе придется пойти одной, Терру. Через всю деревню.

Девочка кивнула.

– Отдай письмо только самому Ястребу!

Девочка снова кивнула.

Тенар засунула записку поглубже в карман ее фартучка, обняла, поцеловала и отпустила. Терру убежала и двигалась не горбясь и не кособочась, а совершенно свободно, словно летела. Летела как птица, как дракон – невинное дитя, – летела совершенно свободная, и Тенар смотрела ей вслед, пока девочка не растворилась в вечерних сумерках за распахнутой настежь дверью.

## 8

### Коршуны

Вскоре Терру возвратилась и принесла ответ от Геда: он сказал, что сегодня же вечером уйдет.

Тенар удовлетворенно выслушала девочку; ей было приятно, что он согласился с ее планом и решил держаться подальше от королевских гонцов, вызывающих у него такой ужас. Она возилась весь вечер: накормила Терру и Вереск, устроив им настоящее пиршество из жареных лягушачьих окорочков, уложила Терру спать, спела ей на ночь и только тогда села в одиночестве у очага, не зажигая лампы. Сердце ей сжимала тоска. Он ушел. Он больше не был сильным; он растерялся, утратил уверенность в себе; ему нужны были друзья, но она отослала его прочь от тех, кто действительно был и кто хотел бы стать ему другом. Он ушел, а она должна остаться здесь, должна сбить гончих со следа; по крайней мере, убедиться в том, остались ли королевские посланники на Гонте или уплыли обратно в Хавнор.

Его панический страх и то, что она сама подпала под воздействие этого страха, теперь казались ей совершенно неразумными; она даже подумала, что будет неразумно, даже нелепо, если он на самом деле уйдет. Мог бы пошевелить мозгами и просто спрятаться пока в домике тетушки Мох – уж туда-то король в поисках Верховного Мага заглянет в последнюю очередь. Хорошо бы, он пересидел там, пока присланные королем люди не покинут остров. А потом смог бы просто вернуться сюда, в дом Огиона, в свое родное гнездо. И все бы пошло как прежде: она бы заботилась о нем, пока он не восстановит свои силы, а он просто был бы с ней рядом.

Звезды, которые были видны в открытую дверь, вдруг заслонила чья-то тень.

– Ш-ш-ш! Спит! – И вошла тетушка Мох. – Ну что ж, ушел он, – сказала она тоном торжествующего заговорщика. – Пошел по старой лесной дороге. Говорит, так он срежет большой угол и к завтрашнему утру пройдет мимо Дубовых Ручьев.

– Хорошо, – сказала Тенар.

Ведя себя несколько более вольно, чем обычно, тетушка Мох уселась с ней рядом без приглашения.

– Я дала ему в дорогу каравай хлеба да немного сыра.

– Спасибо тебе, тетушка Мох. Ты очень добра.

– Госпожа Гоха, – голос тетушки Мох в темноте звучал так, словно она произносила свои заклиния, – я все хотела сказать тебе одну вещь, милая, да боялась совать свой нос в такие дела, что мне знать не положено; я-то ведь знаю, что ты жила среди великих людей, да и сама была одной из великих, это-то и заставило меня прикусить язык, когда мне всякие мысли в голову приходили. А все ж таки есть кое-какие вещи, что мне ведомы, а у тебя и возможности узнать их не было, хоть ты и выучилась руны писать, познала Язык Древних и многое другое здесь и там, в далеких странах.

– Да, это верно, тетушка Мох.

– Ну что ж, вот и хорошо. Помнишь, мы с тобой как-то говорили, как одна ведьма может узнать другую, и о том, как один могущественный волшебник узнает другого, и я еще сказала о нем – о том, кто отсюда ушел теперь, – что теперь он больше никакой не маг, кем бы он ни был раньше, а ты все-таки отрицала это... Помнишь? Но я ведь была тогда права, разве не так?

– Да. Так.

– Ну да. Права я была.

– Он и сам то же самое говорил.

– Ну конечно, говорил. Он-то врать не станет, да и выдумывать, что это, дескать, не так, а то не этак, пока совсем не запутаешься, вот что я тебе о нем скажу. К тому же он не из тех,

что пробуют ехать в телеге без быка. А и правда, я рада, что он ушел! Так бы оно долго не продержалось – коли уж такое с ним случилось, переменялось все в нем и все такое прочее...

Тенар совершенно ее не понимала, понятным было разве что сравнение с попыткой ехать на незапряженной телеге.

– Я не понимаю, почему он так боится, – сказала она. – Нет, отчасти, конечно, понимаю, но до конца понять не могу, откуда у него этот стыд. Я знаю: он считает, что лучше бы ему было умереть. Но знаю и то – так я понимаю жизнь вообще, – что жизнь заключается в том, чтобы делать свое дело, и делать его как следует. Тогда получишь и удовольствие, и славу, и все остальное. А если ты этого не можешь или если у тебя твое дело отняли, тогда все теряет смысл. Непременно нужно, чтобы что-то было...

Тетушка Мох слушала и кивала, словно Тенар изрекала чрезвычайно мудрые слова, а потом, немного помолчав, сказала:

– Очень неприятно старому человеку чувствовать себя пятнадцатилетним мальчишкой, это уж точно!

У Тенар чуть не вырвалось: «О чем это ты говоришь, тетушка Мох?» – но что-то помешало ей. Она поняла вдруг, что все время ждала, когда Гед наконец вернется из своих скитаний по горам и войдет в их дом, что все это время она хотела услышать его голос, что все ее тело не желало мириться с его отсутствием. Она вдруг глянула на ведьму через плечо: та бесформенной черной грудой тряпья примостилась на стульчике Огиона у незажженного очага.

– Ах! – сказала она в ответ тем бесчисленным мыслям, что вдруг сразу пришли ей на ум. – *Так вот почему, вот почему* я никогда... – Она надолго умолкла, потом наконец спросила: – А разве они... разве волшебники... это что же, заклятие?

– Конечно, конечно, милая, – сказала тетушка Мох. – Они зачаровывают сами себя. Некоторые называют это *обменом* – вроде как брачный договор наоборот, скрепленный клятвами и все такое прочее. Говорят, что благодаря такому *обмену* получили свое могущество. Но мне что-то не больно верится: все равно как мне, простой ведьме, рассказывать, что мне Древние Силы помогают... Да и старый маг – он тоже говорил мне, что ничем таким волшебники не занимаются. Хоть я и знавала кой-кого из ведьм, что и не такое делали, и особого вреда это им не принесло.

– Те, кто воспитал меня, делали это, пообещав вечно оставаться девственницами.

– О да-да, никаких мужчин, ты мне говорила, да и те, что есть, какие-то *юрнихи*. Ужасно!

– Но почему, почему... почему я никогда даже не думала...

Ведьма громко рассмеялась:

– Потому что именно в этом-то и заключено их могущество, милая. Ты не думаешь! Не можешь! И они не могут ничего, кроме как воспользоваться своим заклятием. А как же иначе? Силу-то свою они отдали! Вот и не получается, нет, не получается. Так-то оно, точно! Ты просто ничего не получишь, если не отдашь столько же. В этом-то все и дело. Так что они это понимают, ведьмы, и колдуны, и могущественные волшебники, понимают лучше, чем кто-нибудь другой. И все-таки, знаешь ли, мужчине трудно перестать быть мужчиной, даже если по его зову солнце сходит с небес. Так что они стараются задурить себе головы на этот счет с помощью своих заклятий. И правда, даже в недавние плохие времена, что тянулись так долго, когда все заклятия на свете свою силу утратили, я ни разу не слышала, чтоб какой-нибудь волшебник нарушил заклятие и использовал свое могущество ради собственных плотских радостей. Даже самые никудышные опасаются. Ну конечно, всегда найдутся такие, что к иллюзиям привыкли, да только они ведь сами себя обманывают. А еще всякие жалкие колдунишки, ведьмы и знахари – шушера, в общем, – пытаются иногда особыми заклинаниями пользоваться, чтобы обманом деревенских женщин завлекать, но уж кто-кто, а я-то знаю: такие заклинания недорого стоят. Тут ведь в чем дело? В том, что одна сила не слабее другой и у каждой свои цели. Вот как я это понимаю.

Тенар сидела в глубокой задумчивости.

– Они сами себя от остальных отгораживают, – наконец сказала она.

– Да. Волшебник так и должен поступать.

– Но ты-то этого не делаешь.

– Я? Я всего лишь старая ведьма, милая.

– Старая?

Возникла пауза, потом тетушка Мох в темноте проговорила с едва различимой усмешкой:

– Старая *достаточно*, чтобы больше ни о чем не беспокоиться.

– Но ты сказала... Ты ведь не давала обета безбрачия?

– А что это такое, милая?

– Как все волшебники?

– О нет. Нет и нет! Сама никогда красоткой не была, и смотреть-то особенно было не на что, зато на мужчин я смотреть умела так... и знаешь ли, вовсе не колдовством пользовалась, ты ведь, милая, понимаешь, о чем я... нужно только посмотреть на него по-особому, и он тут как тут; рот разинет, как ворона, и через день, два или три – а ко мне точно придет!.. «Мне бы для собаки лекарство, чесотка у нее», «А мне – лекарственный чай для бабушки» – но я-то знала, чего им надо, так что если кто был по нраву, то частенько и получал свое. И только ради любви, ради любви – я ведь не из таких, знаешь ли, хотя, может, некоторые ведьмы этим и занимаются, да только, по-моему, колдовство позорят. За колдовство мне платят, а за удовольствие – любовь дарят, вот что я тебе скажу. Не то чтобы в этой любви одно лишь удовольствие было, правда. Я как-то долго по одному сохла, уж больно хорош собой был, да только сердце холодное, жестокое... Теперь-то он давно уж умер. Отец того Таунсенда, что недавно вернулся в наши края, ну да ты его знаешь. Ах, как я сходила с ума по тому человеку – даже колдовством раз воспользовалась. Уж сколько заклятий на него ни накладывала – все напрасно! Все ни к чему. В свекле крови не сыщешь... Да и сюда, в Ре Альби, я перебралась из-за неприятностей с одним парнем из порта Гонт. Я тогда еще совсем молодой была. Семья у них богатая, знатная, так что я ни о чем и заикаться не смела. Будто они волшебной силой обладали, а не я! Да и не желали они, чтобы сынок их путался с простой девчонкой, с какой-то замарашкой – они меня так и называли. Они все равно меня со своей дороги убрали бы, это им все одно что кошку убить, так что если б я тогда не убежала сюда, в горы... Но господи, как же я того парня любила! У него были такие сильные гладкие руки и ноги, глаза большие, темные – я все эти годы его перед собой так и вижу...

Они долгое время сидели в темноте молча.

– А когда у тебя появлялся мужчина, тетушка Мох, тебе с колдовством приходилось проститься?

– Ничуть, – заносчиво ответила ведьма.

– Но ты же сказала, что ничего нельзя получить, сперва не отдав столько же. Значит, это для женщин и для мужчин неодинаково?

– Что неодинаково, милая?

– Не знаю, – сказала Тенар. – Мне кажется, что мы сами же все эти различия создаем, а потом жалуемся. Я не понимаю, почему Высшее Искусство, почему сама волшебная сила не даются равно мужчинам и женщинам? Это понятно только тогда, когда люди по-разному одарены от рождения или по-разному – один хуже, другой лучше – изучали искусство магии.

– Мужчина больше отдает, милая. Женщина больше принимает в себя.

Тенар молчала, не удовлетворенная таким объяснением.

– Наша, женская сила с виду вроде как слабее, меньше, чем у них, – сказала тетушка Мох. – Зато она куда глубже. Она как бы вся из одних корней. Как старый кустик черники. А сила волшебника похожа на высокую ель, самую высокую в округе, мощную, – да только во

время бури самые высокие деревья как раз и ломаются. А вот кустик черники сломать не так-то просто. – Она насмешливо закудаhtала, довольная таким сравнением. – Ну что ж! Теперь уж он, должно быть, далеко ушел, им его не найти. Вот только люди болтать начнут...

– О чем?

– Ты женщина уважаемая, милая, а репутация уважаемой женщины – это ее благополучие.

– Ее благополучие, – тупо повторила Тенар и, помолчав, сказала еще раз: – Ее благополучие. Ее сокровище. Ее наследство. Ее цена... – И внезапно вскочила, словно не в силах была сидеть спокойно, и потянулась всем телом. – Это как у драконов, которые подыскивают пещеры, строят крепости и хранят там свои сокровища, заботятся о своем наследстве, спят на своем имуществе, сливаясь с ним, превращаясь в него... Все брать и брать, но никогда ничего не отдавать!

– Ты еще узнаешь цену хорошей репутации, – сухо сказала тетушка Мох, – когда утратишь ее. Это, конечно, в жизни не самое главное. Но заполнить такую брешь трудно.

– А ты бы согласилась не быть ведьмой, чтобы стать уважаемой женщиной, тетушка Мох?

– Не знаю, – задумчиво проговорила та. – Не знаю, как бы это у меня получилось. У меня один-единственный талант, наверно; другого нет.

Тенар подошла к ней и взяла ее руки в свои. Удивленная этим порывом, тетушка Мох вскочила и чуть отпрянула от нее, но Тенар притянула ее к себе и поцеловала в щеку.

Старая женщина высвободила одну руку и застенчиво коснулась волос Тенар – лишь краткое ласковое прикосновение, так когда-то гладил ее по голове Огион. Потом ведьма резко отодвинулась и забормотала что-то насчет того, что пора домой, засобиравшись, но на пороге все-таки спросила:

– А может, ты хочешь, чтобы я здесь пожила, пока всякие чужеземцы вокруг шныряют?

– Ступай, тетушка Мох, – ласково сказала Тенар, – я к чужеземцам привыкла.

В ту ночь, засыпая, она снова вдруг оказалась в просторных разливах света и ветра, но свет был почему-то затянут дымной пеленой, красен, как от пожара, потом появились оранжевые и янтарные языки пламени, словно горел сам воздух. То ли она была частью этого мира, то ли ветер увлекал ее за собой и она была частью ветра, той его силой, что не знает преград?.. И ни один голос не позвал ее...

Утром она сидела на крылечке, расчесывая волосы. Она была белокожей, но в отличие от большинства каргадцев волосы у нее падали на плечи темной волной. Только теперь в темных волосах ее мелькала порой тонкая серебряная нить. Она вымыла голову той водой, которую приготовила для стирки, решив, что стиркой займется попозже, раз уж Гед ушел и ее репутация уважаемой женщины в полной сохранности. Она сушила волосы на солнце, медленно расчесывая их. Утро было жаркое, ветреное, на волосах ее следом за гребнем вспыхивали искры и с треском сбегали вниз.

Терру подошла и остановилась у нее за спиной, внимательно наблюдая. Тенар обернулась и заметила, насколько девочка напряжена, – она почти дрожала.

– В чем дело, птичка моя?

– Из тебя огонь вылетает, – сказала Терру то ли со страхом, то ли с восхищением. – По всему небу разлетается!

– Да это просто от волос моих искры летят, – сказала Тенар, немного смутившись.

Терру заулыбалась, и Тенар вдруг вспомнила, что раньше эта девочка не улыбалась никогда. А теперь она обеими руками, здоровой и обожженной, пыталась поймать искры, разлетающиеся от распущенных, развевающихся на ветру волос Тенар, и смеялась:

– Искорки, искорки!



И тут Тенар впервые спросила себя: интересно, каким видит Терру весь этот мир и ее, Тенар? И поняла, что у нее нет ответа на этот вопрос, что невозможно знать, каким видит мир тот, у кого выжгли один глаз. И снова вспомнились ей слова Огиона: «Ее будут бояться», – но страха за Терру она почему-то не испытала, наоборот! И продолжала расчесывать волосы, яростно драла их гребнем, чтобы искр было как можно больше, чтобы снова и снова слышать этот тихий, хриловатый, радостный смех.

Потом она перестирала простыни, полотенца для посуды, свое белье и платье, а также вещички Терру и разложила все на лугу для просушки, убедившись прежде, что козы надежно заперты. Вещи она прижала камнями, потому что дул сильный порывистый ветер и в нем ощущалась какая-то дикая, необузданная сила зрелого лета.

Терру росла. Она по-прежнему казалась слишком маленькой и худенькой для своих лет (ей было где-то около восьми), но за последние месяцы два ее ожоги совсем поджили, перестали причинять ей страдания, и она стала значительно больше времени проводить на улице, да и есть стала гораздо лучше. Платья, позаимствованные у младшей, пятилетней дочурки Ларк, стали ей малы.

Тенар подумала, что надо бы сходить в деревню, к ткачу Фану, и попросить у него кусок материи из остатков в обмен на пойло для свиней, которое она все время отсылала ему с пастушкой Вереск. Она бы с удовольствием что-нибудь сшила Терру. Да и просто повидать старого Фана ей хотелось. Смерть Огиона и болезнь Гед заставляли ее сторониться деревенских жителей. Оба этих волшебника, как всегда, насильно выгнали ее из того знакомого мира, в котором она прекрасно умела себя вести и который сама избрала для себя, – то вовсе не был мир королей и королев, могущественных волшебных сил и высших искусств, великих путешествий и приключений (обо всем этом Тенар думала, собираясь в деревню и выглядывая в окошко, чтобы видеть Терру), но мир самых обычных людей и самых обычных дел, где люди женились, воспитывали детей, возделывали поля, пасли коз, шили, стирали... Она думала об этом с каким-то мстительным чувством – словно спорила с Гедом, который сейчас, должно быть, прошел уже больше половины пути к Срединной Долине. Она представляла, как он идет по дороге мимо того ручья, где они с Терру ночевали, стройный, седовласый, одинокий и молчаливый путник, у которого в заплечном мешке полбуханки хлеба, испеченного ведьмой, а на сердце – тяжкий груз сознания собственного ничтожества.

«Пора и тебе кое-что понять! – подумала она. – Пора понять, например, что ты вовсе не всему выучился на Роке!» И тут же вспомнила совсем иное – одного из тех мужчин, что тогда поджидали ее с Терру на дороге. Невольно Тенар вскрикнула: «Будь осторожней, Гед!» – страхась за него, ведь он и обыкновенной палки с собой не взял. Но вспомнила она не того огромного парня с усами, а другого, более молодого, в кожаной шапке, что так пристально смотрел на Терру.

В деревне она специально направилась сперва к маленькому флигельку рядом с домом Фана: здесь она когда-то жила. И вдруг мимо флигеля – буквально у нее под носом – прошел человек. Это был тот самый парень в кожаной шапке, которого она только что вспоминала! Ее он не заметил, и она смотрела, как он размеренной походкой, не останавливаясь, поднимается по деревенской улице то ли к постоялому двору, то ли к перекрестку горных дорог за деревней.

Не раздумывая, Тенар пошла за ним следом, держась на некотором расстоянии, пока не увидела, как он повернул к поместью лорда Ре Альби, а не вниз, не в ту сторону, куда ушел Гед.

Немного успокоившись, она пошла в гости к старому Фану.

Будучи почти отшельником, как большинство ткачей, Фан даже в те времена проявил доброту по отношению к каргадской девчонке, впрочем несколько застенчивую и настороженную. Сколько же людей уже тогда защищали ее достоинство! Теперь, почти ослепнув, Фан завел ученицу, которая и делала большую часть работы. Он был очень рад гостю, восседая, точно на троне, на старинном резном стуле под тем самым веером, от которого и произошло его про-

звище Фан-Веер. Веер этот, огромный, искусно разрисованный, подарил деду Фана один пират в благодарность за чрезвычайно быстро сотканную парусину. Веер висел на стене в раскрытом виде. Изящные фигурки мужчин и женщин в пышных одеяниях розового, зеленого, бирюзового цвета, башни и мосты, пестрые знамена Великого Хавнора были Тенар хорошо знакомы. Гости Ре Альби непременно заходили полюбоваться веером старого ткача. Во всем селении, согласно общему мнению, он был самой замечательной вещью.

Тенар с восхищением смотрела на веер, зная, что это приятно старику, а еще потому, что веер на самом деле был удивительно красив, и тут Фан сказал:

– Тебе ведь не много подобных вещей встречалось во время твоих путешествий, правда?

– Нет, совсем не встречалось. А в Срединной Долине такого и в помине нет, – ответила Тенар.

– А когда ты жила здесь, со мной рядом, разве я никогда не показывал тебе обратную его сторону?

– Нет, – ответила она, и, разумеется, пришлось снять веер со стены; она влезла на табурет и осторожно отцепила его, потому что сам Фан видел очень плохо, а уж забраться на табурет и подавно не мог.

Он с беспокойством руководил ею. Спрыгнув на пол, Тенар положила веер ему на колени, и он своим затуманенным взором впился в дивные изображения, то раскрывая веер, то закрывая его, чтобы удостовериться, что все пластинки целы. Наконец Фан сложил веер, перевернул и вручил ей.

– Открывай, но медленно, – сказал он.

Она так и поступила. Дивное зрелище разворачивалось перед ней. Тонкий и бледный рисунок на пожелтевшем шелке – драконы бледно-красного, голубого, зеленого цвета, и все они двигались, собирались в стаи среди облаков и горных вершин, точно так же как собирались вместе люди, изображенные на оборотной стороне веера.

– Подними его повыше и поднеси к свету, – сказал старый Фан.

И тут она увидела обе стороны одновременно, обе картины, как бы слившиеся воедино благодаря свету, проникавшему сквозь тонкий шелк; горные вершины и облака совпали с башнями столицы, мужчины и женщины стали крылаты, а драконы смотрели с рисунка человеческими глазами.

– Видишь?

– Вижу, – прошептала она.

– Я-то их теперь и разглядеть не могу – сердцем помню. Я мало кому это показывал.

– Просто поразительно, чудесно!

– Я все собирался показать это старому магу, – проговорил Фан, – да то одно, то другое – вот и не показал.

Тенар еще раз перевернула веер, держа его против света, потом повесила его на прежнее место, и драконы спрятались во тьму, а женщины и мужчины шли себе, как обычно, освещенные солнцем.

Затем Фан повел Тенар на двор показать своих свиней – отличную парочку, успешно толстеющую, чтобы осенью пойти на колбасу. Они немного посетовали на безответственность Вереск, которая приносила ткачу помой для свиней не слишком регулярно. Тенар сказала, что мечтает о небольшом куске ткани – девочке на платье, и Фан с удовольствием вынул для нее из сундука нетронутую штуку тонкого полотна, а молодая женщина, бывшая у него в подмастерьях, похоже полностью воспринявшая не только уроки его мастерства, но и его необщительность, тем временем продолжала работать, постукивая ткацким станком, совершенно невозмутимая и сосредоточенная.

Направляясь домой, Тенар думала, что и Терру могла бы сидеть за таким вот станком. Работа, конечно, довольно нудная, однообразная, зато всеми уважаемая, а порой ткачество

относили даже к благородным искусствам. И люди привыкли к тому, что ткачи обычно люди застенчивые, часто одинокие, полностью поглощенные своей работой. А то, что они работают в четырех стенах, позволило бы Терру не слишком часто показываться людям на глаза. Но как быть с изуродованной рукой? Сможет ли девочка такой рукой научиться передвигать челнок, натягивать основу? И неужели ей всю свою жизнь придется прятаться?

Но как же быть ей, Тенар? «Зная, какова будет ее жизнь...»

Она попыталась переключить свои мысли на что-нибудь другое. Стала думать, какое платье сошьет Терру. Платица дочерей Ларк были грубоватыми, примитивными, как сама земля. А можно покрасить половину материи в желтый или красный цвет мареной с болота, а сверху будет нарядный белый передник с пелериной в оборочках... Нет, ну неужели малышке придется вечно прятаться во тьме у станка и никогда не видеть даже красивой юбки с оборкой и кружевами?.. Если кроить достаточно экономно, тогда останется еще и на блузку, и на второй фартучек...

– Терру, – окликнула она, подойдя к дому. Вереск и Терру были в загоне с козами, когда она уходила. Тенар еще раз позвала девочку, желая показать ей материю и рассказать о будущем платье. И тут из-за летнего сарая появилась неуклюжая Вереск, тащившая на веревке Сиппи.

– А Терру где?

– С тобой пошла, – с искренним изумлением ответила Вереск, и Тенар даже оглянулась, словно девочка стояла у нее за спиной, прежде чем поняла, что Вереск понятия не имеет, где Терру, и просто выдает желаемое за действительность.

– Где ты ее оставила?

Вереск и об этом понятия не имела. Она никогда раньше не отпускала от себя Терру, считая, видимо, что девочку нужно все время держать на привязи, точно козу. Впрочем, возможно, это скорее понимала сама Терру и старалась быть на виду у кого-нибудь из старших. Тенар, так и не дождавшись сколько-нибудь вразумительных объяснений от пастушки, подумала немного и принялась искать и звать девочку. Однако тщетно.

Она старалась не думать об обрыве так долго, как только могла. В первый же день она объяснила Терру, чтобы та никогда не ходила одна ни по круто поднимающимся террасам полей, расположенным ниже дома Огиона, ни к обрывистому утесу, ибо единственным зрячим глазом невозможно определить ни реальную глубину, ни реальное расстояние. Тогда девочка ей подчинилась. Она вообще всегда подчинялась. Но дети склонны забывать свои обещания. Впрочем, Терру своих обещаний не забывает. Однако она могла ведь и нечаянно, даже не заметив этого, выйти на край обрыва? Нет, она, конечно же, просто отправилась к тетушке Мох! Вот именно! Она уже ходила одна в деревню вчера вечером и теперь решила повторить свой подвиг. Вот оно в чем дело!

У тетушки Мох Терру не оказалось. Ведьма ее не видела.

– Я отыщу ее, отыщу, милая, – заверила она Тенар; однако, вместо того чтобы пойти вверх по лесной тропе на поиски девочки, как надеялась Тенар, зачем-то начала вязать дурацкие узелки из собственных волос, явно намереваясь произнести заклятие.

Тенар бегом бросилась назад, к дому Огиона, снова и снова зовя девочку. И на этот раз осмелилась посмотреть вниз, на террасы полей, надеясь увидеть там среди валунов маленькую фигурку. Но за бесчисленными ступенями террас увидела одно лишь море, покрытое рябью и потемневшее, и от этого простора у нее даже закружилась голова и подогнулись колени.

Тенар пошла к могиле Огиона и чуть дальше, мимо нее, в лес, зовя Терру. Когда она возвращалась обратно, на лугу резвилась пустельга; именно здесь когда-то за этой птицей наблюдал Гед. Пустельга ринулась вниз и тут же снова взлетела, зажав в когтях какого-то маленького зверька, и понеслась к лесу. Птенцов кормит, подумалось Тенар. В мозгу ее без конца роилось множество самых разнообразных мыслей, множество живых и точных образов. Она

прошла мимо выстиранного белья, разложенного на траве; теперь белье высохло, его необходимо до вечера собрать... Необходимо поискать возле дома повсюду, в сарае, в загоне – везде и более тщательно. Это ее вина. Это она виновата, потому что думала, как сделать из Терру ткачиху, как запереть ее в доме, за работой, сделать уважаемой всеми... Хотя Огион сказал тогда: «Научи ее, научи ее всему, Тенар!» Хотя она сама понимала, что неправильное обращение с этой девочкой может иметь необратимые последствия. Хотя знала, что девочка поручена именно ей, но со своей задачей не справилась, не оправдала надежд, не оправдала доверия Терру, потеряла ее, потеряла единственный доставшийся ей великий дар...

Тенар обыскала каждый уголок в доме, обшарила все остальные постройки, снова заглянула в альков и под вторую кровать. Потом остановилась, чтобы выпить воды, ибо рот ее пересох, словно песок в пустыне.

За дверью, как всегда, стояли три деревянных посоха – Огионов и их с Терру. И вот один из них, окутанный тенью, вдруг двинулся и сказал:

– Я здесь.

Девочка совершенно скрючилась в самом темном углу, словно втянувшись внутрь собственного тельца, и казалась сейчас не больше собачонки: голова прижата к плечу, руки и ноги поджаты под горло, единственный зрячий глаз из всех сил зажмурен.

– Птичка ты моя, воробышек, огонечек мой, что случилось? Что? Что они с тобой сделали?

Тенар прижала к себе застывшее и холодное, словно камешек, маленькое тельце, баюкая девочку.

– Разве можно так пугать меня? Разве можно так от меня прятаться? Ох, как я на тебя сердита!

Она плакала, и слезы ее капали на лицо ребенку.

– Ах, Терру, Терру! Никогда больше так не делай!

Скрюченные, застывшие руки и ноги девочки вздрогнули и понемногу расслабились. Терру шевельнулась и вдруг судорожно прильнула к Тенар, спрятав лицо в ямку между ее грудью и плечом, прижимаясь к ней все крепче, с каким-то отчаянием. Она не плакала. Она никогда не плакала; возможно, все ее слезы были выжжены тем смертоносным костром. Но она исторгла какой-то протяжный стон, а может быть, рыдание.

Тенар обнимала ее и укачивала, укачивала. Очень, очень медленно отчаянные объятия девочки чуть ослабели. Головка сонно улеглась Тенар на грудь.

– Скажи-ка мне... – прошептала женщина, и девочка сразу ответила своим слабым, хриплым шепотом:

– Он приходил сюда.

Сперва Тенар подумала о Геде, но тут же под воздействием пережитого страха догадалась, кто был этот «он» для ее девочки! Она сухо усмехнулась про себя и, добиваясь четкого ответа, снова спросила Терру:

– Кто это «он»?

Ответа не последовало; Тенар почувствовала, как девочку стала бить с трудом сдерживаемая дрожь.

– Тот самый? – тихо спросила Тенар. – Тот, в кожаной шапке?

Терру коротко кивнула.

– Тот, кого мы видели тогда на дороге?

Девочка промолчала.

– Там было четверо мужчин – я на них еще рассердилась, помнишь? Это один из них?

И тут ей пришло в голову, что Терру тогда шла потупясь, пряча сожженную щеку, как всегда в присутствии чужих.

– Ты знаешь его, Терру?

– Да.

– С тех пор как... как вы жили в палатке у реки?

Терру снова коротко кивнула.

Тенар еще крепче прижала девочку к себе.

– Так это он приходил сюда... – проговорила она, и весь ужас, который она носила в себе, сразу превратился в гнев, в ярость, сжигавшую ей нутро, сидевшую в ней словно раскаленный прут. Тенар как-то странно усмехнулась – «Ха!» – и почему-то сразу вспомнила Калессина, то, как дракон смеялся.

Но ей, человеку, женщине, оказалось вовсе не легко удержать этот огонь в себе. Да и ребенка необходимо было успокоить.

– А он тебя видел?

– Я спряталась.

Тенар быстро заговорила, поглаживая Терру по голове:

– Он никогда больше к тебе не притронется, Терру. Ты пойми меня и поверь: он больше никогда не коснется тебя. Он больше никогда тебя не увидит – во всяком случае, пока я с тобой. Ты же понимаешь это, моя дорогая, моя драгоценная, моя красавица! Ты не должна его бояться. Да и отчего тебе его бояться? Он-то хочет как раз, чтобы ты его боялась. В твоём страхе он черпает силы. А мы заставим его поголодать! Пусть голодает, пусть гложет сам себя! Пусть задохнется, кусая собственные кости... Ах, не слушай ты меня, я ужасно сердита, я чудовищно зла!.. Я очень красная? Такая же, как женщины с Гонта? Как тот дракон? Красная? – Она пыталась шутить, и Терру, подняв к ней свое изуродованное робкое личико, заглянула ей в глаза и сказала:

– Да, красная. Ты – красный дракон.

Мысль о том, что этот человек приходил в их дом, был здесь, ходил вокруг, любясь содеянным, может быть даже обдумывая, как довести неоконченное дело до конца, – мысль об этом, скорее даже не мысль, а дурнотное чувство, подобное тошноте, охватывая Тенар, как бы сгорало само собой во вспыхивающем тут же в ее душе гнев.

Они встали, умылись, и Тенар решила, что наиболее явственное и реальное из множества ее теперешних чувств – голод.

– У меня совершеннейшая пустота в животе, – сказала она Терру и приготовила им роскошную трапезу: сыр, хлеб, холодные бобы, приправленные маслом и специями, ломтики лука и твердой копченой колбасы. Терру ела с отменным аппетитом, а Тенар – с еще большим.

Когда они съели все до последней крошки, Тенар сказала:

– А теперь, Терру, запомни: я никогда больше тебя одну не оставляю, и ты тоже не оставляй меня. Хорошо? А сейчас мы вместе с тобой сходим к тетушке Мох. Она там сотворила заклятие, чтобы отыскать тебя, так что пусть больше не беспокоится на этот счет.

Терру так и замерла. Она только раз взглянула на открытую настежь дверь и сразу отшатнулась.

– А еще нам с тобой нужно принести высохшее белье. Захватим его на обратном пути. А когда вернемся, я покажу тебе материю, которую добыла сегодня. Платье буду шить. Новое платье для тебя. Красное.

Девочка словно не слышала.

– Если мы будем прятаться, Терру, это ему только на руку. Но мы прятаться не станем, будем сильными сами. Так что ему не понравится. А ну-ка пошли!

Преодоление порога потребовало от Терру невероятных усилий. Она отворачивалась, прятала лицо, дрожала, потом вдруг пошла, нерешительно, спотыкаясь, и казалось невыносимо жестоким заставлять ее перешагивать этот порог, чуть ли не силой тащить ее из дома, но Тенар не знала жалости.

– Пойдем же! – настойчиво повторила она, и девочка пошла с ней.

Держась за руки, они прошли через поля к домику тетушки Мох. Один или два раза Терру даже заставила себя поднять глаза от земли.

Тетушка Мох вовсе не удивилась, увидев их, однако выглядела она грустной и усталой. Она велела Терру сбегать в дом и полюбоваться юными цыплятами, которых только что вывела ее несушка с ожерельем на шейке, а потом выбрать и для себя парочку; Терру точно ветром сдуло.

– Она все время была в доме, – сказала Тенар. – Пряталась.

– Ну что ж, хорошо, что она умеет прятаться, – сказала ведьма.

– Почему? – резко спросила Тенар. Ей не хотелось сейчас скрывать свое настроение и быть покладистой.

– Да... всякие тут ходят... – сказала ведьма, однако совсем не важничая, а скорее с неохотой.

– Негодяи всякие тут ходят! – заявила Тенар, и тетушка Мох, глянув на нее, даже немножко отодвинулась.

– Ну-ну, успокойся, – сказала она. – Успокойся, милая. Ты вся прямо-таки огнем горишь, вокруг головы свет сияет. Я сотворила заклятие, чтобы отыскать девочку, однако оно не подействовало. Почему-то все шло не так, как хотела я, и я так и не поняла, кончилось ли действие этого заклятия. Что-то я растерялась совсем. Я видела Великих. Искала нашу девочку, а видела Великих, что парили над вершинами гор, среди облаков. А теперь и ты на них похожа, и волосы твои будто пламенем охвачены. Что случилось, что не так?

– Да есть тут один, в кожаной шапке, – сказала Тенар. – Такой молодой... Ну хватит так на меня смотреть! У него, кажется, куртка на плече разорвана. Ты его, случайно, тут не видела?

Тетушка Мох кивнула:

– Его в усадьбе на сенокос наняли.

– Я же рассказывала тебе, что она... – Тенар глянула в сторону дома, – что она была тогда с женщиной и двумя мужчинами. Он – один из тех двоих.

– Ты хочешь сказать, один из тех, что...

– Да.

Старуха застыла, словно деревянная статуя.

– Не знаю, – проговорила она наконец. – Мне казалось, что я знаю достаточно. Но это не так. А что... Что будет... А он что же... захочет прийти и повидать ее?

– Если он ее отец, то, возможно, просто потребует вернуть ее.

– Потребует вернуть?

– Она же *его собственность*.

Тенар говорила довольно спокойно. И при этом смотрела на вершину горы Гонт.

– Но я думаю, что отец все-таки не он. Я думаю, тот, другой. Тот, что пришел тогда в деревню и сказал моей подруге, что девочка «поранилась».

Тетушка Мох еще не совсем пришла в себя, она по-прежнему была во власти собственных чар и видений, ее испугала и ярость Тенар, и то, что неизбежное зло где-то рядом. Старуха в отчаянии потрясла головой.

– Я не знаю, – повторила она. – Хотя считала, что знаю достаточно. Как же он может вернуться сюда?

– Чтобы совсем уничтожить ее, – сказала Тенар. – Уничтожить, поглотить, пожрать. Я больше ее одну не оставляю! Вот только завтра, с самого утра, я, возможно, попрошу тебя, тетушка Мох, посторожить ее. С часок примерно. Сделаешь это для меня? А я пока схожу в усадьбу лорда.

– Конечно, милая. Конечно. Я могу наложить укрывающее от чужих глаз заклятие, если хочешь... Однако... Они-то ведь сейчас как раз там, те посланцы короля из Хавнора...

– Ну так что ж, пусть и они посмотрят, какова здесь жизнь у простых людей, – сказала Тенар так, что тетушка Мох снова отшатнулась от нее: ей показалось, что сноп искр разлетелся от Тенар – словно от костра на ветру.

## 9

### Волшебные слова

Они заготавливали сено на лугу лорда, вытянувшемся вдоль всего склона; луг перерезали четкие утренние тени. Косцов было пятеро – три женщины и двое мужчин, один совсем юный, насколько Тенар могла догадаться издали, а второй – седой и сутулый. Она поднялась к ним, ступая меж скошенных валков, и спросила одну из женщин о человеке в кожаной шапке.

– Это тот, что с Вальмута будет, иль нет? – переспросила та. – Ума не приложу, куда он подевался.

К ним подошли остальные. Ни один не знал, куда вдруг исчез человек из Срединной Долины и почему он не косит с ними вместе.

– Такие бездельники нипочем работать не станут, – сказал сутулый. – Неумеха. А ты что ж, госпожа, знаешь его?

– Случайно видела, – ответила Тенар. – Он все что-то возле нашего дома вынюхивал... девочку мою испугал. Я даже не знаю, как его зовут.

– Сам-то он себя Ловкачом называет, – удалось вставить мальчишке.

Остальные смотрели на нее молча или старались не смотреть вообще. Они уже начинали догадываться, что она та самая женщина с Каргадских островов, что живет в доме старого мага. Все они были вассалами лорда Ре Альби, а потому подозрительно относились к тем, кто живет в деревне, не говоря уж о тех, кто имел дело с Огионом. Они поточили свои косы и пошли от нее прочь, разбрелись по лугу, вновь принявшись за работу. Тенар по краю поля, мимо посаженных там ореховых деревьев, спустилась к дороге.

Там, словно поджидая ее, стоял какой-то человек. Сердце у нее упало. Она поспешила навстречу.

То был Аспен, волшебник из усадьбы. Он стоял в тени придорожного дерева, изящно опершись о свой длинный сосновый посох. Когда Тенар наконец вышла неподалеку от него на дорогу, он сказал:

– Что, работу ищешь?

– Нет.

– Господину моему на поле нужны рабочие руки. Жара вот-вот кончится, так что сено необходимо поскорее убрать.

Для Гохи, вдовы Флинта, слова его звучали вполне нормально, так что Гоха и ответила ему тоже вежливо:

– Но ведь твое искусство, без сомнения, сможет справиться с дождевыми тучами, пока все сено не уберут.

Однако он прекрасно знал, что Тенар – та самая женщина, с которой перед смертью говорил Огион и которой старый маг назвал свое подлинное имя; и если учитывать, что он это знал, то слова его звучали в высшей степени оскорбительно и на редкость фальшиво – словно скрытая угроза или предупреждение. Она уже собралась спросить, не знает ли он, где теперь человек по прозвищу Ловкач. Но вместо этого сказала:

– Я просто пришла сообщить вашему управляющему, что человек, которого он нанял на сенокос, беглый вор и даже хуже. Он ведь совсем не такого хотел нанять, правда? Хотя и этот, кажется, уже куда-то исчез?

Она спокойно смотрела на Аспена, не отводя глаз до тех пор, пока он с трудом не проговорил ей в ответ:

– Я ничего не знаю об этих людях.

В ту ночь, когда умер Огион, волшебник этот показался ей высоким, молодым и даже довольно привлекательным в своем сером плаще с украшенным серебряным набалдашником



посохом. Но он был совсем не так уж молод и вообще как будто высох, съезжился с тех пор. Во взгляде его и голосе теперь отчетливо чувствовалось презрение, и она ответила ему так, как ответила бы Гоха:

– Да я просто так спросила. И прошу прощения. – Ей вовсе не хотелось еще и здесь неприятностей. Она уже повернула назад, когда Аспен вдруг крикнул:

– погоди!

Она остановилась.

– Вор и даже хуже, ты говоришь, да только клевета недорого стоит, а женский язычок пострашнее иного ворюги будет. Ты ведь сюда нарочно пришла, чтобы среди косцов воду мутить, чтобы порядочных людей оговаривать да ложью опутывать, – вот они, драконовы семена, что каждая колдунья сеет. Неужели думала, я не догадаюсь, что ты ведьма? Да я как только увидел это чертово отродье, что вечно к тебе липнет, так сразу и понял, где ты ее взяла и для какой надобности! И правильно сделали, что сжечь ее хотели! Только дело это надо было до конца довести. Ты уже один раз оскорбила меня у тела старого волшебника, но я тогда не стал тебя наказывать – ради покойного и в присутствии остальных. Но теперь ты зашла слишком далеко! Я предупреждаю тебя, женщина! Я не позволю тебе больше ходить по этой земле. Если же ты еще станешь мне перечить или снова осмелишься заговорить со мной, я сделаю так, что тебя вышвырнут из Ре Альби да еще и с собаками погонят. Ты меня поняла?

– Нет, – сказала Тенар. – Я никогда не понимала таких мужчин, как ты.

Она отвернулась и пошла по дороге.

Внезапно ее словно ударили чем-то острым прямо по позвоночнику, так что волосы у нее от боли встали дыбом. Она резко обернулась и увидела, что волшебник вытянул свой посох по направлению к ней, а вокруг конца посоха пляшут темные молнии. Губы Аспена уже приоткрылись для заклятия. И тут она поняла: все это потому, что Гед утратил свое могущество. Она считала дурными всех мужчин, но ошибалась!..

Вдруг чей-то спокойный голос спросил:

– Ну-ну, что тут у нас происходит?

Двое из столичных гостей спускались на дорогу прямо из вишневого сада, что тянулся вдоль нее. Они смотрели то на Аспена, то на Тенар и явно ничего не понимали, однако держались вежливо, словно сожалея о необходимости помешать волшебнику, сознавая, что не допустят насилия.

– Госпожа Гоха, – изысканно поклонился ей человек в расшитой золотом рубашке.

Другой, с ясными глазами, тоже вежливо поздоровался с ней и улыбнулся.

– Госпожа Гоха, – проговорил он, – это женщина, которая, подобно нашему королю, открыто называет свое имя и, по-моему, ничего на свете не боится. На Гонте она, вероятно, предпочитает, чтобы ее называли простым гонтийским именем? Однако, поскольку нам известны ее великие деяния, я прошу у нее позволения оказать мне честь, ибо именно она носила на руке то Кольцо, которое не надевала больше ни одна женщина со времен прекрасной Эльфарран. – Он самым естественным движением преклонил перед Тенар одно колено, легким быстрым жестом взял ее правую руку и коснулся кисти своим лбом. Потом поднялся и улыбнулся своей добродушной и чуть таинственной улыбкой.

– Ах, – сказала Тенар, польщенная и словно согревшаяся от этих слов, – каких только могущественных сил нет на свете! Благодарю вас.

Волшебник стоял как вкопанный, глядя на нее. Он уже успел сомкнуть губы, готовые произнести злобное заклятие, и опустил свой посох, однако вокруг него и в его глазах все еще вполне отчетливо видна была некая мгла.

Она не знала, было ли ему известно раньше, или он только сейчас узнал, что она Тенар, доставившая Кольцо Эррет-Акбе. Это было, впрочем, не важно. Все равно он не мог бы ненавидеть ее сильнее. Ее беда была в том, что она женщина. Ничто не могло быть хуже – в его

глазах, разумеется; ничто не могло спасти ее от кары; ни одно наказание для нее не было бы достаточно сильным, ведь он видел, что сотворили с Терру, и вполне одобрил содеянное.

– Господин мой, – сказала она тогда тому, кто был постарше, – даже что-либо чуть меньшее, чем честность и открытость, уже кажется почти бесчестьем нашему королю, от чьего лица говорите вы – и действуете так, как сейчас. Лестно, что король и его посланник оказали мне честь... Однако собственная честь моя связана данным словом, пока мой друг сам не освобождает меня. Я... я уверена, господа мои, что со временем он сам пошлет вам весть о себе. Только, молю вас, дайте ему время.

– Разумеется, – откликнулись оба посланника в один голос. – Столько времени, сколько ему будет угодно. А твое доверие, госпожа, возвышает нас более всего прочего.

Она пошла по дороге дальше в Ре Альби, потрясенная случившимся – столь стремительными переменами, неприкрытой ненавистью волшебника, собственной, какой-то сердитой резкостью, собственным ужасом перед лицом неожиданной опасности, его откровенным желанием причинить ей зло и, наконец, внезапным спасением благодаря посланникам короля, явившимся сюда из благословенного рая на белом крылом корабле, из Башни Меча, средоточия правосудия и порядка. Ее сердце было исполнено благодарности. Да, теперь на троне действительно настоящий король, и главное украшение его короны отныне – Руна Мира.

Ей понравилось лицо молодого гостя, умное и доброе; и то, как он преклонил перед ней колена – словно перед королевой; и его улыбка, будто таившая некую тайну. Она оглянулась. Оба посланника шли вместе с волшебником Аспеном по направлению к поместью лорда Ре Альби. Все трое, похоже, вполне дружески беседовали, словно ничего и не произошло.

Это немного поколебало ее веру в них. Они, разумеется, были настоящими придворными. И не их дело – впутываться в ссоры или открыто осуждать кого-то. А он ведь волшебник, да к тому же волшебник того лорда, что оказал им гостеприимство. И все-таки, подумала она, не стоило бы им так вот прогуливаться и беспечно беседовать с ним.

Гости из Хавнора еще несколько дней прожили у лорда Ре Альби, возможно не теряя надежды, что Верховный Маг передумает и придет к ним; однако сами они его не искали и не приставали к Тенар с вопросами о том, где он может быть. Когда они наконец покинули Гонт, Тенар сказала себе, что должна теперь непременно решить, как же ей быть дальше. Никакой видимой причины долее оставаться в доме Огиона не было, зато покинуть Ре Альби она стремилась по крайней мере по двум весьма серьезным причинам: из-за Аспена и из-за Ловкача. И несколько не сомневалась, что они не оставят их с Терру в покое.

И все-таки она никак не могла окончательно решиться: ей трудно было даже думать о расставании с Огионом. Она была уверена, что, покинув Ре Альби, потеряет его навсегда, а пока она поддерживает порядок в его доме и пропалывает его грядки с луком, связь между ними, пусть не очень сильная, все-таки остается. И еще она подумала: «Там, в долине, мне никогда уже больше не приснится небо». Здесь, где побывал Калессин, она действительно была Тенар, – во всяком случае, так ей казалось. А в Серединной Долине она вновь станет всего лишь Гохой. И она тянула, откладывала уход, говоря себе: «Ну неужели стоит бояться этих негодяев? Неужели я так вот просто возьму и сбегу от них? Ведь им этого и нужно: командовать мною». Она ни на шаг не отпускала от себя Терру. И день шел за днем.

Порой заходила тетушка Мох, чтобы рассказать какую-нибудь историю. Тенар уже спрашивала ее о волшебнике Аспене – разумеется, только лишь намекнув на его угрозы. Она и вообще-то уже стала думать, что Аспен хотел только припугнуть ее. Тетушка Мох обычно избегала говорить о том, что касалось лорда Ре Альби, однако происходящее в его поместье ее живо интересовало, и она охотно болтала с тамошними своими знакомыми, с той старухой, например, у которой сама училась принимать роды, и с другими, кого считала приличными знахарями. Их-то она и заставляла выкладывать все, что происходило в господском доме. Все они Аспена ненавидели, а потому говорили о нем всегда с большой охотой, однако в их рас-

сказах больше половины было продиктовано злословием и страхом. И все-таки среди любых вымыслов всегда можно обнаружить зерно правды. Тетушка Мох и сама утверждала, что, пока здесь три года назад не появился Аспен, юный лорд, внук старого, пребывал в добром здравии, хотя и тогда отличался застенчивостью и мрачным нравом. «Вроде как напуганный», – говорила старая ведьма. Потом умерла мать мальчика, и старый лорд послал на остров Рок за волшебником... «А для чего? – спрашивала тетушка Мох. – Ведь сам Огион жил от поместья в получасе ходьбы. Да и все эти лорды там, в Ре Альби, колдуны и чародеи».

Но тем не менее Аспен прибыл. Он только раз пришел к Огиону, чтобы засвидетельствовать свое почтение, и больше не появлялся. По словам тетушки Мох, он всегда предпочитал оставаться наверху, в поместье. И с тех пор внука старого лорда стали видеть все реже и реже; поползли слухи, что мальчик теперь день и ночь проводит в постели, «точно младенец больной, и весь будто усох совсем». Зато старый лорд, которому, по словам тетушки Мох, было «по крайней мере лет сто или около того», просто процветал и «был полон жизненных соков». Один из слуг – ибо прислуживать в поместье нанимали только мужчин – рассказывал своей приятельнице, дружившей и с тетушкой Мох, что старый лорд нанял волшебника Аспена для того, чтобы самому жить вечно, и что волшебник этот делает, как ему велено, а потому вроде бы как скармливает старику жизненные силы внука. И мужчина тот ничего дурного в этом не находил, говоря: «А кому ж не хочется вечно-то жить?»

– Так, – сказала возмущенная Тенар, в очередной раз выслушав тетушку Мох, – гнусная история! А разве об этом в деревне ничего не говорят?

Тетушка Мох пожала плечами. Словно, как всегда, хотела сказать: «Пусть их». Деяния власть имущих не подлежали обсуждению среди бесправных. А кроме того, мешала какая-то неясная, слепая верность Ре Альби: старик ведь всегда был их господином, и никого не касалось, чем он там занимается... Тетушка Мох, видимо, разделяла эту точку зрения. «Рискованно это, – говорила она, – ошибиться легко». Но ни разу не назвала происходящее в поместье отвратительным.

Никаких следов мужчины по имени Ловкач Тенар так и не обнаружила. Страстно желая убедиться в том, что он покинул Большой Утес, Тенар расспросила о нем своих немногочисленных приятелей из деревни, однако отвечали ей весьма неохотно и как-то двусмысленно. Им не было дела до ее тревог. «Пусть ее...» Один лишь старый Фан обращался с ней по-дружески. Однако, возможно, лишь потому, что своими почти слепыми глазами не мог как следует рассмотреть Терру.

Она теперь всегда брала девочку с собой, отправляясь в деревню или куда бы то ни было из дому.

Терру нисколько не тяготила эта нерасторжимая связь. Напротив, она жалась к Тенар, как и большинство маленьких детей к матерям, помогала ей по хозяйству, играла рядом. Основным ее развлечением стали плетение бесконечных путанок и игра с двумя костяными фигурками, которые Тенар нашла в маленькой соломенной сумке, лежавшей на полке в уголке. Одна из фигурок напоминала не то собаку, не то овцу, а вторая – определенно человека, но не поймешь, женщину или мужчину. Тенар не усматривала в этих безделушках ничего таинственного или опасного, да и тетушка Мох тоже сказала: «Это просто игрушки». Терру же фигурки казались по-настоящему волшебными. Она порой часами играла с ними, выдумывая всякие истории и не произнося вслух ни слова. Иногда она строила для человечка и его зверька дома – пирамидки из камешков, хижину из глины и соломы. Фигурки всегда были у нее под рукой, в кармане. Потихоньку Терру училась прясть, но не могла пока держать шерсть в своей изуродованной огнем руке, а другой одновременно крутить веретено. С самого первого дня они с Тенар регулярно вычесывали Огионовых коз, и теперь набралось уже порядочно шелковистой шерсти, которую надо было спрясть.

«Но мне же нужно учить ее по-настоящему! – огорчалась Тенар. – „Научи ее всему“, – сказал Огион. А я ее чему учу? Готовить и прясть? – И сама же себе возражала, но уже как бы голосом Гохи: – А разве умение прясть не настоящее мастерство, всем нужное и всеми уважаемое? Разве мудрость заключена только в словах?»

И все-таки вопрос этот очень ее беспокоил, и однажды днем, когда Терру выбирала из козьей шерсти всякий мусор, сидя рядом с Тенар в тени персикового дерева, она сказала:

– Терру, может быть, тебе уже пора начать учить подлинные имена вещей? Есть такой язык, на котором все вещи называются своими настоящими именами, а поступок и слово воспринимаются как единое целое. Слова этой речи произнес впервые Сегой, когда поднимал остров Земноморья из глубин морских. На этом языке говорят драконы.

Девочка слушала молча.

Тенар отложила чесальные гребни и подобрала с земли камешек.

– На этом языке, – сказала она, – камешек называется *ток*.

Терру смотрела внимательно; потом повторила: *ток*, но совершенно беззвучно, одними губами, изуродованными ожогом справа.

Камешек как ни в чем не бывало лежал на ладони Тенар – самый обыкновенный камешек.

Обе они молчали.

– Рановато еще, – сказала Тенар. – Не этому должна я тебя учить сейчас. – Она бросила камешек на землю и снова взялась за свои гребни; к этому времени Терру приготовила уже целую гору серой, словно туча, шерсти. – Может быть, когда ты пройдешь обряд имяположения и обретешь подлинное имя? – снова заговорила Тенар. – Может быть, тогда будет можно? Но не сейчас. А знаешь что? Давай-ка займемся разными древними историями, пора тебе их послушать. Я могу много рассказать тебе о жизни Архипелага и Каргадских островов. Раньше я рассказывала только то, что сама узнала когда-то от Айхала Молчаливого, а теперь хочу, чтобы ты послушала одну историю, которую моя подруга Ларк рассказывала нашим с ней детям. Это история об Андауре и Аваде.

Так давно, как вечность, и так далеко отсюда, как Селидор, жил да был дровосек по имени Андаур, который часто в одиночку уходил далеко в горы. Однажды, забравшись глубоко в лес, он срубил там огромный дуб. И, падая, дуб крикнул Андауру человеческим голосом...

Обе они весьма приятно провели тот день.

Однако ночью, лежа рядом со спящей девочкой, Тенар уснуть не могла. Беспокойство мучило ее, одна глупая мысль сменяла другую – и все какие-то мелочи: заперла ли она калитку загона, отчего болит рука – от бесконечного чесанья шерсти или это артрит начинается, и так далее и тому подобное. Потом вдруг ей стало совсем не по себе: ей показалось, что рядом с домом кто-то ходит. «Что же это я до сих пор собаку не завела, – подумала она. – Глупо жить без собаки, когда в доме только женщина да ребенок! В такое время непременно следует завести собаку! Но ведь это же дом Огиона: ни один злоумышленник сюда никогда не проникнет. Да ведь Огион-то умер, умер и похоронен под корнями дерева на опушке леса. И никто ей на помощь не придет – Ястреб далеко, беглец. Он теперь уже и не Ястреб, так – тень Ястреба, никчемный, пустой, мертвый человек, которого силой заставляют жить. А у меня волшебной силы нет, тут от меня проку никакого. Я говорю слово Созидания, и оно у меня еще во рту умирает, теряет смысл. Камешек. А я – женщина, старая, слабая, глупая... Все, что я делаю, я делаю неправильно. Все, к чему я прикасаюсь, превращается в прах, в тени, в камень. Я создание тьмы, я переполнена Тьмой. И очистить меня может только огонь. Только огонь может меня поглотить, поглотить полностью, как...»

Она села и вскрикнула по-каргадски: «Да отвратится твое заклятие, да оборотится оно против тебя самого!» – и, выпростав из-под одеяла правую руку, указала ею куда-то вниз и прямо – на закрытую дверь. Потом осторожно выскользнула из кровати, подошла к двери, распахнула ее рывком и громко сказала прямо в пасмурную ночь:

– Ты пришел слишком поздно, Аспен! Я давно уже поглощена. Иди и очисти свой собственный дом от скверны!

Ответа не последовало, и вообще не слышно было ни звука, только в воздухе висел слабый, кисловатый, неприятный запах чего-то горелого – то ли подожженного платья, то ли волос.

Она захлопнула дверь и подперла ее посохом Огиона, а потом проверила, спит ли по-прежнему Терру. Сама же она в ту ночь так и не уснула.

Утром они с Терру пошли в деревню, чтобы узнать у старого Фана, не нужна ли ему только что спряденная ими шерсть. Это был подходящий повод, чтобы уйти подальше от дома и некоторое время побыть среди людей. Старик сказал, что с радостью возьмет их пряжу, и они еще некоторое время поговорили с ним, сидя под огромным разрисованным веером, а хмурая помощница Фана все это время безостановочно стучала и клацала ткацким станком. Когда Тенар и Терру выходили на улицу, Тенар успела заметить, как кто-то спрятался за угол того домика, где она раньше жила. То ли оводы, то ли пчелы начали вдруг жалить Тенар в шею и в голову, а с небес вдруг полил грозовой дождь, хотя на небе не было ни облачка – да не просто дождик, камни посыпались! Она видела, как они отскакивают от земли. Терру остановилась, потрясенная и ошеломленная, озираясь вокруг. Из-за домика выбежали двое мальчишек, и непонятно было, то ли они хотели спрятаться, то ли, наоборот, выставляли себя напоказ, вопя и смеясь.

– Пойдем, – спокойно сказала Тенар, и они пошли к дому Огиона.

Тенар трясло, и озноб еще усилился по дороге. Она старалась скрыть это от Терру, которая казалась очень встревоженной, но не испуганной, хотя явно не понимала, что же произошло.

Едва они вошли в дом, как Тенар поняла, что здесь кто-то побывал, пока они ходили в деревню. Пахло горелым мясом и жженым волосом. Покрывало на их кровати было все скомкано.

Еще только решая, как быть дальше, она поняла, что на ней лежит заклятие. Теперь зло поджидало ее дома. Она никак не могла унять дрожь, в голове все путалось, мысли стали неповоротливыми, медлительными, она ни на что не могла решиться. Она и думать-то толком не могла. Тогда она произнесла одно лишь слово, подлинное имя камешка, и вот сегодня в лицо ей полетели камни – в ее лицо, в лицо зла, в лицо ужаса... Она тогда осмелилась заговорить... А теперь она не могла говорить совсем...

Она подумала по-каргадски: *Я не могу думать на ардическом языке. Я не должна этого делать.*

По-каргадски думать она могла. Хотя и не быстро, а так, словно сперва должна была просить девушку Ару, которой была когда-то давно, чтобы та вышла из тьмы и подумала за нее. Чтобы помогла ей, Тенар, как помогла вчера ночью, отвратив заклятие колдуна и оборотив его зло против него самого. Ара не знала многого из того, что знали Тенар и Гоха, однако проклинать она умела; и жить во тьме – тоже; и еще – умела молчать.

Молчать Тенар было особенно тяжело. Ей хотелось выплакаться. Ей хотелось поговорить с кем-нибудь – пойти к тетушке Мох и рассказать той, что произошло, почему она должна уходить отсюда, да, наконец, просто чтобы попрощаться. Она попыталась сказать пастушке Вереск: «Козы теперь твои», – и ей даже удалось произнести это на ардическом, так что Вереск вроде бы должна была понять, однако она не поняла. Она уставилась на Тенар, засмеялась и ответила: «Ой, так ведь это же козы лорда Огиона!»

Тенар тщетно попыталась пояснить свою мысль, но тут смертельная слабость охватила ее, и она услышала, как выкрикивает пронзительным голосом: «Тупица, полудурок, скотина, глупая баба!»

Вереск уставилась на нее и перестала смеяться. Тенар прикрыла рот ладошкой, взяла ее за руку и повела смотреть, как зреют сыры в молочной; она стала поочередно показывать то на них, то на Вереск, пока та не кивнула слабо и снова не засмеялась – уже от радости.

Тенар кивком подозвала Терру, а сама пошла в дом, где отвратительный запах был сильнее, и Терру уже начала от него кашлять.

Тенар выбросила на улицу их дорожные сумки и башмаки. Потом в свою суму уложила сменное платье, два стареньких платяца Терру и наполовину сшитое новое ее платье, а также смену белья и остаток материи; положила еще веретена, немного еды и глиняную фляжку с водой на дорогу. В сумку Терру были уложены лучшие ее корзиночки из травы, костяной человечек и костяной зверек, несколько ярких перышек, маленькая плетеная циновочка-головоломка, которую подарила Терру тетушка Мох, и мешочек с орехами и изюмом.

Тенар хотелось сказать: «Пойди и полей персиковое деревце», – но она не осмеливалась, а просто вывела девочку на улицу и показала, что нужно сделать. Терру старательно полила крохотный росток.

Они подмели и все прибрали в доме, работая быстро, в полном молчании.

Тенар поставила кувшин обратно на полку и увидела на другом ее конце три Великие Книги, принадлежавшие Огиону.

Ара тоже увидела их, но для нее они ничего не значили – какие-то большие кожаные коробки, полные бумаги.

Но Тенар уставилась на них, прикусив костяшку пальца, напряженная, пытаясь решить, что же ей делать и как донести такую тяжесть. Она не могла одна справиться с этим, но была *должна*. Книгам было не место в доме, утратившем свою священную неприкосновенность, куда теперь проникла ненависть. Они принадлежали Огиону. Геду. Ей. То было Знание. *Научи ее всему!* Она вытащила всю шерсть и готовую пряжу из мешка, который собиралась прихватить с собой, и положила Книги туда, потом стянула мешок кожаным ремешком, закрепив петлю так, чтобы удобно было тащить мешок по земле. И наконец сказала:

– Теперь мы должны уходить, Терру.

Она сказала это по-каргадски, но ведь и имя девочки тоже было каргадским: этим словом карги обозначают пламя, горение; и девочка последовала за Тенар, не задавая никаких вопросов, с дорожной сумой за плечами, куда было сложено все ее небогатое имущество.

Они взяли в руки свои дорожные посохи – ореховую ветку и ветку ольхи. Посох Огиона они оставили за дверью, в темном углу, а дверь в дом широко распахнули, предоставив гулять там морскому ветру.

Каким-то звериным чутьем Тенар чувствовала, что нужно держаться подальше от полей и от верхней дороги, по которой они пришли сюда. Они срезали путь, спустившись по крутым ступеням уходящих вниз пастбищ. Потом, крепко держась за руки, вышли на проезжую дорогу, что, петляя, вела в порт Гонт. Тенар понимала, что, если им сейчас встретится Аспен, она пропала; а еще она подумала, что волшебник, возможно, поджидает ее на дороге. Хотя, может быть, и не на этой.

Примерно через полчаса ходьбы она вновь обрела способность нормально рассуждать. Во-первых, до нее дошло, что дорогу она выбрала правильно: слова ардического языка постепенно возвращались к ней, а потом – и слова Истинной Речи, так что она даже остановилась на минутку, подобрала с земли камешек и подержала его в руке, повторяя про себя: *ток*. Потом опустила камешек в карман. Посмотрела в небесную высь, на быстро летящие тучи, один раз прошептала: *Калессин*, – и душа ее тут же очистилась, мысли стали ясными и такими же прозрачными, как воздух вокруг.

Они миновали длинную вырубку, по краям затененную высокими травами и выступами скал; здесь Тенар чувствовала себя несколько неуверенно. Когда они добрались до поворота

дороги, перед ними внизу открылся простор темно-голубого залива. Между Сторожевыми Утесами в гавань Гонта как раз входил красивый корабль с поднятыми парусами. В прошлый раз именно такой корабль испугал и встревожил Тенар, однако теперь она страха не ощутила. Ей, напротив, даже захотелось побегать по дороге навстречу этому кораблю.

Но побегать она не могла: Терру была уже на пределе. Она ходила теперь гораздо быстрее, чем два месяца назад, да и спускаться вниз было, конечно, значительно легче, чем ползти по крутой дороге в Ре Альби. Но корабль как бы сам устремился им навстречу. В его парусах был, видно, волшебный ветер; словно низко летящий лебедь, пересек он залив и причалил в порту прежде, чем Тенар и Терру преодолели половину длинного своего пути.

Все города, большие и маленькие, всегда казались Тенар немного странными. Она никогда раньше не жила в городах. Когда-то она недолго гостила, правда, в самом большом городе Земноморья, Хавноре, а потом вместе с Гедом приплыла в порт Гонт, но улиц его почти не видела: они тогда сразу пошли по дороге вверх к Большому Утесу. Единственным городом, который она хоть как-то знала, был Вальмут, там жила ее дочь. Вальмут был сонным, залитым солнцем морским городком, раскинувшимся на берегу уютной бухточки, и в его порту даже прибытие корабля с Андрадских островов казалось значительным событием; основной темой для разговоров здесь служила вяленая рыба.

Они с девочкой спустились по улице порта Гонт, когда солнце над западным краем моря стояло еще достаточно высоко. Терру за все это время ни разу не пожаловалась, хотя была на ногах уже больше восьми часов; она, конечно же, сильно устала, но измученной не выглядела. Тенар тоже очень устала, к тому же она совсем не спала прошлой ночью, да и беспокойство буквально снесло ее. А Книги Огиона оказались весьма тяжелой ношей. Где-то на середине пути она переложила их в заплечный мешок, а еду и одежду – в тот мешок из-под шерстяной пряжи, который несла в руке; так оказалось значительно удобнее, но все равно очень тяжело. Теперь они еле брели вдоль окраины к городским воротам, где дорога, проходя между двумя каменными изваяниями драконов, превращалась в городскую улицу. У ворот на них уставился стражник. Терру тут же опустила голову, прижав изуродованную огнем щеку к плечу, а сожженную скрюченную ручонку спрятала под фартук.

– Вы к кому идете, госпожа? – спросил стражник, всматриваясь в девочку.

Тенар не знала, что сказать. Она не знала, что у городских ворот всегда стоит стража. Ей нечем было заплатить ни подорожную пошлину, ни за постой в харчевне. Она в этом городе не знала ни души – кроме разве что того волшебника, что приходил хоронить Огиона. Как же его звали? Нет, она и этого не помнила. И стояла у ворот, открыв рот, словно придурковатая Вереск.

– Ладно, проходите уж, – раздраженно бросил стражник и отвернулся.

Ей хотелось спросить, как попасть на южную дорогу, что идет вдоль побережья через холмы в Вальмут. Но она не решилась снова привлекать к себе внимание стражника, чтобы тот не прогнал ее, как обычную бродяжку, ведьму или кого-то еще, кому он вместе с каменными драконами обязан был преградить путь в этот город. Они быстро прошли мимо драконов и устремились дальше – Терру даже немножко приподняла голову, чтобы на ходу взглянуть на великолепные резные изваяния, и поплелась следом за Тенар, спотыкаясь о каждый камень, все больше и больше удивляясь, смущаясь и постепенно сникая. Тенар казалось, что в этом огромном городе можно найти все, что угодно, все на свете. Высокие каменные дома, различные повозки, ломовые телеги, тележки, рогатый скот, ослики, рынки, магазины, толпы людей, люди, люди, люди – чем дальше они шли, тем больше им встречалось людей. Терру жалась к руке Тенар, льнула к ней, пряча лицо под свисавшими волосами. Тенар и сама старалась держаться поближе к Терру. Она понимала, что здесь им не место, так что они сразу пошли на юг, рассчитывая двигаться до наступления темноты – а теперь темнело рано – и потом заночевать где-нибудь в лесу. Тенар высмотрела какую-то толстуху в немыслимо пышном белом фартуке,

закрывавшую ставни своего магазинчика, и решила спросить у нее, как выйти из города на южную дорогу. Суровое красное лицо женщины казалось довольно располагающим, однако, пока Тенар набиралась храбрости, Терру вдруг буквально впилась ногтями в ее руку и попыталась спрятаться у нее за спиной. Подняв глаза, Тенар увидела, что по улице прямо к ним идет тот самый человек в кожаной шапке. Он тоже сразу увидел ее. И остановился.

Тенар покрепче ухватила Терру за руку и поволокла, потащила ее за собой.

– Скорей! – велела она и решительно двинулась прямо на того человека. Миновав его, она еще быстрее устремилась вниз, навстречу сиянию заката и темнеющей воде, навстречу причалам и сходням, видневшимся в конце круто спускавшейся улицы. Терру бежала следом, задыхаясь так, как задыхалась тогда, когда ее, обожженную, вытащили из костра.

Высокие мачты толпились на фоне красно-желтого закатного неба. Тот прекрасный корабль со свернутыми парусами стоял у каменного причала, скрытый гребной галерой.

Тенар оглянулась. Мужчина в кожаной шапке шел за ними, он был совсем близко. Он не спешил.

Она выбежала на причал, но через несколько шагов Терру споткнулась и не смогла идти дальше: у нее не хватало дыхания. Тенар подхватила малышку на руки, и та прильнула к ней, спрятав лицо у нее на плече. Но с такой ношей и сама Тенар едва переставляла ноги. Они у нее дрожали и подгибались. Шаг, другой, третий – и Тенар подошла к узким деревянным сходням, которые были перекинута с корабля на причал. Она положила руку на перила.

Какой-то моряк, простой жилистый парень, глянул на нее с палубы.

– В чем дело, госпожа? – спросил он.

– Это... это корабль из Хавнора?

– Из столицы, да, точно.

– Пустите меня на борт!

– Ну я-то этого разрешить не могу... – сказал парень, ухмыляясь, однако ободряюще подмигнул ей и стал смотреть на человека в кожаной шапке, остановившегося рядом с Тенар.

– Да не беги ты от меня! – сказал ей Ловкач. – Я ведь тебе зла не причиню. Никому я вредить не собираюсь. Ты же ничего не понимаешь. Я ведь и тогда пришел за помощью для нее, разве не так? Мне по-настоящему жалко было, что оно так вышло. Я вам помочь хочу... – Он протянул руку, словно его неудержимо тянуло к Терру, хотелось коснуться девочки. А Тенар не могла даже пошевелиться. Она ведь обещала Терру, что этот человек больше никогда не дотронется до нее! И беспомощно смотрела, как его пальцы скользнули по вздрогнувшей обнаженной ручке ребенка.

– Эй, чего тебе от нее надо? – слышался другой голос. На месте того жилистого парня появился другой, совсем молодой, Тенар даже подумала сперва, что это ее сын.

Ловкач поспешил ответить:

– Так она... ребенка моего унесла. Племянницу. Девчонка-то моя. А она ее, понимаешь, околдовала да и убежала с ней...

Тенар по-прежнему не могла вымолвить ни слова. Все слова покинули ее, их словно у нее отобрали. Тот молодой моряк не был ее сыном. У него было тонкое и суровое лицо, ясные глаза. Глядя на него, она нашла наконец слова:

– Позвольте мне подняться на борт, пожалуйста!

Молодой человек протянул Тенар руку. Она ухватилась за нее и, пошатываясь, прошла по сходням на палубу корабля.

– А ты подожди там, – сказал юноша Ловкачу и снова обернулся к Тенар: – Пойдемте со мной, госпожа.

Но ноги уже не держали ее. Грудой тряпья Тенар рухнула на палубу столичного корабля, уронив свой тяжелый мешок, но крепко прижимая к себе девочку.



– Не позволяйте ему забирать ее, ах, господин мой, умоляю, только не отдавайте ему ее снова, нет, нет, нет!..

## 10

### Дельфин

Она ни за что не соглашалась отпустить девочку от себя. Все они на корабле были мужчинами! Лишь очень не скоро она обрела способность воспринимать то, что они говорят, что происходит вокруг. Когда она поняла, кто такой тот молодой человек, которого она сперва приняла за своего сына, то ей показалось, что она все время знала это, только не имела возможности подумать как следует. Она была не в состоянии ни о чем подумать как следует.

Юноша вернулся с причала на палубу корабля и теперь разговаривал у сходней с седовласым моряком – похоже, шкипером. Потом он через плечо посмотрел на Тенар, которая съежилась между перилами и рубкой, крепко прижимая к себе Терру. Чрезмерная усталость, тяжкие испытания этого дня одержали верх над всеми страхами: Терру глубоко спала. Тенар подложила девочке под голову ее маленький мешок и укрыла своим плащом. Потом медленно распрямила ноги и встала, молодой человек тут же бросился к ней. Она поправила юбки и пригладила откинутые на спину волосы.

– Я Тенар с Атуана, – сказала она. Он не шелохнулся. Она прибавила: – Мне кажется, ты наш король.

Он был очень молод. Моложе ее сына Искорки. Ему вряд ли исполнилось двадцать. Но что-то такое в его облике давало понять: он вовсе не так уж молод, – а глаза смотрели так, словно видели все, даже адский огонь.

– Имя мое Лебаннен с Энлада, госпожа, – сказал он и уже собирался поклониться или даже преклонить перед ней колена, но она поймала его за руку, так что теперь они стояли лицом к лицу.

– Ты не должен этого делать предо мной, – сказала она, – как и я перед тобой!

Он удивленно рассмеялся и задержал ее руки в своих, с откровенным любопытством ее рассматривая.

– Откуда ты знаешь, что я искал тебя? Ты, значит, шла ко мне, когда тот человек...

– Нет-нет. Я убегала... от него... от... от бандитов... я пыталась попасть домой, вот и все.

– На Атуан?

– Ах нет! На свою ферму. В Срединную Долину. Это здесь, на Гонте. – Она тоже засмеялась сквозь слезы. Слезы безудержно лились у нее из глаз, сейчас их можно было наконец выплакать. Она выпустила руки короля, чтобы утереть свои слезы.

– Где это – Срединная Долина? – спросил он.

– На юго-востоке острова, за холмами. Там есть еще город Вальмут.

– Мы тебя туда отвезем, – сказал он, радуясь тому, что может ей это предложить и чем-то помочь.

Она улыбнулась и кивнула.

Король обернулся к шкиперу:

– Стакан вина, немного еды, отдых, а еще постель помягче для девочки.

Шкипер внимательно слушал, отдавая соответствующие приказания. Жилистый матрос, которого она помнила, казалось бы, с незапамятных времен, вышел вперед, собираясь взять Терру на руки, но Тенар преградила ему путь. Она никому не могла позволить коснуться девочки.

– Я сама понесу ее, – сказала она звенящим, как натянутая струна, голосом.

– Там трап, госпожа. Давайте лучше я, – предложил матрос, и она поняла, что он добрый человек, но все-таки не могла позволить ему коснуться Терру.

– Можно мне? – спросил молодой король и, взглянув на Тенар, опустился на колени, взял спящую девочку на руки, понес к люку и стал очень осторожно спускаться по трапу. Тенар шла следом.

Он положил Терру на койку в тесной каюте. Неуклюжий, ласковый. Заботливо подоткнул плащ. Все это Тенар ему позволила.

На корме, в большой каюте с широким окном, обращенным в сторону окутанного сумерками залива, король попросил Тенар присесть за дубовый стол. Сам взял из рук юнги поднос, сам налил красного вина в тяжелые хрустальные кубки, сам предложил ей фрукты и печенье.

Она пригубила вино.

– Очень хорошее вино – правда, не Года Дракона, – сказала она.

Он ошарашенно посмотрел на нее, растерявшись, как мальчишка.

– Это вино с Энлада, не с Андрадских островов, – кротко пояснил он.

– Отличное вино, – заверила она его, отпив еще глоток. Потом взяла печенье. Печенье было сухое, рассыпчатое, очень сдобное и не слишком сладкое. Зато зеленый и янтарно-желтый виноград казался почти приторным и чуточку терпким. Живой вкус еды и вина был для нее точно швартовы для корабля: он вновь привязывал ее к этому миру, к ее собственному разуму. – Я была очень напугана, – сказала она, как бы оправдываясь. – Теперь, наверное, скоро оправлюсь. Вчера... нет, сегодня, сегодня утром... случилось... на меня было наложено заклятие... – Оказалось непереносимо трудно, почти невозможно произнести это слово. Тенар стала заикаться: – П-п-проклятие... я была п-п-проклята... у меня отняли речь и разум. И тогда мы сбежали, но попали прямо в руки тому человеку, который... – Она в отчаянии подняла глаза на молодого короля, который внимательно слушал ее. Его мрачный спокойный взгляд помог ей выговорить то, что выговорить было необходимо: – Он был одним из тех, что изувечили девочку. Он и ее родители. Они изнасиловали ее, избili до полусмерти и сунули в костер; такое тоже порой случается, господин мой. Такое порой случается даже с детьми. И этот человек продолжает преследовать девочку, пытается во что бы то ни стало до нее добраться. И...

Она заставила себя передохнуть, отпила немного вина, стараясь неторопливо насладиться его вкусом и ароматом.

– И это от него я бежала к тебе. В рай. – Она огляделась, осмотрела низкие резные балки под потолком, полированный стол, серебряный поднос, тонкое спокойное молодое лицо короля. У него были темные и мягкие волосы, чистая кожа цвета красновато-золотистой бронзы; одет он был хорошо и просто, никакой цепи или кольца, ни единого символа королевской власти. Но по его виду сразу можно было сказать, что это король.

– Мне очень жаль, что я его отпустил, – сказал Лебаннен. – Но его еще вполне можно найти. А кто проклинал тебя?

– Один волшебник. – Ей не хотелось называть его имя. Не хотелось вспоминать все это. А хотелось, чтобы все поскорее осталось далеко-далеко позади. Никакой мести, никакой погони. Пусть разбираются со своей ненавистью сами, пусть остаются там, позади, пусть забудутся.

Лебаннен не настаивал, однако спросил:

– А будешь ли ты в безопасности на своей ферме?

– Надеюсь. Если бы я тогда не так устала, не растерялась бы так... если б голова у меня работала как следует – а то ведь я даже думать не могла, – я бы и Ловкача не испугалась. Да и что бы он, собственно, мог мне сделать? Когда кругом полно народу – на улицах и везде? Мне не следовало убегать от него. Но тогда я чувствовала только *ее страх* и ничего больше. Она еще так мала! Пока что она умеет только бояться его. Ей нужно еще научиться его не бояться. Я должна научить ее этому... – Она размышляла вслух. Думала она по-каргадски. Неужели она и говорила по-каргадски? Он вполне может подумать, что она сошла с ума, старая, безумная, что-то бормочущая. Она остро глянула на него. Его темные глаза смотрели не на нее, а на

язычок пламени за стеклом лампы, что висела низко над столом. Маленькое, спокойное, чистое пламя. Его лицо было слишком печальным для столь юного существа.

– Ты приплыл сюда, чтобы найти его, – сказала она. – Верховного Мага. Ястреба.

– Геда, – поправил он, глядя на нее с едва заметной улыбкой. – Ты, и он, и я – все мы зовемся подлинными именами.

– Ты и я – да. Но он – только с тобой и со мной.

Король кивнул.

– Он сейчас в опасности. Ему грозят всякие завистливые люди... злоумышленники... а у него сейчас нет... нет никакой защиты. Ты об этом знаешь?

Она не могла заставить себя выражаться яснее. Лебаннен сказал:

– Он говорил мне, что его могущество, его волшебная сила исчерпаны во время того подвига, что спас и меня, и всех нас. Но в это так трудно поверить! Мне не хотелось верить ему.

– Мне тоже. Но это так и есть. И поэтому он... – Снова Тенар колебалась. – Он хочет побыть один, пока раны его не зарубцуются, – осторожно договорила она.

– Он и я, мы вместе были в темной стране, в иссушенной пустыне, – сказал Лебаннен. – Вместе мы умирали. Вместе прошли через те горы. Сюда можно вернуться, если пройти через те горы. Там есть еще один путь. И он это знал. Но имя тех гор – Горе. Камни... Острые камни тех гор наносят такие глубокие порезы – очень долго не заживает...

Он посмотрел на свои руки. Она вспомнила руки Геда, израненные и обожженные, судорожно стиснутые, все в запекшейся крови. Он все старался зажать свои раны...

Ее собственная рука сжала в кармане тот камешек – то самое слово, что она подобрала на крутой горной дороге.

– Почему он прячется от меня? – вскричал юноша в тоске. И тихо прибавил: – Я так хотел, так надеялся увидеть его. Но если он сам того не желает, то, разумеется, и говорить не о чем. – В этих словах она услышала ту же холодноватую вежливость, то же достоинство, что и в речах посланцев Хавнора; она высоко ценила подобную воспитанность; она хорошо знала, чего это стоит. Но юноша был дорог ей именно потому, что у него вырвались эти слова тоски.

– Он, конечно же, придет к тебе. Только дай ему время. Он получил такой тяжкий удар – у него отнято все... все... Но когда он говорил о тебе, когда произносил твое имя – ах, в такие минуты я снова видела Геда таким, каким он был когда-то!.. Каким он будет снова... Гордым!

– Гордым? – повторил Лебаннен удивленно.

– Да. Конечно гордым. Кому и гордиться, как не ему?

– Я всегда считал его... Он был так бесконечно терпелив... – Лебаннен помолчал и засмеялся собственным противоречивым словам.

– Ну а теперь терпения-то ему как раз и не хватает, – сказала Тенар, – и он беспредельно жесток по отношению к себе. Мы ничего не можем для него сейчас сделать, разве что не мешать ему следовать тем путем, который он сам для себя избрал – «чтобы на другом конце привязи обнаружить себя самого». Так здесь говорят, на Гонте... – И вдруг сама она почувствовала, будто ходит вокруг колышка на привязи, и такая предельная усталость навалилась на нее, что показалась ей болезнью. – По-моему, мне пора отдохнуть, – сказала она.

Он тут же поднялся.

– Госпожа Тенар, ты сказала, что бежала от одного врага и встретила другого; зато я явился сюда в поисках одного друга, а нашел двоих!

Она улыбнулась его сметливости и доброте. «Что за чудесный мальчик!» – подумала она.

Корабль, казалось, весь находился в движении: слышались стон и скрежет корабельной обшивки, грохот бегущих ног над головой, стук разматываемой парусины, крики матросов. Терру разбудить было нелегко, и, проснувшись, она ничего не могла понять; возможно, у нее даже был жар, хотя она всегда была такой горячей, что Тенар даже не пыталась определять,

не больна ли девочка. Терзаясь угрызениями совести из-за того, что заставила малышку прошагать больше восьми часов да еще пережить весь тот ужас вчерашнего дня, Тенар попыталась развеселить ее, рассказывая, что они плывут на корабле и эта маленькая комнатка, где они спали, принадлежит самому королю, а корабль везет их домой, на ферму, и тетушка Ларк ждет их там, а может быть, ждет и Ястреб. Но ничто не интересовало Терру. Она оставалась совершенно равнодушной, вялой, все время молчала.

На ее маленькой худенькой ручке Тенар заметила красные следы четырех пальцев – словно клеймо, словно ее коснулись раскаленные наручники. Но ведь Ловкач даже не сжимал ей руку, он только чуть дотронулся до нее? Она, Тенар, когда-то сама пообещала ей, что этот человек никогда больше ее не коснется. И обещания не сдержала. Ничего ее слово не стоит! Да и какое слово может справиться с тупой мощью насилия?

Она наклонилась и поцеловала отметины на ручонке Терру.

– Жаль, что я не успела дошить твоё красное платье, – сказала она. – Королю, наверно, очень приятно было бы увидеть тебя в нем. Хотя, по-моему, на кораблях люди не носят нарядное платье, даже короли.

Терру села на койке, низко склонив голову и ничего не отвечая. Тенар расчесала ее волосы. Они наконец-то стали расти как следует; густые, шелковистые пряди темной волной закрывали обожженную щеку и руку.

– Хочешь есть, птенчик? Ты ведь вчера даже и не поужинала. Может быть, король даст нам позавтракать? Вчера вечером он угощал меня печеньем и виноградом.

Ответа не последовало.

Когда Тенар сказала, что им пора выйти из каюты, девочка подчинилась. Наверху, на палубе, она стояла, прижав голову к плечу. Она не смотрела ни вверх, на белоснежные паруса, наполненные сильным утренним ветром, ни на искрящуюся воду, ни на гору Гонт, вздымавшуюся у них за спиной к самым небесам, ни на величие лесов. Она не подняла глаз и тогда, когда с ней заговорил Лебаннен.

– Терру, – ласково сказала Тенар, опускаясь возле нее на колени, – когда с тобой говорит король, следует отвечать.

Девочка молчала.

На лице Лебаннена, не сводившего с Терру глаз, ничего прочесть было нельзя. Возможно, то была просто маска воспитанного человека, скрывающего свое отвращение и потрясение. Однако его темные глаза были спокойны. Он легонько коснулся детской ручонки и сказал:

– Тебе, должно быть, очень странно было проснуться посреди моря?

Она согласилась поесть и съела немножко фруктов. Когда Тенар спросила, не хочет ли она вернуться в каюту, девочка кивнула. Тенар неохотно оставила ее там, забившуюся в угол, и вернулась на палубу.

Корабль проплывал между Сторожевыми Утесами, до самого неба вздымавшимися каменными стенами, которые, казалось, вот-вот коснутся парусов. Лучники в маленьких крепостях, прилепившихся, словно гнезда стрижей, высоко на утесах, смотрели вниз, на палубу корабля, и матросы радостно вопили: «Дорогу королю!» – а в ответ доносилось – куда громче крика ласточек и стрижей в небесах: «Да здравствует наш король!»

Лебаннен стоял на носу судна со шкипером и каким-то пожилым, аккуратно одетым в серый плащ мага, узкоглазым человеком с острова Рок. Гед тоже надел такой красивый серый плащ, когда они с ним привезли Кольцо Эррет-Акбе в Башню Меча; а старый его плащ, весь в пятнах, грязный и изношенный, служил ему некогда единственным одеялом – там, в Гробницах Атуана и в пустынных горах, когда они вместе шли к побережью. Тенар думала об этом, глядя, как у бортов корабля разлетаются хлопья пены и высокие утесы пропадают вдаль за кормой.

Когда корабль миновал последние рифы и начал сворачивать к востоку, к Тенар подошли трое. Лебаннен, один из них, сказал:

– Госпожа моя, это Мастер Ветродуй с острова Рок.

Великий Маг поклонился, с восхищением глядя на нее живыми острыми глазами, в которых светилось и любопытство. Это такой человек, решила она, которому нравится знать, куда дует ветер.

– Ну, значит, теперь мне уже не нужно мечтать, чтобы хорошая погода продержалась еще немного, я просто на это рассчитываю, – сказала она Ветродую.

– В такой день, как сегодня, я всего лишь обычный пассажир, – ответил ей маг. – Кроме того, с таким капитаном, как Мастер Серратен, не требуется никакой заклинатель погоды.

«Все мы очень вежливы, – думала она, – все мы – дамы и господа, изысканно кланяемся и говорим друг другу комплименты». Она быстро глянула на молодого короля. Тот смотрел на нее улыбаясь, по-прежнему сдержанный.

Она чувствовала себя примерно так же, как когда-то девочкой в Хавноре: маленькая варварка, неловкая среди всеобщей изысканной обходительности. Однако теперь уже бывшего священного трепета перед этим блеском Тенар не испытывала, лишь удивлялась тому, как эти мужчины подчинили свою жизнь какому-то вечному танцу масок и как легко и просто любая женщина может научиться исполнять этот танец.

Ей сказали, что понадобится один только сегодняшний день, чтобы доплыть до Вальмута при таком свежем ветре и ясной погоде. Уже после обеда они причалят в тамошней гавани.

Все еще чувствуя сильную усталость после пережитых вчера волнений, Тенар рада была присесть на ложе, которое уже знакомый ей матрос соорудил для нее из соломенного тюфяка и куска парусины; она смотрела на бегущие волны, на чаек, на меняющиеся очертания горы Гонт, синей и сонной в полуденном свете, на крутые обрывистые берега. Потом привела наверх и Терру, чтобы та побыла на солнышке; девочка пристроилась с ней рядом, то глядя по сторонам, то снова погружаясь в дремоту.

Какой-то матрос, очень темнокожий, беззубый, босой, с подошвами ног, твердыми, как подковы, и чудовищно искривленными, изуродованными пальцами, подошел к ним и положил что-то на тюфяк возле Терру.

– Для малышки, – хрипло сказал он и тут же снова отошел, однако потом все поглядывал украдкой, занимаясь своим делом, в сторону девочки, чтобы убедиться, что ей понравился его подарок.

Терру не пожелала даже коснуться маленького свертка. Развернуть его пришлось Тенар. Это было прелестное изображение дельфина, изящная, вырезанная из кости статуэтка длиной не больше пальца.

– Он может жить вместе с другими твоими костяными фигурками, – посоветовала Тенар.

При этих словах Терру будто ожила, достала свою плетенную из травы сумочку и положила дельфина туда. Но пойти поблагодарить скромного дарителя пришлось тоже Тенар. Терру не желала ни смотреть на него, ни говорить с ним. Через некоторое время она снова попросилась в каюту, и Тенар оставила ее там играть с костяным человечком, зверьком и дельфином – веселой компанией.

«Ах, до чего же легко, – с яростью думала она, – до чего легко этому Ловкачу было отнять у моей девочки солнечный свет, и этот корабль, и юного короля, и само ее детство; и как же трудно вернуть все это ей обратно! Целый год я старалась вернуть ей эту радость, а он лишь чуть прикоснулся к ней и снова все у нее отнял. Зачем? Неужели в этом предмет его гордости, его могущества? Неужели сила его оборачивается пустотой?»

Она подошла к королю и магу Ветродую, стоявшим у перил. Солнце уже сильно клонилось к западу, и корабль плыл по великолепию волн, сверкающих дивными красками. Тенар почему-то вспомнила вдруг тот свой сон, когда летала вместе с драконами в небесах.

– Госпожа Тенар, – сказал король, – я не оставляю никакого письма для нашего общего друга. Мне кажется, что этим я обременил бы тебя и посягнул бы на его свободу. Я не хочу

делать ни того ни другого. В этом месяце состоится моя коронация. Если бы это он держал корону над моей головой, правление мое началось бы так, как того желает моя душа. Но будет так или нет – а именно он возвел меня на трон. Именно он сделал меня королем. Я этого никогда не забуду.

– Знаю, что не забудешь, – ласково сказала она. Этот мальчик был так напряжен, так серьезен, словно закован в броню дворцового этикета, и тем не менее очень уязвим из-за своей честности, из-за чистоты своих побуждений. Она принимала его всем сердцем. Он думает, что познал великое горе, но он познает его снова и снова, и всю свою жизнь будет познавать его, и ничего из этого горького опыта никогда не забудет.

А потому и не станет, в отличие от Ловкача, искать простых путей.

– Я охотно передам твое послание, – сказала она. – Мне это вовсе не трудно. А вот захочет ли он выслушать – это уж от него зависит.

Мастер Ветроудй усмехнулся.

– Так всегда было, – сказал он. – Всегда все зависело только от него самого.

– Ты давно знаешь его?

– Дольше, чем ты, госпожа моя. Я его когда-то учил, – сказал маг. – Тому, чему мог... Он ведь явился в Школу на остров Рок, как ты знаешь, совсем мальчишкой и принес письмо от Огиона, в котором сообщалось, что в этом пастушке заключена великая сила. Но в первый же раз, когда я отправился с ним на лодке, чтобы научить его разговаривать с ветрами, он, знаешь ли, поднял водяной смерч. И тогда я понял, что всех нас ждет: мальчик либо утонет еще до того, как ему исполнится шестнадцать, либо станет Верховным Магом еще до того, как ему стукнет сорок... А может, мне просто кажется теперь, что тогда я так думал...

– Он по-прежнему Верховный Маг Земноморья? – спросила Тенар. Вопрос казался абсолютно бестактным, а ответное молчание напугало ее еще больше: значит, это не просто бестактность с ее стороны.

Наконец Ветроудй пояснил:

– В настоящее время на острове Рок нет Верховного Мага. – Голос его звучал чрезвычайно настороженно, и слова он выговаривал очень четко.

Она не осмелилась спросить, что он имел в виду.

– Я полагаю, – сказал король, – что Восстановивший Руну Мира может быть членом любого совета в Земноморье; а ты, господин мой, разве так не думаешь?

Последовала еще одна пауза – и после очевидной борьбы с собой маг выговорил:

– Разумеется.

Лебаннен немного подождал, но больше Ветроудй не прибавил ни слова.

Молодой король окинул взором сияющие закатным светом воды и заговорил напевно, словно рассказывая сказку:

– Когда мы с ним прилетели с самого дальнего запада на спине дракона... – Он помолчал, и имя дракона прозвучало в душе Тенар словно удар колокола: *Калессин*. – Дракон оставил меня на острове Рок, а его унес прочь. И тогда Привратник Школы сказал: «Он покончил с делами. Он идет домой!» А еще раньше, на берегу Селидора, Гед бросил свой посох, сказав мне, чтобы я о посохе не беспокоился, ибо сам он больше уже никакой не маг. Ну и потом Мастера острова Рок собрались на совет, чтобы выбрать нового Верховного Мага.

На этот совет они пригласили и меня, дабы я, как будущий король, смог приобщиться к их премудрости. А еще, наверное, я вошел в их число, потому что необходимо было занять пустующее место: место Ториона, Мастера Заклинателя, чье искусство обернулось против него же по умыслу тех злых сил, которые господин мой Ястреб в конце концов уничтожил. Когда мы были там, в пустынной стране, что простирается между каменной стеной и Горами Горя, я видел Мастера Ториона. Мой господин окликнул его и рассказал ему, как можно вернуться назад, к жизни. Но, по-моему, Торион не пошел по указанному пути. И к жизни не вернулся.

Сильные тонкие пальцы Лебаннена изо всех сил сжали поручни. Он по-прежнему не отрывал глаз от сияющего моря. Через некоторое время он снова заговорил.

– Итак, я дополнил число «девять», необходимое для того, чтобы выбрать нового Верховного Мага. Великие Маги с острова Рок – люди очень мудрые, – сказал он, посмотрев на Тенар. – Они не только прекрасно осведомлены в своих науках и искусствах, но и обладают богатым жизненным опытом. Все они очень разные, но используют свои различия, как я это понял гораздо раньше, лишь для того, чтобы общее решение было более весомым, многогранным. Однако на этот раз...

– Дело в том, – вмешался Мастер Ветроудуй, заметив, что Лебаннену, видимо, не хочется критиковать Великих Мастеров, – что на этот раз у нас были одни разногласия и никакого решения мы вынести не могли. Мы никак не могли прийти к согласию. Может быть, из-за того, что Верховный Маг по-настоящему не был мертв – он был жив, видишь ли, но уже не был магом... и тем не менее, по всей видимости, оставался Повелителем Драконов... Да и Мастер Метаморфоз еще не совсем оправился от собственных чар, чуть его не погубивших. Метаморфоз все еще надеялся, что Заклинатель сможет побороть смерть и вернуться из ее царства, и умолял нас подождать... А Мастер Путеводитель и вообще не желал ничего говорить. Он ведь карг, госпожа моя, как и ты; ты это знала? Он прибыл к нам с Карего-Ат. – Проницательные глаза Мастера Ветроудуя наблюдали за Тенар: в какую сторону подует ветер на этот раз? – По всем этим причинам в нашей Девятке многого не хватало и все у нас не ладилось. Когда Привратник спросил, какие имена мы могли бы назвать, не было названо ни одного имени. Каждый посматривал на соседа...

– Я смотрел в землю, – вставил Лебаннен.

– И в конце концов все мы воззрились на того, кому ведомо самое большое количество имен: на Мастера Ономатета. А он, в свою очередь, не сводил глаз с Мастера Путеводителя, который так и не сказал ни слова и сидел среди своих волшебных деревьев как пень. Ты же знаешь, наверное, что подобные встречи происходят всегда в Имманентной Роще, среди деревьев-великанов, чьи корни глубже, чем корни островов Земноморья. Был уже поздний вечер. Порой в Роще мелькают огоньки, но тогда все окутывала тьма и небо казалось черным, беззвездным. Вдруг Путеводитель встал и заговорил – но на своем родном языке, а не на ардическом и не на Языке Созидания. Мало кто из нас владел языком каргов, и мы были в полной растерянности. Но Ономатет все разъяснил нам. Мастер Путеводитель, оказывается, сказал: *это одна женщина с Гонта*.

Ветроудуй умолк. На Тенар он больше не смотрел. Помолчав, она спросила:

– И больше ни слова?

– Больше ни слова. Когда мы попросили его уточнить, он только удивленно смотрел на нас, но ответить ничего не мог: полностью был во власти видения, – понимаешь, он прекрасно представлял себе форму предмета и путь к нему, но почти ничего из этого не мог выразить словами, конкретными понятиями. И то, что ему удалось произнести, он понимал не лучше остальных. Вот и все, чего мы тогда добились.

Мастера с острова Рок все были прирожденными учителями, а Мастер Ветроудуй к тому же был очень хорошим учителем и ничего не мог с собой поделать: он и сейчас старался рассказывать Тенар обо всем предельно понятно и просто. Возможно, чересчур просто. Он умолк, осторожно глянул на нее и отвернулся.

– Итак, теперь тебе ясно, госпожа моя, – снова заговорил он, – что нам непременно нужно было побывать на Гонте. Но кого нам следовало искать здесь? «Одна женщина» – не слишком точное указание для начала поисков. Видимо, предназначение этой женщины – повести нас за собой, каким-то образом указать нам путь к нашему Верховному Магу. И сразу, как ты и сама уже догадалась, госпожа моя, речь зашла о тебе – ибо о какой еще подобной женщине с острова Гонт могли мы когда-либо слышать? Остров этот невелик, зато твоя слава велика.



И тогда один из Мастеров сказал: «Она отведет нас к Огиону». Но все мы знали: Огион давным-давно отказался быть Верховным Магом Земноморья и тем более теперь, когда он стар и болен, этого предложения ни за что не примет. И по-моему, как раз в тот вечер Огион собирался покинуть наш мир. Сразу возникло другое предположение: «Она отведет нас к Ястребу!» И тут мы совсем запутались...

– Да, совсем, – подтвердил Лебаннен. – К тому же вдруг в Имманентной Роще пошел самый настоящий дождь! – Он улыбнулся. – Я уж думал, что больше никогда не услышу стука дождевых капель по листьям, и так обрадовался!..

– Девять человек промокли до нитки, – сказал Мастер Ветродуи, – но один из них при этом был счастлив.

Тенар засмеялась. Она ничего не могла с собой поделать: этот старый маг ей нравился. Если он и держался с ней настороженно, так ведь и она тоже была настороже, хотя в присутствии Лебаннена, казалось, можно было говорить только откровенно.

– Ваша «одна женщина с Гонга» уж во всяком случае не я, потому что к Ястребу я вас не поведу.

– Таково было и мое мнение, – совершенно искренне воскликнул Ветродуи. – Это не могла быть ты, госпожа моя, иначе Путеводитель непременно произнес бы твое подлинное имя. Ведь таких, кто открыто зовется своим подлинным именем, очень мало! И все-таки я уполномочен Советом Рока спросить тебя: не знаешь ли ты какой-нибудь другой женщины на этом острове, которая походила бы на ту, кого мы ищем? Может быть, это сестра или мать наделенного волшебной силой человека, а может быть, его наставница – ведь и среди простых ведьм встречаются по-своему очень и очень мудрые. Может быть, Огион знал такую женщину? Говорят, что он знал на этом острове каждого человека, хотя и жил в полном одиночестве и бродить любил по диким местам. Мне бы так хотелось, чтобы он был сейчас жив! Уж он-то смог бы нам помочь!

Тенар тут же вспомнила ту рыбачку, о которой ей рассказывал Огион. Но женщина та уже была старой много лет назад, а теперь, конечно же, умерла. Хотя драконы, подумала вдруг Тенар, живут очень долго – во всяком случае, так всегда считалось.

Она довольно долго молчала, потом сказала лишь:

– Нет, ни одной такой женщины я не знаю.

Она хорошо понимала, что маг из всех сил старается быть с ней терпеливым. Мало ли что у нее на уме? Да и неизвестно еще, чего она сама хочет. Он, несомненно, думает именно так. Тенар вдруг удивилась, как это она осмеливается молчать. А ведь это его глухота заставляет ее молчать! И она не может даже объяснить ему, насколько он глух.

– Значит, – медленно проговорила она наконец, – в Земноморье теперь Верховного Мага нет? Зато есть король.

– На которого возложены все наши надежды и упования, – сказал маг с такой теплотой, что сразу переменялся к лучшему.

Лебаннен, наблюдавший за ними и прислушивавшийся к их разговору, улыбнулся.

– За последние годы, – неуверенно начала Тенар, – случилось столько всяких несчастий, столько бед. Моя... мою девочку... Такое стало происходить слишком часто. И еще я слышала, как могущественные волшебники и чаровницы жаловались, что слабеют их силы, уходит мастерство.

– Это вина того, кого наш Верховный Маг и мой господин победил в пустынной стране; он носил лишь прозвище – Коб – и вызывал никому доселе не ведомые беды и разрушения. Нам еще много-много лет придется восстанавливать наше искусство, исцелять наших мудрецов, оздоравливать наше волшебство, – решительно произнес маг.

– А вдруг потребуются куда больше – не просто восстанавливать и лечить? – задумчиво проговорила Тенар. – Хотя лечить, конечно, тоже необходимо... Но мне хотелось бы знать вот

что: не может ли... не может ли еще один такой Коб снова обрести могущество, хотя все в мире так переменилось... хотя перемены затронули наш мир сверху донизу? Хотя благодаря этим переменам у нас в Земноморье снова есть настоящий король – и, может быть, именно король нам теперь нужнее, а не Верховный Маг?

Мастер Ветродуй смотрел на нее так, словно вдруг на совершенно безоблачном небосклоне увидел очень далекую грозовую тучу. Он даже поднял было правую руку, как бы намереваясь произнести заклятие, связывающее ветер, потом опустил ее. И улыбнулся.

– Не бойся, госпожа моя, – сказал он. – Остров Рок и Высшее Искусство Магии не погибнут. Наше сокровище охраняется очень хорошо!

– Скажи это Калессину, – буркнула Тенар, не в силах более выносить его произвольное пренебрежение. Ну конечно! Он прямо-таки остолбенел, услышав имя старого дракона. Но его он даже и теперь услышать не сумел! Да и где ему суметь – ведь он в последний раз слушал женщину, когда его мать пела ему колыбельную.

– А ведь и правда! – воскликнул Лебаннен. – Калессин же приземлился на острове Рок, который, как известно, совершенно недоступен для драконов, и отнюдь не благодаря каким-то заклятиям моего господина – в нем тогда уже не осталось волшебной силы... и я не думаю, Мастер Ветродуй, что леди Тенар боится за себя.

Маг предпринял отчаянную попытку загладить нанесенное Тенар оскорбление:

– Прости, госпожа моя, что я говорил с тобой как с обычной женщиной.

Тенар едва сдержала смех. Этот смех мог бы потрясти его до глубины души. Она лишь равнодушно сказала:

– В моих опасениях и нет ничего необычного.

Но и это не помогло: он просто не способен был услышать ее. Зато молодой король молчал, чутко прислушиваясь. Юнга с верхушки мачты, явившись из мира спутанных снастей и раскачивающихся парусов, крикнул ясным и звонким голосом: «Город прямо по курсу!» – и через минуту те, кто был на палубе, увидели разбросанные на берегу дома, столбы дыма над серо-голубыми сланцевыми крышами, светящиеся закатным светом стекла в окнах, а потом, совсем рядом, – пирсы и причалы Вальмута, раскинувшегося у залива с шелковисто-синей водой.

– Причаливать или вы воспользуетесь заклятием, господин мой? – спокойно спросил шкипер, и Мастер Ветродуй ответил:

– Причаливай сам, шкипер. Лень возиться с этой водоплавающей мелочью! – И он показал на несколько дюжин рыбацких лодок, что почти сплошь покрывали воды залива.

Королевский корабль, точно лебедь среди утят, осторожно вошел в гавань под крики приветствий, раздававшиеся с каждой лодки.

Тенар заметила, что у причалов нет ни одного большого морского судна.

– У меня сын – моряк, – сказала она Лебаннену. – Я думала, что его корабль, может, тоже в здешнем порту...

– А как называется его корабль?

– Он был третьим помощником капитана «Чайки Эскила» – но уже больше двух лет назад. Наверно, теперь на другом корабле плавает. Он у нас непоседливый... – Она улыбнулась. – Когда я в первый раз тебя увидела, то решила, что это он. А вы с ним совсем и не похожи, только оба высокие, худые и молодые. Просто я тогда не в себе была, испугалась очень... Ничего особенного, конечно...

Старый маг давно ушел на капитанский мостик, так что они с Лебанненом остались вдвоем.

– Слишком много страхов, в которых нет ничего особенного, – сказал он.

Это была последняя возможность поговорить с ним наедине, и слова стали срывать у нее с губ поспешно и неуверенно:

– Я хотела сказать... впрочем, это бессмысленно... но разве не может быть так, что на Гонте найдется такая женщина – не знаю, кто она, понятия не имею, но ведь может быть, что и есть такая или еще будет, а они именно ее-то и ищут, она-то им и нужна?.. Разве это невозможно?

Он слушал. Он не был глух. Но нахмурился, насторожился, словно пытаюсь понять чужой язык. И сказал едва слышно, будто выдохнул:

– Это возможно.

Какая-то рыбачка на маленьком ялике подгребла к ним: «Откуда вы?» – и мальчишка-юнга сверху возвестил, словно петушок с высокой крыши: «Из столицы, от короля!»

– Как называется этот корабль? – спросила Тенар. – Мой сын спросит, на каком корабле я приплыла сюда.

– «Дельфин», – ответил Лебаннен, улыбаясь ей.

«Сын мой, король мой, дорогой мой мальчик, – подумала она. – Как бы мне хотелось всегда быть рядом с тобой!»

– Я должна привести малышку, – сказала она.

– Как ты доберешься домой?

– Пешком. Отсюда всего несколько часов ходьбы, это чуть выше, в горах. – Она указала ему за город, туда, где широко раскинулась между двумя отрогами горы Гонт залитая солнцем Срединная Долина. – Моя деревня на самом берегу реки, а ферма – в четверти часа ходьбы от нее. Это один из самых чудесных уголков твоего королевства.

– Но будешь ли ты там в безопасности?

– О да! Сегодня я переночую у дочери в Вальмуте. А в нашей деревне на любого можно положиться. Одна я не останусь.

На мгновение глаза их встретились, но ни один не произнес того имени, о котором подумал.

– Они снова приплывут сюда с острова Рок? – спросила она. – Станут искать «одну женщину с Гонта»... или его самого?

– Его искать не станут. Это я им делать запрещу, даже если они и вознамерятся, – сказал Лебаннен, не сознавая, сколь многое сказал ей этим. – Ну а нового Верховного Мага или ту женщину из видений Мастера Путеводителя они, конечно, будут искать и, может быть, еще не раз явятся сюда. А может, и прямо к тебе.

– Рада буду приветствовать их на Дубовой Ферме, – сказала она. – Хотя и не так рада, как если бы туда приехал ты сам.

– Я приеду, как только смогу, – сказал он, чуть посуровев, и задумчиво прибавил: – И если смогу.

## 11 Дома

Чуть ли не все жители Вальмута собрались на пристани, чтобы посмотреть на корабль из Хавнора, услышав, что сюда прибыл сам молодой король, о котором успели уже сложить новые песни. В Вальмуте новых песен пока не знали, зато помнили старые, и Релли под аккомпанемент своей арфы спел отрывок из «Подвига Морреда» для юного короля Земноморья, который, как известно, был потомком Морреда. Появившийся на палубе король оказался таким молодым, высоким и красивым, каким и должен быть настоящий правитель Земноморья; рядом с ним стояли старый маг с острова Рок, какая-то женщина и маленькая девочка – обе в старых плащах и похожие на нищенок. Однако король обращался с ними так, как если бы то были королева и принцесса. Может, они ими и были, кто знает?

– Может, это мать его? – сказала молоденькая Шинни, пытаясь разглядеть короля получше, но ей мешали головы мужчин, толпившихся впереди. И тут ее подруга Эппл, по прозвищу Яблочко, сжала ей руку и тихонько вскрикнула – точнее, прошептала:

– Ой... это же мама!

– Чья мама? – спросила Шинни, и Эппл ответила:

– Моя. А это Терру. – Но проталкиваться вперед сквозь толпу не стала, даже когда с корабля на берег сошел офицер и пригласил старого Релли на судно, чтобы тот сыграл для короля. Яблочко ждала вместе со всеми. Она видела, как король принял нотаблей Вальмута, слышала, как Релли пел для него. Потом король стал прощаться со своими гостями: корабль уже снова готовился к отплытию, чтобы еще до наступления ночи взять курс на остров Хавнор. Наконец по сходням на пристань сошли Терру и Тенар. Король торжественно обнял их на прощание, касаясь щекой щеки, а чтобы обнять Терру, опустился на колени. «Ах!» – воскликнула толпа у причала. Солнце садилось в золотистой дымке, на поверхности залива пролегла широкая золотая дорога. В руках у Тенар был тяжелый мешок и сумка; Терру, как всегда, шла опустив голову, и лицо ее было скрыто волосами. Сходни убрали, матросы засуетились, офицеры громко раздавали приказания, и вот корабль «Дельфин» поплыл прочь от острова Гонт. Тогда Яблочко протолкалась наконец сквозь толпу.

– Здравствуй, мама, – сказала она, и Тенар откликнулась:

– Здравствуй, дочка.

Они поцеловались, и Яблочко, подхватив Терру на руки, воскликнула:

– Ну и выросла ты! В два раза больше стала! Ну пошли, пошли к нам.

В тот вечер Яблочко почему-то немножко стеснялась собственной матери, даже в своем уютном доме, будучи женой молодого вальмутского купца. Она несколько раз задумчиво, даже испуганно поднимала на Тенар глаза и снова их опускала.

– Мне, вообще-то, всегда это было как-то безразлично, ты же знаешь, ма, – сказала Яблочко, появляясь в дверях спальни, – и эта Руна Мира... и твое торжественное прибытие в Хавнор с Кольцом... Для меня это все равно что какая-нибудь старинная песня... про то, что случилось тысячу лет назад! Но это ведь действительно была ты? Правда?

– Это была одна девушка с острова Атуан, – сказала Тенар. – И это случилось тысячу лет назад. А вот я сейчас, по-моему, вполне способна тысячу лет проспать.

– Ну тогда скорее ложись. – Яблочко взяла лампу и собралась уходить. – А еще с королем целовалась! – сказала она насмешливо.

– Ступай, ступай себе, – устало откликнулась Тенар.

Яблочко с мужем упростили Тенар погостить у них пару дней, но вскоре она так решительно засобиравалась на ферму, что Яблочко решила проводить их с Терру домой, и они втроем отправились в путь по берегу тихой серебристой реки Кахеды. Лето клонилось к осени. Сол-

нышко еще пригревало вовсю, но ветер был уже прохладный. Листва на деревьях казалась пыльной и потрепанной; поля были уже убраны или готовы к уборке.

Яблочко без умолку говорила о том, как сильно выросла и окрепла Терру, как уверенно она ходит теперь.

– Видела бы ты ее в Ре Альби, – сказала Тенар, – до того как... – и умолкла, решив не тревожить дочь.

– А что случилось? – все-таки встревожилась Яблочко и так настойчиво принялась выяснять это, что Тенар сдалась и тихо ответила:

– Один из *тех*.

Терру бежала впереди, длинноногая, в ставшем коротким платьишке, и все высматривала чернику на опушке леса.

– Ее отец? – спросила Яблочко; ее тошнило при одной только мысли об этом.

– Ларк говорила, что вроде бы прозвище ее отца Треска. А этот помоложе. Тот самый, что приходил тогда и сказал Ларк, что случилось с девочкой. Его зовут Ловкач. Он... все слонялся вокруг да около, а потом – вот уж не повезло! – мы прямо на него налетели в порту Гонт. А молодой король его прогнал. И вот нас привезли сюда, а он там остался, так что все в порядке.

– Вот Терру, должно быть, напугалась! – сказала Яблочко, мрачняя.

Тенар кивнула.

– А зачем вы пошли в порт?

– А, так получилось. Этот тип, Ловкач, работал на одного... волшебника в поместье у лорда, и волшебнику этому я чем-то не понравилась... – Она все пыталась хотя бы прозвище этому волшебнику придумать – и не могла, ничего не могла; в голову ей лезло одно лишь слово: *туабо*. Каргадское слово, обозначающее какое-то дерево, она даже не могла вспомнить какое...

– Ну и что?

– Ну и то! В итоге пришлось мне поскорее отправляться домой.

– За что ж этот волшебник так невзлюбил тебя?

– В основном за то, что я женщина.

– Да ну! – возмутилась Яблочко. – Ах он, старая сырная корка!

– Да он молодой совсем.

– Тем хуже! Ну что ж, по крайней мере, у нас здесь никто родителей девочки не видел – если их так называть можно. А вот если они все-таки по-прежнему слоняются неподалеку, тогда очень плохо, что ты на ферме одна будешь.

Вообще-то, очень приятно, когда твоя собственная дочь обращается с тобой по-матерински; сразу хочется начать капризничать. А потому Тенар нетерпеливо сказала:

– Со мной все будет в полном порядке!

– Могла бы уж, по крайней мере, собаку завести!

– Я уже думала об этом. У кого-нибудь в деревне, наверное, найдется щенок. Мы спросим у Жаворонка, когда мимо проходить будем.

– Не щенок тебе нужен, мама. Собака. Настоящая.

– Но хотя бы молодая? Чтобы Терру могла с ней играть! – умоляюще сказала Тенар.

– Ну да, милый такой теленок, который будет со всеми, а заодно и с бандитами, лизаться! – съязвила Яблочко, шагая рядом с матерью, – хорошенькая, здоровая, сероглазая.

Они пришли в деревню где-то около полудня. Ларк обрушила на Тенар и Терру настоящий ураган поцелуев, объятий, разнообразных вопросов и лакомств. Тихий муж ее только поздоровался приветливо. Однако соседи заглядывали один за другим. Тенар наконец почувствовала, что счастлива, что вернулась домой.

Жаворонок и двое ее младших ребятишек – их у нее было семеро, – мальчик и девочка, проводили прибывших до самой Дубовой Фермы. Дети, конечно же, знали Терру, поскольку именно в их дом она попала сперва, знали и ее повадки, хотя за два месяца порядком отвыкли

от нее и сперва немного стеснялись. С ними, и даже с Ларк, Терру казалась замкнутой, пассивной – такой, как в давние дурные времена.

– Девочка просто вымоталась за долгую дорогу, и вообще... Ничего, она скоро придет в себя и прекрасно будет играть с ребятами, – говорила Тенар Жаворонку, но Яблочко не дала ей так просто обойти эту тему.

– Один из тех негодяев объявился! Запугивал и ее, и маму, – сказала Яблочко.

И потихоньку-помаленьку дочь и подруга вытянули из Тенар всю ту историю целиком – пока открывали холодный, запущенный, пыльный дом, приводили его в порядок, проветривали постели, склоняли головы над грядками с луком, заросшими сорняками, разжигали огонь, ставили сковородку, чтобы разогреть еду, и готовили огромную кастрюлю супа на вечер. Правда, рассказывала Тенар в час по чайной ложке и, похоже, так и не смогла рассказать, что же все-таки сделал с нею волшебник. Это было какое-то проклятие, неопределенно сказала она, а еще, может быть, именно он послал Ловкача за ней следом. Зато когда она начала рассказывать про короля, слова у нее изо рта так и посыпались!

– И там был он – король! Тонкий и прекрасный, словно лезвие меча... И Ловкач этот весь съезжился и прямо-таки пополз от него прочь... А я-то сперва решила, что это мой Искорка! Правда! Нет, правда, мне показалось – похож... Наверно, я была не в себе...

– Ну ладно, – сказала Яблочко. – Насчет Искорки все как раз нормально; а вот моя подружка Шинни приняла тебя за мать короля! Уж больно здорово было смотреть, как ты плывешь на королевском корабле! А знаешь, тетя Ларк, она ведь его поцеловала! Поцеловала короля! Просто так взяла и поцеловала! Я уж думала, что потом она и старого мага поцелует. Но она почему-то не стала.

– Да уж конечно нет, что за выдумки! Какой еще маг? – спросила Ларк, ныряя под стол. – Где у тебя ларь с мукой, Гоха?

– Ты на него руками опираешься. Был там маг, настоящий, с острова Рок; явился сюда искать нового Верховного Мага.

– Сюда?

– А почему бы и нет? – возмутилась Яблочко. – Последний небось тоже с Гонта был, разве не так? Но того-то они не больно долго искали. Сразу уплыли назад в Хавнор, едва мама от них отделилась.

– Как ты смеешь так говорить, негодница!

– Он говорил, что маги ищут какую-то женщину с Гонта, – не обращая на них внимания, сказала Тенар. – Но кажется, сам старый маг был не очень-то этому рад.

– Волшебник – и женщину искал? Это что-то новое, – заявила Ларк. – Я уж было подумала, что мука твоя вся жучком заражена, а она еще вполне хорошая, так что я, пожалуй, парочку пресных лепешек испеку, не возражаешь? Где у тебя масло?

– Нужно сперва налить в бутылку из фляги. А фляга в леднике. Ой, Шанди! Неужели это ты! Ну, как дела? Как Чистый Ручей? Продад ягнят?

Когда они все вместе сели ужинать, то за длинным деревенским столом оказалось уже девять человек. Кухню заливал желтый закатный свет; Терру уже начала понемногу снова приподнимать голову и даже несколько раз обратилась за чем-то к детям Ларк. Но страх по-прежнему таился в ее душе, и, по мере того как на улице становилось все темнее, она старалась сесть так, чтобы ее зрячий глаз мог видеть окошко.

Сгустились сумерки, Ларк с детьми отправились домой, Яблочко пела Терру песенку, укладывая ее спать, а Тенар с Шанди мыли посуду. И только сейчас она наконец спросила о Геде. Ей почему-то не хотелось говорить о нем в присутствии Ларк и дочери: потребовалось бы слишком много объяснять. Она вообще «забыла» упомянуть о том, что Гед вместе с ними жил в доме Огиона. Ей совсем не хотелось вновь вспоминать о Ре Альби. Казалось, что при этом она сразу сбивается с мысли.

– Я сюда с месяц назад человека присылала – с работой помочь, как он?

– Ох, я и забыла совсем! – воскликнула Шанди. – Хок его зовут, верно? Такой весь в шрамах – все лицо исполосовано?

– Да, – сказала Тенар. – Хок. В шрамах.

– Ой, ну конечно, а как же! Только он сейчас наверху, у Горячих Источников, – овец Серри пасет, по-моему. Явился он сюда, значит, и говорит, это ты его послала, а туточки у нас для него ну ни крошки работы, знаешь ли. Мы-то со стариком за овцами смотрим, я молочное хозяйство веду; а старые Тифф и Сис помогают мне, коли нужда случится, и уж я думала-думала, а ничего не придумала. Тут старик мой и говорит: «Пойди да спроси у Серри или у его главного пастуха, что овец на берегу Кахеды пасет, не нужен ли им пастух на верхние пастбища». Вот что он посоветовал, а Хок этот так и поступил; взяли его на работу-то, он уже на следующее утро овец на верхние пастбища погнал. «Пойди да у Серри спроси» – так старик мой посоветовал, так Хок этот и поступил, и точно, вышло у него. Ну а теперь-то он вернется только к осени, не раньше. Там он, на Долгих Просеках, точнехонько над Лиссу-рекой. Только вот не помню точно: может, они его коз пасти наняли? Хорошо говорил этот парень... Только вот овец или коз – не помню. Небось тебе-то все одно. Конечно, Гоха, тут мы его не оставили, да только и правда ведь – ни капельки работы для него не было, мы сами с Чистым Ручьем управляемся, да еще Тифф и Сис помогают... А парень этот еще сказал, что там, откуда он родом, ему коз пасти приходилось; а родом он с той стороны, из-под Армута, так вроде; да, точно, говорил он, что овец-то ему прежде пасти не доводилось. Так что, наверно, они его коз пасти отправили, на верхние-то пастбища...

– Наверно, – сказала Тенар. Она вполне успокоилась, однако была разочарована. Ей, конечно, очень хотелось узнать, что Гед в безопасности, что у него все в порядке, но еще больше ей хотелось, чтобы он оказался здесь.

«Ладно, хватит с тебя и того, что ты уже дома», – сказала она себе. Может, оно даже и лучше, что его здесь нет, что никакого волшебства здесь нет, что все ужасы, мечты, надежды навсегда остались в Ре Альби. Все, все это осталось там, а она теперь здесь, и это ее дом, знакомые каменные полы и стены, маленькие застекленные окошки, за которыми темнеют в лунном свете старые дубы, и эти тихие, аккуратно прибранные комнаты... Она довольно долго лежала без сна в ту ночь. Дочь ее спала в соседней комнате – в детской, вместе с Терру, а Тенар – в своей собственной, супружеской постели, но только совсем одна.

Потом она уснула. И когда проснулась, не помнила ни одного из своих снов.

...Прошло несколько дней; за это время Тенар вряд ли хоть раз задумалась о проведенном на Большом Утесе лете. Все это случилось далеко-далеко отсюда и очень давно. Несмотря на настойчивые уверения Шанди о том, что ни крошки работы на ферме нет, Тенар обнаружила ее целую пропасть, и все дела нужно было переделать как можно скорее: за лето все хозяйство оказалось запущено, да к тому же пора было убирать урожай, варить сыры и тому подобное. Тенар работала от зари до зари, и если – совершенно случайно – у нее выдавался свободный часок, она для отдыха либо пряла, либо шила платье для Терру. Красное платье наконец было почти готово, и белый передничек для парадных случаев, а коричневато-золотистый на каждый день.

– Ну вот, теперь ты у нас красивая! – сказала Тенар, когда Терру впервые надела платье. Она очень гордилась собственным изделием.

Терру тут же отвернулась.

– Ты действительно очень красивая, – настойчиво повторила Тенар. – Послушай-ка меня, Терру. Подойди поближе. Конечно, у тебя есть шрамы, и довольно уродливые – такие же, как то зло, которое тебе причинили. Люди этих шрамов не могут не видеть. Но ведь они видят и тебя целиком, а ты не из одних только шрамов состоишь. Сама ты вовсе не безобразна. И вовсе

не зла. Ты – это ты. Ты – Терру, и ты красива. Ты – Терру, которая умеет хорошо работать, красиво двигаться, легко бегать и танцевать. И особенно ты хороша в красном платье!

Девочка молча слушала; ее нежная, не тронутая огнем щека казалась застывшей и равнодушной. Она посмотрела на руки Тенар и легонько коснулась их своими тоненькими пальчиками.

– Это очень красивое платье, – сказала она своим тихим хриловатым голосом.

Когда Тенар осталась одна, складывая остатки красной материи, жгучие слезы вдруг навернулись ей на глаза. Она чувствовала себя незаслуженно обиженной. Она правильно поступила, сшив это платье, и она говорила девочке правдивые слова. Но этого было недостаточно. Между ее правильными поступками и настоящей правдой была как бы пустота, пропасть. Любовь, ее любовь к Терру и любовь Терру к ней, – вот что создавало тоненький мостик над этой пропастью, тонкий как паутинка, но заполнить эту пустоту не могла даже любовь, эта трещина никогда не могла сомкнуться. Никогда. И девочка понимала это куда лучше, чем Тенар.

Наступило осеннее равноденствие; все еще яркое солнце просвечивало сквозь легкую туманную дымку. Среди дубовой листвы появились первые бронзовые пятна. Когда Тенар в молочном сарае дочиста отмывала ушаты из-под сливок, настезь распахнув окно и дверь, чтобы впустить сладковатый прохладный воздух, она вспомнила, что сегодня в Хавноре состоится коронация ее молодого короля. Вокруг него будут князья и придворные дамы в своих прекрасных одеждах – голубых, зеленых, алых, – а сам он будет весь в белом, представилось ей. Он поднимется по лестнице на Башню Меча – по той самой лестнице, по которой они с Гедом поднимались тогда, – и на голову его будет возложена корона Морреда. Он обернется, заслышав ликующие звуки труб и горнов, и воссядет на трон своего королевства, что пустовал так много лет; а потом посмотрит вокруг своими темными глазами, которые хорошо понимают, что такое боль, горе и страх. «Правь хорошо, правь долго, – подумала она. – Бедный мальчик мой! Это Геду следовало бы возложить корону на твою голову. Он должен был непременно быть там».

Но Гед пас то ли овец, то ли коз, принадлежавших богатому хозяину, и был сейчас высоко в горах. Стояла ясная, сухая, золотая осень, так что стада пробудут на верхних пастбищах до первого снега.

Как-то раз, оказавшись в деревне, Тенар решила зайти в домик ведьмы Айви, что находился в самом конце Мельничной улицы. Она уже подружилась с тетушкой Мох в Ре Альби, и теперь ей хотелось познакомиться поближе и с Айви, если, разумеется, удастся преодолеть чудовищную подозрительность деревенской ведьмы. Тенар часто с грустью вспоминала тетушку Мох, хотя теперь рядом и была Ларк; тетушка Мох многому ее научила, и Тенар любила старую ведьму, которая давала им с Терру столь необходимые тепло, защиту и еще что-то очень важное. Нужно было найти кого-то, кто заменил бы ей тетушку Мох и здесь. Однако Айви, хоть и была много чище и благонадежнее с виду, чем тетушка Мох, явно не намерена была менять свое отношение к Тенар и воспринимала все ее попытки подружиться с прежней подозрительностью и высокомерным удовлетворением, которое Тенар, впрочем, считала вполне объяснимым. «Ты ступай своим путем, а я пойду своим», – каждым своим жестом, казалось, говорила эта ведьма. И Тенар смиренно продолжала при встречах выказывать Айви несколько преувеличенное уважение. «Прежде я вечно держалась с ней слишком заносчиво, – думала Тенар, – так что за все следует платить». Явно придерживавшаяся того же мнения ведьма принимала эту дань с полной невозмутимостью.

В середине осени в долине появился колдун Бук. Его пригласил один богатый фермер, страдавший подагрой. Как обычно, Бук некоторое время пожил в деревнях Срединной Долины и однажды днем заглянул на Дубовую Ферму поведать Терру и поговорить с Тенар. Он тоже был учеником одного из учеников Огиона и всю жизнь оставался преданным старому магу. Тенар, к изумлению своему, обнаружила, что ей гораздо легче рассказывать о смерти Огиона,



чем о тех людях из Ре Альби, так что она рассказала о последних днях старого мага все что могла. Когда она умолкла, он осторожно спросил:

– А наш Верховный Маг – он все-таки появился?

– Да, – коротко ответила Тенар.

Бук был добродушным, чуть полноватым человеком лет сорока, с гладкой кожей и вечными темными кругами под глазами, странно противоречившими сладостному выражению самих глаз. Он только глянул на Тенар и больше вопросов задавать не стал.

– Он пришел уже после того, как Огион умер. И сразу снова ушел, – пояснила она. – Он теперь больше не Верховный Маг. Ты это знал?

Бук кивнул.

– А ты не слышал, выбрали они там нового Верховного Мага?

Колдун отрицательно покачал головой.

– Недавно к нам заходил корабль с Энладских островов, но им ничего об этом не было известно, они говорили только о предстоящей коронации. Прямо-таки лопались от гордости! И похоже, все действительно складывается к лучшему. Если расположение магов чего-то еще стоит, тогда наш молодой король – очень богатый человек... И очень деятельный. Как раз перед тем как я ушел из Вальмута, туда из порта Гонт был прислан приказ, чтобы старейшины, купцы и мэр города с его советом собрались все вместе и решили, являются ли управляющие округами достойными и надежными людьми, ибо все они теперь находятся у короля на службе и обязаны выполнять его приказания и блюсти его законы. Представляешь, как этому был рад лорд Гено!

Гено был предводителем всех пиратов с Гонта, и уж в южной-то части острова все чиновники были у него в кармане.

– Но теперь кое-кто решил пойти против Гено, чувствуя поддержку самого короля. По большей части управляющих сменили, назначили пятнадцать новых, вполне достойных людей, которым платить будут из казны мэра. Гено, не дождавшись конца собрания, вихрем вылетел вон, на чем свет стоит кляня короля и обещая жестоко мстить. Новые времена настали! Конечно, не все сразу, но жизнь переменится! Жаль, что Мастер Огион не дожил до этих дней.

– Он дожил, – сказала Тенар. – Перед смертью он улыбнулся и сказал: «Все переменялось...»

Бук выслушал ее со своим обычным сурово-доброжелательным видом и медленно кивнул.

– Все переменялось, – повторил он.

Немного помолчали, потом он сказал:

– Малышка растет очень хорошо!

– Да, неплохо... Хотя иногда мне кажется, что дела могли бы идти и лучше.

– Госпожа Гоха, – сказал колдун, – если бы я, или любой другой колдун, или ведьма, или, осмелюсь предположить, даже волшебник посвящали бы ей все свое время и все свои волшебные силы, чтобы излечить ее от того, что с ней сделали, она и то не могла бы стать здоровее. Может быть, даже не смогла бы поправиться хотя бы настолько, как сейчас. Ты сделала не только *все, что можно было сделать*, госпожа моя. Ты сотворила настоящее чудо!

Она была тронута его искренней похвалой, и все-таки ей стало грустно; и она призналась ему, почему грустит.

– Этого мало, – сказала она. – Я не могу до конца исцелить ее. Она... Чем ей суждено быть в жизни? Что из нее получится? – Тенар поправила нить на кружащемся веретене – она пряла шерсть и только что сняла очередной моток. – Я боюсь, – сказала она.

– За нее? – Его вопрос прозвучал как утверждение.

– Боюсь, потому что боится она, боюсь за нее, боюсь того, чего она боится. Боюсь, потому... – Но она не могла подыскать нужных слов. – Если она будет жить в страхе, то станет творить зло, – выговорила она наконец. – Этого-то я и боюсь.

Колдун задумался.

– Я тут подумал, – сказал он наконец, как всегда несколько неуверенно, – что, если у нее есть волшебный дар – а мне кажется, он у нее есть, – ее можно было бы немного поучить магии. А если она станет ведьмой, то ее... внешность не будет так уж бросаться в глаза... возможно... – Он прокашлялся. – Ведь некоторые ведьмы делают очень важную и полезную работу, – закончил он.

Пробуя ровность и прочность только что спряденной нити, Тенар пропустила ее между пальцами.

– Огион сказал мне: «Научи ее всему». А потом прибавил, что учить ее нужно не на острове Рок. Не знаю, что он имел в виду.

Бук, однако, догадался сразу.

– Он хотел сказать, что на Роке учат Высшим Искусствам, – это не подходит для девушки. Не говоря уж о том, что с этой малышкой сделали... Но если Огион сказал, что ее нужно учить всему, кроме Высших Знаний, то, похоже, и он считал, что ей подошла бы профессия ведьмы. – Бук подумал и продолжал с куда большим воодушевлением, как бы чувствуя поддержку Огиона, неожиданно оказавшегося его сторонником: – Через год-два, когда она совсем окрепнет и немного подрастет, ты могла бы попробовать поговорить с Айви: пусть та понемногу начнет учить ее, пока девочка не пройдет обряд имяположения.

Тенар почувствовала, что всей душой яростно противится этому предложению. Она промолчала, однако Бук был достаточно чутким.

– Айви, конечно, довольно неприятная особа, – сказал он. – Однако то, что ей ведомо, она применяет честно. Чего нельзя сказать о прочих ведьмах. Слабый, как женские чары, но, как тебе известно, и опасный, как женские чары. Я знал ведьм, обладавших истинным даром целительниц. Исцелять людей – что может быть лучше для женщины! Это для нее так естественно. Девочку вполне можно к этому приохотить – тем более она сама так сильно пострадала.

Это он по доброте душевной, подумала Тенар, от чистого сердца. Она искренне поблагодарила колдуна, пообещав, что непременно все это тщательно обдумает. И она действительно много думала об этом.

Месяц еще не кончился, а жители Срединной Долины собрались у Круглого Амбара в Содеве, чтобы выбрать своих бейлифов и офицеров и назначить налог на их содержание. Таков был приказ короля, разосланный мэрам городов и старостам деревень, и все охотно подчинились ему, ибо на дорогах развелось столько наглых нищих и воров, что крестьяне и фермеры рады были установить порядок и обрести покой. Однако в последнее время кое-какие отвратительные слухи поползли и о том, что лорд Гено создал некий Совет Негодяев, куда записывал всех желающих собираться в банды и ломать шеи представителям королевской власти; однако по большей части люди не испугались и, повторяя: «Пусть только попробует!» – разошлись по домам, уверенные, что теперь-то уж честный человек может наконец спать спокойно и все безобразия, что творились раньше, король непременно устранил. Хотя налоги, конечно, оказались выше всяческих ожиданий, и многие теперь боялись разориться.

Тенар с радостью, хотя и не слишком внимательно, выслушала рассказ Жаворонка об этом собрании. Она очень много работала и, с тех пор как вернулась домой, почти не задумываясь, как-то машинально не позволяла мыслям о Ловкаче и ему подобных тревожить душу и уж тем более управлять жизнью Терру. Она не могла непрерывно держать девочку при себе, тем самым вновь пробуждая в ней старые страхи: вечно помня о том, что с ней случилось,

Терру просто не могла бы нормально жить. Ребенок должен расти свободным и знать, что он свободен.

Терру понемногу переставала дичиться, начала ходить по всей ферме, и вокруг, и даже в деревню совсем одна. Тенар ни единым словечком ее не останавливала, даже если приходилось буквально затыкать себе рот. На ферме Терру была в общем-то в безопасности, да и в деревне тоже никто не собирался вредить ей – это необходимо было твердо усвоить. Тенар старалась не слишком часто в этом сомневаться. На ферме, кроме них, жили еще Шанди со своим старым мужем по прозвищу Чистый Ручей, а в дальнем коттедже еще двое стариков – Сис и Тифф; в деревне, совсем близко, – Ларк со своим многочисленным семейством. Стояла прекрасная золотая осень – благодатное время в Срединной Долине. Какое же зло могло грозить невинному ребенку?

Тенар взяла собаку, услышав, что есть именно такая, какая ей требовалась: крупная гонтийская овчарка с умной мордой и длинной кудрявой шерстью.

Порой она вспоминала: «Я же должна учить девочку! Так велел Огион». Но как-то так получалось, что Терру ничему не выучивалась. Ей нравилась только обычная работа на ферме да всякие истории, которые Тенар рассказывала вечерами. Теперь дни стали короче, и они подолгу сидели в кухне у очага после ужина, прежде чем идти спать. Может быть, прав был Бук? И Терру следовало отдать в ученицы какой-нибудь ведьме? Это все-таки лучше, чем отдавать ее в подмастерья к ткачу, как сперва хотела поступить Тенар. Впрочем, не намного лучше. Да и Терру пока что слишком мала и слишком несведуща в жизни даже для своего возраста: ее ведь совсем ничему не учили, пока она не попала на Дубовую Ферму. Она тогда была похожа на дикого зверька, едва понимавшего человеческую речь и совсем незнакомого с человеческими привычками. Она все воспринимала очень быстро и была раза в два послушнее и старательнее вольнолюбивых и буйных детей Ларк – ее умненьких дочек и ленивых, вечно смеющихся сыновей. Терру умела убрать дом, подать на стол, научилась довольно прилично прясть, немножко готовить и немножко шить; могла присматривать за птицей, кормить коров и прекрасно справлялась с работой в молочной. Настоящая деревенская девчонка – так говорил старый Тифф, немного лстя Терру. Тенар не раз видела, как Тифф тайком делал жест, отгоняющий зло, когда мимо проходила Терру. Как и большинство людей, Тифф верил в то, что написано на роду: богатые и могущественные всегда процветают; те же, кому в жизни не повезло, должны по справедливости нести свой крест.

Так что Терру вряд ли помогло бы даже то, что она стала бы лучшей из лучших деревенских девчонок острова Гонт. Даже благополучная жизнь не уничтожила тех шрамов, что изуродовали ее лицо и душу. Так что Бук тогда принимал во внимание именно это клеймо, надеясь использовать его во благо, если девочка станет ведьмой. А может быть, именно это имел в виду и Огион, говоря, что учить ее нужно не на острове Рок? И еще, когда сказал: «Ее будут бояться»? Неужели же все это так просто?

Однажды, когда «счастливая случайность» вновь свела их на деревенской улице, Тенар сказала Айви:

– Мне хотелось бы задать тебе, госпожа Айви, один вопрос. Он касается твоего ремесла.

Ведьма внимательно и довольно злобно посмотрела на нее:

– Моего ремесла? С чего бы это?

Тенар промолчала, стараясь сохранить спокойствие.

– Ну что ж, пошли, – сказала Айви, пожав плечами, и повела Тенар по Мельничной улице к своему домику.

Это была вовсе не замусоренная развалюха, полная цыплят и кур, как у тетушки Мох; это было настоящее жилище ведьмы. С балок свисали пучки сухих и сушащихся трав, огонь в очаге тлел под золой, и маленький уголек посматривал оттуда красным глазком, как бы подмигивая; толстый черный кот с одним белым усом спал на полке, свернувшись клубком; повсюду сто-

яло множество всяких коробочек, горшочков, кувшинчиков и заткнутых пробками бутылок, источавших самые различные ароматы – зловонные, сладкие или совсем никому неведомые.

– Чем могу служить, госпожа Гоха? – сухо спросила Айви, когда они вошли в дом.

– Скажи мне, если захочешь, конечно: кажется ли тебе, что моя воспитанница Терру обладает... какой-то... волшебной силой?

– Она? Конечно! – отрезала ведьма.

Столь решительный ответ несколько ошеломил Тенар.

– Ну хорошо, – медленно проговорила она. – Бук, похоже, тоже так думает.

– Слепая летучая мышь в своей пещере и то это заметит! – сказала Айви. – Это все?

– Нет. Мне нужен твой совет. Я уже задала один вопрос, и теперь ты можешь назвать мне цену ответа, который дала мне. Это справедливо?

– Справедливо.

– Тогда мой второй вопрос: как ты думаешь, стоит ли Терру учиться у какой-нибудь ведьмы, когда она подрастет?

Некоторое время Айви молчала, решая, как показалось Тенар, что бы ей запросить за ответ. Но она ничего не запросила, а просто сказала:

– Я ее в ученицы не возьму!

– Почему?

– Я бы побоялась это делать, – честно призналась ведьма, яростно сверкнув глазами.

– Побоялась? Чего же?

– Ее! Кто она?

– Просто ребенок. С которым очень плохо обращались!

– Это еще далеко не все.

Черный гнев охватил Тенар, и она сказала:

– Значит, в ученицы к ведьме годятся только девственницы, так, что ли?

Айви уставилась на нее. Потом промолвила:

– Я вовсе не это имела в виду.

– А что же?

– Я имела в виду только то, что я не знаю, кто она такая. Я имела в виду то, что когда она глядит на меня своим единственным зрячим глазом, то я не знаю, что именно она видит. Я вижу, как вы с ней повсюду ходите вместе, словно она самый обыкновенный ребенок, и думаю: кто же они обе такие? Что же за сила в этой женщине? Она ведь вовсе не так глупа, чтобы хватать огонь голыми руками или крутить веретено с помощью урагана? Говорят, госпожа, ты в юности жила среди Древних Сил Земли и была у этих Сил и королевой, и служанкой. Может быть, поэтому ты и не боишься ее могущества? Что в ней за сила заключена, я не скажу: не знаю. Но могущество ее куда больше того, чему я способна кого-то научить, – больше, чем у Бука, больше, чем у любого другого колдуна или ведьмы, каких я знала в жизни! Я дам тебе совет, госпожа, – просто так, бесплатно. Будь осторожна! Берегись ее – особенно в тот день, когда она откроет в себе эту силу! Вот и все, что я могу сказать тебе.

– Благодарю тебя, госпожа Айви, – вежливо поклонилась ей Тенар и с достоинством жрицы Гробниц Атуана вышла из теплой комнатки на улицу, где дул резкий, колючий ветер – ветер поздней осени.

Гнев еще не погас в ней. Никто не хочет помочь, думала она. Она понимала, что самой ей эту задачу не решить, – но неужели никто так и не захочет помочь? Огион умер, тетушка Мох болтает всякую ерунду и смеется, а Айви предупреждает о грозящей опасности; Бук ясно сказал, что положение очень серьезно, и Гед тоже – а ведь именно Гед и мог бы помочь настоящему. Но Гед сбежал. Удрал, словно побитая собака, и даже весточки ни разу не прислал, даже ни разу не вспомнил о ней или о Терру! Только и может теперь думать, что о своем драгоценном позоре. Словно это его дитя, его любимое чадо, которое он холит и лелеет. Это

единственное, что его волнует. Он никогда и не думал о ней по-человечески. Что она ему? Его интересует только могущество – ее могущество, его собственное могущество и то, как можно стать еще могущественнее, соединив сломанное Кольцо, восстановив Руну Мира, посадив на трон короля... А теперь, когда волшебная сила его иссякла и остались лишь его собственное «я» да его собственный позор и пустота, он и вовсе способен думать только о себе – об этом своем позоре.

«Ты несправедлива», – сказала Гоха Тенар.

«Справедливость! – возмутилась Тенар. – А он вел себя справедливо?»

«Да, – сказала Гоха. – Он был справедлив. Или пытался быть».

«Ну что ж, тогда пусть играет в свою справедливость с козами, которых пасет; мне это совершенно неинтересно», – сказала Тенар, пробираясь домой под порывами ветра и колючим ледяным дождем.

– Сегодня, верно, снег ночью пойдет, – сказал Тифф, повстречавшись ей на дороге, что вилась в лугах по берегу Кахеды.

– Снег? Так рано? Может, еще нет?

– Во всяком случае подморозит, это уж точно!

И действительно, стало подмораживать сразу после заката: дождевые лужицы и оросительные каналы покрылись сперва ледяной коркой по краям, а потом превратились в ледяные дорожки; ручьи, сбегавшие в реку, умолкли, скованные ледяным покровом, и даже ветер притих, словно тоже замерз и утратил способность двигаться.

У очага, где пахло куда приятнее, чем у Айви, потому что в нем горели яблоневые дрова, заготовленные еще весной, когда в саду спилили старую яблоню, как всегда, после ужина устроились Тенар и Терру – рассказывать истории и прясть шерсть.

– Расскажи еще раз о кошках-оборотнях, – попросила своим хриловатым голосом Терру, запуская веретено и ловко свивая нитку из темной шелковистой козьей шерсти.

– Это летняя история.

Терру вопросительно склонила голову набок.

– Зимой рассказывают о великих деяниях, – пояснила Тенар. – Зимой учат «Песнь о создании Эа», чтобы исполнять ее вместе со всеми в праздник Долгого Танца. Зимой учат «Зимнюю песнь» и «Сказания о подвигах Молодого Короля», чтобы спеть их в день весеннего Солнцеворота, когда солнце поворачивается лицом к северу и приносит с собой весну.

– Я же не могу петь, – прошептала девочка.

Тенар сматывала готовую нить в клубок, ловкие руки ее ритмично двигались.

– Поют не только голосом, – сказала она. – Иногда поет только душа. И даже самый красивый в мире голос ничего спеть не сможет, если душе песни неведомы. – Она отцепила от веретена последний кусок нити. – В тебе есть сила, Терру, а невежественная сила опасна.

– Как в тех, кто учиться не хотел, – сказала Терру. – В диких. – (Тенар не поняла, что она хочет этим сказать, и вопросительно на нее взглянула.) – В тех, что остались на западе, – пояснила Терру.

– А-а, в драконах... Это ты песнь той женщины из Кемея вспомнила... Да. Совершенно верно. Итак, с чего мы начнем? С того, как наши острова были подняты из глубин морских, или с того, как король Морред отогнал прочь Черные Корабли?

– С островов, – прошептала Терру.

Тенар надеялась, что она предпочтет «Подвиг юного короля», потому что Морред казался ей похожим на Лебаннена. Однако девочка, в общем-то, выбрала правильно.

– Хорошо, – сказала Тенар и посмотрела на полку, где стояли Книги Огиона, словно черпая в них вдохновение; если она что-то и позабыла, то всегда может заглянуть в них. Потом она перевела дыхание и начала свой рассказ.

Когда пришло время ложиться спать, Терру уже знала, как Сегой поднял первые острова из глубин времени. Вместо того чтобы спеть девочке колыбельную, Тенар присела к ней на постель, подоткнула одеяло, и они вместе тихонько повторили слова первой песни Созидания.

Потом Тенар отнесла маленький масляный светильник обратно в кухню, прислушиваясь к полнейшей тишине вокруг. Мороз сковал мир, запер все живое вокруг. На небе не было ни единой звезды. Чернота снаружи давила на окошко ее кухни. Холод полз по каменному полу.

Она снова уселась у очага, потому что спать ей еще не хотелось. Ее взволновали возвышенные слова песни, а в душе еще не совсем улеглись гнев и беспокойство, вызванные сегодняшней беседой с Айви. Тенар взяла кочергу и помешала дрова в очаге, чтоб разгорелись получше. Когда она ударила по полену, в дальнем конце дома послышался стук – словно ей откликнулось эхо.

Она выпрямилась и замерла, прислушиваясь.

И снова – то ли тупой удар, то ли толчок в окно молочного сарая.

Все еще держа в руках кочергу, Тенар прошла по темным сеням к двери, что вела в холодную кладовую. За кладовой был молочный сарай. Дом стоял на склоне холма, так что оба эти помещения упирались в холм, словно подвалы, хотя и находились на одном уровне со всеми остальными комнатами дома. В холодной кладовой были только небольшие отверстия для проветривания; зато в молочном сарае – и дверь, и окно, низкое и широкое, точно такое же, как в кухне; оно было сделано в той единственной стене, что выходила наружу. Тенар стояла у двери в кладовую и слушала, как окно сарая пытаются то ли открыть, то ли выдавить; слышала она и шепот: шептались мужчины.

Флинт был хозяин рачительный. Все двери в его доме, за исключением одной, были с двух сторон снабжены крепкими запорами – широкой полосой толстого железа во всю ширину двери, посаженной в скобы. Все запоры содержались в порядке, всегда были смазаны, хотя в доме никогда не запирали ни одну дверь.

Тенар закрутила болты на запоре той двери, что вела из кладовой в сарай. Засов вошел в гнездо совершенно бесшумно, точно попав в щель на дверном косяке.

И тут она услышала, как отворилась дверь молочного сарая, ведущая на улицу. Один из них все-таки в конце концов решил попробовать войти через дверь, прежде чем выбьют окно, и обнаружил, что дверь не заперта. Она слышала бормотание неожиданных гостей. Потом вдруг наступила тишина, достаточно долгая, чтобы услышать, как, молотом отдаваясь в ушах, стучит ее сердце; она даже испугалась, что больше ничего уже расслышать не сможет. От страха у нее подгибались колени, а холод с каменного пола пробирался под юбку, словно чья-то ледяная рука.

– Эта дверь открыта, – прошептал какой-то мужчина совсем рядом с ней, и сердце у нее болезненно сжалось. Она на всякий случай коснулась рукой запора, и оказалось, что в итоге она его не заперла, а отперла! Она стремительно задвинула его, услышав, как заскрипела дверь, ведущая из холодной кладовой в молочный сарай. Ей был хорошо знаком этот скрип верхней петли. Она узнала и голос, но не на слух, а как бы внутренним чутьем. «Это кладовая, – сказал Ловкач, и немного погодя запертая на засов дверь, возле которой она стояла, содрогнулась, а Ловкач сообщил кому-то: – А эта заперта». Дверь снова содрогнулась. Тонкий лучик света, словно лезвие ножа, мелькнул в щели между створкой двери и косяком. Луч коснулся груди Тенар, и она отпрянула так резко, словно в нее вонзился нож.

Дверь снова дрогнула, но не сильно. Она была прочной, тяжелой, да и засов был надежный.

Они что-то злобно бормотали за дверью. Тенар понимала, что теперь они обойдут дом и попытаются войти через парадную дверь. Даже не помня как, она тут же оказалась сама перед этой дверью и поспешно задвинула засов. Может быть, все это просто страшный сон? Ей и раньше снились всякие кошмары – например, как они пытаются войти в дом, как просовывают

свои острые ножи между растрескавшимися плитами пола... Двери же... А нет ли в доме еще одной двери, через которую они могут войти? И окна?.. Ставни на окнах спальни... Она вдруг задыхнулась: ей показалось, что она не успеет добраться до комнаты Терру, но в мгновение ока оказалась там, закрыла тяжелые деревянные ставни. Петли были тугие, так что ставни захлопнулись со стуком. Теперь они все поняли. И сразу же пошли туда. Они непременно успеют к окну соседней комнаты, ее комнаты, прежде чем она сможет закрыть ставни. Так оно и случилось.

Пытаясь поднять крюк, державший левую ставню, она увидела в темноте за окном их лица, неясные очертания их фигур. Крюк заржавел. Она никак не могла вышибить его. Чья-то рука коснулась стекла и плотно прижалась к нему, став совсем белой.

– Там она.

– Эй,пусти нас. Мы тебя не тронем.

– Нам с тобой поговорить надо.

– Он только девчонку свою повидать хочет.

Она наконец откинула крюк и закрыла ставни. Но если они выбьют стекло, то все равно легко смогут попасть в комнату: ведь ставни скреплены слабо, нужно только ударить посильнее.

– Впусти нас, мы тебя не обидим, – снова сказал один из них.

Она слышала их шаги по промерзлой земле, шорох опавших листьев у них под ногами. Проснулась ли Терру? Грохот закрываемых ставней вполне мог ее разбудить, но она не шелохнулась. Тенар стояла в дверном проеме между своей комнатой и комнатой Терру. Было темно, как в колоде, и очень тихо. Она боялась коснуться девочки, чтобы не разбудить ее. Она должна оставаться здесь, рядом с ней. Она должна сражаться. У нее ведь в руках была кочерга... интересно, где она ее оставила? Она положила ее на пол, когда закрывала ставни, и теперь не могла найти. Она шарилась в непроницаемой темноте по полу, и ей казалось, что в комнате больше нет стен.

Парадная дверь затряслась, задрожала.

Надо непременно найти кочергу; она останется здесь, она будет с ними сражаться.

– Сюда! – позвал вдруг один из них, и Тенар догадалась, что именно он обнаружил: низкое кухонное окно, широкое, без ставней. Залезть в него было проще простого.

Она очень медленно, ощупью пошла к двери. Теперь это была комната Терру, а раньше – комната детей Тенар. Детская. Именно поэтому дверь в ней с внутренней стороны не запиралась. Чтобы дети, заперевшись изнутри, не могли испугаться, если запор вдруг не откроется.

Совсем недалеко, за холмом, за садом, спят Шанди и Чистый Ручей. Если она закричит, то Шанди, возможно, услышит. Если она откроет окошко в спальне и громко позовет на помощь... или если разбудит Терру, они выберутся через окошко в сад и побегут что есть силы... но эти негодяи там, прямо под окном. Ждут.

Больше она вынести это ожидание не могла. Не могла вынести того леденящего душу и тело ужаса, который лишал ее способности двигаться. Тенар в ярости бросилась на кухню – перед глазами плыл красный туман, – схватила длинный острый мясницкий нож, с размаху отперла засов и остановилась на пороге.

– Ну, подходите! – сказала она.

Не успела она это сказать, как послышался какой-то странный вой, чье-то тяжелое дыхание и кто-то из мужчин завопил:

– Эй, смотрите, смотрите! Осторожней!

Потом крикнул второй:

– Сюда! Сюда! Ко мне!

Потом воцарилась тишина.

Свет из распахнутой двери сделал видимыми черные замерзшие лужицы, блестящие черные ветви дубов и серебристые опавшие листья. Взор Тенар прояснился, и она увидела, что по

тропе прямо к ней ползет на четвереньках какое-то темное существо или привидение – ползет и то ли стонет, то ли воет. Где-то на границе света и тьмы мелькнула темная фигура, сверкнули серебром длинные лезвия ножей...

– Тенар!

– Стой там, где стоишь! – сурово сказала она, поднимая нож.

– Тенар! Это же я – Хок, Ястреб!

– Стой где стоишь, – повторила она.

Быстрый и ловкий человек в темном одеянии застыл рядом с тем существом на тропинке, что теперь лежало без движения. Видно было все-таки плоховато, она с трудом различила вроде бы знакомое лицо, вилы с длинными зубьями, воздетые вверх... Словно посох волшебника, подумала вдруг она. И спросила:

– Это ты?

Он уже опустился на колени возле темной фигуры на тропе.

– По-моему, я его убил, – сказал он. И, оглянувшись через плечо, поднялся на ноги. Других бандитов не было ни видно, ни слышно.

– Где они?

– Убежали. Помоги мне, Тенар.

В одной руке она по-прежнему сжимала нож. Другой подхватила под мышку того человека, что лежал на тропе. Гед поддерживал его с другой стороны, и они вместе потащили его по ступенькам крыльца в дом. Положили на каменный пол в кухне. Кровь бежала у него из пробитой груди и живота, словно вода из прохудившегося кувшина. Из-под верхней губы выглядывали оскаленные зубы, глаза закатились под лоб.

– Запри дверь, – сказал Гед, и Тенар заперла дверь.

– Простыни в шкафу, – сказала она, и он вытащил одну и разорвал на бинты, которыми она бесконечно долго обматывала грудь и живот раненого. Три зубца вил из четырех со всего размаху вошли в его плоть, и из трех дыр теперь кровь текла ручьем; бинты промокали все время, пока Тенар бинтовала его, а Гед поддерживал за плечи.

– Что ты здесь делаешь? Ты пришел вместе с ними?

– Да. Но они об этом не знали. Больше ты, пожалуй, уже ничего для него сделать не сможешь, Тенар. – Гед тяжело опустил бесчувственное тело на пол и сам сел рядом, тяжело дыша и вытирая потное лицо тыльной стороной окровавленной ладони. – Мне кажется, я его убил, – повторил он.

– Может быть, и убил. – Тенар смотрела, как на плотной ткани, которой были перебинтованы тощая волосатая грудь незнакомца и его живот, увеличиваясь, расплываются яркие красные пятна. Она встала и вдруг пошатнулась: резко zakружилась голова.

– Садись поближе к огню, – сказала она Геду. – Ты, должно быть, смертельно продрог.

Она не понимала, каким образом ей все-таки удалось узнать его в темноте. Наверное, по голосу. Он был одет в неуклюжую уродливую зимнюю куртку из овчины мехом внутрь, какие носят пастухи, и в вязаную пастушью шапку, низко надвинутую на лоб; лицо его избородили морщины; оно казалось совершенно измученным; волосы отросли и были теперь стального цвета. От Гeda пахло древесным дымом, морозом и овцами. Его была такая дрожь, что он не мог этого скрыть.

– Иди поближе к огню, – повторила она. – Подложи-ка побольше дров.

Он повиновался. Тенар налила в чайник воды и повесила его на железную перекладину над самым огнем.

На юбке у нее была кровь, и она стала мокрой тряпкой стирать пятно. Геду она тоже дала мокрую тряпку – вытереть кровь с рук.

– Как это ты пришел с ними вместе, но они об этом не знали?



– Я как раз шел вниз, в долину. По той дороге, что идет мимо Ручьев Кахеды. – Он говорил как-то монотонно, тихим голосом, словно ему не хватало воздуха, а дрожь делала его речь совсем невнятной. – Услышал – кто-то идет сзади, ну и отошел в сторонку, в лес. Разговаривать с ними не хотелось. Не знаю почему. Что-то в них было не то. Я их боялся.

Она нетерпеливо покивала и села напротив, у очага, чуть наклонившись вперед и внимательно слушая; стиснутые руки ее лежали на коленях. Мокрая юбка холодила ноги.

– Когда они проходили мимо, я услышал, как один из них сказал: «Дубовая Ферма». После этого я уже от них не отставал. Один все время говорил... О девочке.

– Что же он говорил?

Гед помолчал. Потом наконец выговорил:

– Что он собирается забрать ее и наказать. А потом вернуться за тобой. Потому что это ты украла ее. И еще он сказал... – Гед снова умолк.

– Что он и меня тоже накажет?

– Они все об этом говорили. Ну... *об этом*.

– Тот человек не Ловкач. – Она кивнула в сторону раненого. – Это не...

– Он говорил, что она принадлежит ему. – Гед тоже посмотрел на раненого, потом отвернулся к огню. – Он умирает. Нам нужна помощь.

– Не умрет, – сказала Тенар. – Утром я пошлю за Айви. Остальные-то по-прежнему неподалеку – сколько их там?

– Двое.

– Если он умрет, то пусть умрет; если выживет, пусть живет. Никто из нас наружу не выйдет! – Она вскочила, подавляя новый приступ страха. – Ты внес в дом эти вилы, Гед?

Он показал – четыре длинных зубца светились в углу возле двери.

Тенар снова села у очага, но теперь уже начало трясти ее; ее колотило так, что зуб на зуб не попадал – как раньше было с ним. Гед потянулся над очагом и коснулся ее руки.

– Все теперь в порядке, – сказал он спокойно.

– А что, если они все еще там?

– Они убежали.

– Они могли вернуться.

– Двое против двоих? И к тому же у нас вилы.

От ужаса она совсем перешла на шепот:

– Крюк для подрезки веток и все косы остались в сарае, в углу!..

Он покачал головой:

– Они убежали. Они видели... его... и тебя в дверях.

– Что ты с ним сделал?

– Он бросился на меня. Так что пришлось и мне...

– А раньше, что ты сделал там, на дороге?

– Они замерзли, да еще дождь пошел, вот они и стали все больше говорить о том, как заявятся сюда. Сперва-то один только тот говорил о девочке и о тебе – обо всяких там уроках и наказаниях... – Гед судорожно сглотнул. – Очень пить хочется.

– И мне тоже. Чайник вот-вот вскипит. Рассказывай пока.

Он перевел дыхание и попытался рассказать все как следует:

– Остальные двое не очень-то его слушали. Может, он в сотый раз им это повторял. Все они спешили поскорее добраться до Вальмута. Словно бежали от кого-то. Старались скрыться. Но тут здорово похолодало, а этот тип все продолжал долдонить о Дубовой Ферме, и один из них, в кожаной шапке, сказал: «Что ж, а почему бы нам и не переночевать там? Да заодно...»

– И вдовой попользоваться, да?

Гед закрыл лицо руками. Она молча ждала.

Глядя в огонь, он медленно начал рассказывать дальше:

– Потом я на какое-то время потерял их из виду. Дорога стала в долине ровнее и шире, и я уже не мог идти за ними по пятам, как раньше, в лесу. Пришлось красться через поля, чтобы они меня не заметили. Я здешних мест почти не знаю и боялся сбиться с пути, если срежу путь и отойду далеко от дороги. К тому же начинало темнеть, и я уж решил, что прошел мимо фермы, промахнулся в потемках. Тогда я вернулся к дороге и припустил чуть не бегом. А на самом повороте догнал их. Они видели, как какой-то старик их нагоняет, и решили подождать. Были уверены, что больше в такой час мимо фермы никто не пройдет. Они ждали в сарае, а я – снаружи. Нас друг от друга отделяла только стенка.

– Ты, должно быть, насквозь промерз, – тупо сказала Тенар.

– Да, холодно было. – Он протянул руки к огню, словно воспоминания снова вызвали у него озноб. – Я тем временем отыскал вилы, они были прислонены к наружной стене за дверью. Когда эти типы вышли из сарая, то зашли с задней стороны дома, так что я, наверное, мог бы успеть подойти к парадной двери и предупредить тебя – именно так и нужно было поступить, – но я тогда способен был думать только о том, как бы застать их врасплох... Мне казалось, что это мое единственное преимущество, единственная надежда... Я считал, что дом заперт и им нужно будет ломать двери, чтобы войти. Но тут я услышал, что они проникли внутрь через заднюю дверь. И следом за ними тоже пробрался в молочный сарай. Я едва успел выскочить наружу, когда они выяснили, что дверь в дом заперта изнутри. – Гед как-то странно рассмеялся. – Они прошли в темноте прямо у меня под носом. Я мог бы подставить кому-нибудь ножку... Один с помощью кремня высек искру и поджег немного трута – им нужно было разглядеть запор. Потом они пошли к парадной двери. Я слышал, как ты закрывала ставни, и понял, что ты знаешь об их присутствии. Они все собирались выбить то окно, в котором видели тебя. Потом тот, в кожаной шапке, заметил другое окно... вон то, – Гед кивком показал на широкое кухонное окно, – и сказал: «Дайте-ка мне камень, я его с одного раза высажу», – они уже собирались посадить его, когда я завопил так, что этот тип свалился на землю, а один из них – вот этот – бросился прямо на меня.

– Ах, ах! – задыхался раненый на полу, словно помогая Геду рассказывать. Гед встал и наклонился над ним.

– Мне кажется, он все-таки умирает.

– Нет, не умирает, – сказала Тенар. Она все еще не могла успокоиться, хотя озноб теперь стал как бы внутренним. Запел чайник. Она быстро заварила чай и обхватила руками толстые бока заварочного чайника. Потом налила две чашки и еще одну, третью, в которую добавила немного холодной воды. – Слишком горячий, – пояснила она Геду. – Ты осторожней пей, а я попробую что-нибудь в него влить. – Она присела на пол возле раненого, приподняла его голову и поднесла ему ко рту прохладный чай, вдвинув краешек чашки между оскаленными зубами. Теплая влага потекла ему в горло, он глотнул. – Он не умрет, – заявила Тенар. – Пол совершенно ледяной. Помоги-ка мне перенести его поближе к огню.

Гед снял было козью шкуру со скамьи, что тянулась вдоль стены до входа в гостиную, но Тенар остановила его.

– Эту не бери, это хорошая шкура. – И она принесла из кладовки старый войлочный плащ, который расстелила на полу. Они уложили на плащ безвольное тело раненого, и в свете очага стало видно, что красные пятна на бинтах пока больше не стали.

Вдруг Тенар вскочила и замерла как вкопанная.

– Терру, – только и вымолвила она.

Гед огляделся, но девочки рядом не было. Тенар бросилась вон из кухни.

В детской, где спала Терру, было абсолютно темно и тихо. Тенар ощупью пробралась к кровати и коснулась теплого плеча девочки, прикрытого одеялом.

– Терру?

Девочка дышала спокойно. Она так и не проснулась. Тенар чувствовала жар, исходящий от маленького тела: девочка словно светилась в холоде детской.

В своей комнате Тенар провела рукой по поверхности сундуков и сразу нащупала холодный металл: то была кочерга, которую она забыла именно здесь, когда закрывала ставни. Она отнесла кочергу обратно на кухню, небрежно перешагнув через тело раненого, повесила ее на крюк у очага и остановилась, глядя в огонь.

– Я же ничего не могла поделать! – проговорила она с отчаянием. – Что, я должна была на улицу выскочить?.. бежать?.. кричать?.. звать на помощь стариков-арендаторов?.. Эти негодяи не должны были добраться до девочки. Ни за что!

– Да, конечно, ты права. Они бы заперлись в доме вместе с Терру, а ты бы осталась снаружи вместе со стариками. А еще они могли бы просто прихватить девочку и сбежать. Ты сделала то, что могла и должна была сделать. Все правильно. Когда ты распахнула дверь и в ярком свете предстала с ножом в руках... да и я ведь был там, так что они смогли наконец разглядеть вилы, а потом этот упал... Вот они и сбежали.

– Такие только и могут, что сбежать, – сказала Тенар. Повернулась и слегка пнула ногу раненого носком своего башмака – словно это был какой-то неживой предмет, вызывающий одновременно любопытство и гадливость, что-то вроде дохлой гадюки. – Это ты все сделал правильно, – прибавила она.

– Не думаю, что он эти вилы заметил. Просто налетел на них. Это было словно... – Гед так и не сказал, на что это было похоже. Только рукой махнул. – Пей чай. – И сам налил себе еще из чайника, который стоял, чтобы не остыть, на горячих кирпичах очага. – Вкусный. Сядь, – ласково и настойчиво сказал он ей, и она подчинилась. – Когда я был мальчишкой, – продолжал он, немножко помолчав, – карги напали на мою деревню и варварски разграбили ее. У них были длинные копья с перьями...

Тенар кивнула.

– Воины Богов-Близнецов, – сказала она.

– Я сотворил... заклятие тумана. Чтобы сбить их с толку. Они все-таки прошли – некоторые из них. Я видел, как один напоролся прямо на вилы. И вилы проткнули его насквозь. Чуть ниже пояса.

– Этому ты попал в ребро, – сказала Тенар.

Он кивнул.

– Это было единственной твоей ошибкой, – сказала она. Зубы у нее стучали. Она отпила горячего чая. – Гед, а что, если они вернуться назад?

– Не вернутся.

– Они могут поджечь дом...

– Этот дом? – Он оглядел каменные стены.

– Сенник...

– Они не вернутся, – упрямо повторил он.

– Нет. Наверное, нет.

Они бережно держали чашки с чаем в ладонях, постепенно согреваясь.

– Девочка все это проспала.

– Ну и молодец.

– Но она увидит его... Здесь... утром...

Они уставились друг на друга.

– Лучше бы я его убил... лучше б он умер! – с яростью сказал Гед. – Я бы оттащил его подальше и закопал...

– Ну так сделай это.

Он только сердито помотал головой.

– Разве это имеет какое-то значение – когда? Почему, ну почему мы не можем этого сделать сейчас? – настаивала Тенар.

– Не знаю.

– Как только станет светло...

– Я увезу его из дома. На тачке, а старик мне поможет.

– Старик и поднять-то ничего не в силах. Я помогу тебе.

– Да ладно, я и сам могу все сделать. Отвезу его в деревню. Там есть какой-нибудь лекарь?

– Ведьма. Айви.

Внезапно Тенар почувствовала чудовищную, беспредельную усталость. Она едва могла держать в руках чашку.

– Там еще есть чай, – сказала она, язык едва ворочался во рту.

Он налил себе снова полную чашку.

Языки пламени плясали у нее перед глазами. Они плыли, взметались ввысь, опадали, снова разгорались, зажатые закопченными камнями, а темное небо постепенно светлело в потоках странного, словно вечернего света, лившегося из воздушных глубин, что за пределами этого мира... Языки пламени – желтые, оранжевые, оранжево-красные, красные... языки пламени, пламенные языки... сами слова она уже выговорить не могла.

– Тенар!

– Мы называем эту звезду Техану, – вдруг сказала она.

– Тенар, дорогая моя, пойдем. Пойдем со мной.

Они больше не сидели у очага. Они были в темной гостиной. В темном коридоре, в Лабиринте... Они уже были там когда-то, вели друг друга, шли друг за другом – в темноте, под землей.

– Это верный путь, – сказала она.

## 12

### Зима

Она просыпалась, не желая проснуться. Слабый сероватый свет просачивался снаружи сквозь щели в ставнях на окне. А почему закрыты ставни? Она поспешно вскочила и прошла через прихожую в кухню. Никто больше не сидел у огня, никто не лежал на полу. Нигде не было ничьих следов – ничего! Кроме чайника и трех чашек на буфете.

Вскоре встало солнце, а за ним – и Терру; они, как обычно, позавтракали вдвоем; убирая со стола, девочка спросила:

– Что случилось?

И приподняла за уголок разорванную простыню, замоченную в тазу. Вода была мутной, красноватой от крови.

– А, это мои женские дела слишком рано начались, – ответила Тенар, удивленная собственной ложью и тем, как легко ее выговорила.

Терру некоторое время стояла неподвижно, ноздри ее раздувались, она была напряжена, словно зверь, почуявший запах. Потом она опустила простыню в воду и вышла на двор – кормить цыплят.

Тенар чувствовала себя нездоровой: все тело ломило. Ей было по-прежнему холодно, так что она старалась не выходить из дому. Она попыталась было и Терру тоже держать при себе, но, когда порывы резкого холодного ветра совсем разогнали утренний туман и солнце засияло вовсю, Терру тут же потребовала, чтобы ее отпустили на улицу.

– Побудь с Шанди в саду, – сказала ей Тенар.

Терру ничего не ответила и выскользнула из дому.

Обожженная щека ее стала совершенно неподвижной из-за поврежденных мышц и грубых поверхностных шрамов, однако шрамы несколько поблекли, да и Тенар давно привыкла не отводить глаз при виде этого уродства, а видеть под страшными шрамами лицо хорошенькой девочки, так что для нее теперь и эта половина лица Терру имела свое определенное выражение. Когда Терру бывала встревожена, ее сожженная щека как бы «закрывалась» – так казалось Тенар; когда же девочка бывала возбуждена или сгорала от любопытства, то казалось, что даже слепой ее глаз видит, а шрамы на лице краснели и становились горячими на ощупь. Сейчас же, когда Терру выходила из дому, она выглядела и вовсе необычно: лицо ее казалось вовсе не человеческим, оно будто принадлежало какому-то дикому созданию, зверю с грубой и толстой шкурой и единственным зрячим глазом, молчаливому и спасающемуся бегством зверю.

И Тенар прекрасно понимала: раз она сама только что впервые солгала Терру, то и Терру впервые в жизни сейчас ей не подчинится. В первый, но не в последний раз.

Она с усталым вздохом села у огня и некоторое время сидела так, в полном бездействии.

В дверь постучали: Чистый Ручей и Гед – нет, Хок, она должна называть его Хок – стояли на пороге. Старик жаждал высказаться и вид имел в высшей степени важный; Гед, темнокожий и спокойный, казался неуклюжим в своей уродливой пастушьей куртке.

– Входите, – сказала она. – Выпейте чаю. Что-нибудь случилось?

– Мерзавцы пробовали удрать в Вальмут! Да только королевские стражники из Кахедана тут как тут – словили их, у Черри в сарае! – объявил, размахивая руками, Чистый Ручей.

– Так он жив? – Тенар охватил ужас.

– Тех двоих поймали, – ответил Гед. – Не его.

– Знаешь, тело-то крестьяне нашли на старой бойне, там, на Круглом Холме, – прямо всмятку все. Крестьян не меньше десятка было, так что кто-то за стражниками сбегал, да и пошли все вместе по следу. По всем деревням искали, а нынче утром, только-только рассвет занялся, их и нашли – в сарае у Черри. Они там закоченели совсем.

– Значит, он умер? – ошеломленно спросила Тенар.

Гед только что стряхнул с плеч свою тяжеленную куртку и, сидя на стуле возле двери, снимал кожаные гетры.

– Он-то жив. – Гед говорил совершенно спокойно. – Им Айви занимается. Я отвез его к ней утром на тележке. На дороге было полно людей, хотя еще и не рассвело как следует. Они за теми охотились. Эти негодяи там, в горах, женщину убили.

– Какую женщину? – прошептала Тенар.

Она смотрела Геду прямо в глаза. Он слегка кивнул.

Чистый Ручей намерен был во что бы то ни стало сам рассказать все и заговорил громко, перебивая Геду:

– Я-то с некоторыми тамошними говорил, так они рассказывают, что их четверо было; все слонялись без дела возле Кахеданана, палатки ставили, а женщина та часто в деревню приходила милостыню просить, вся избитая, ссадины да синяки по всему телу. Они ее такую-то специально посылали попрошайничать, мужики эти, чтобы добывала побольше; и она говорила людям, что ежели с пустыми руками вернется, так они ее еще пуще изобьют. Ну так тамошние ей и говорят: чего ж назад-то возвращаться? Но если б она не вернулась, так те бы за ней непременно сами явились – так она сказала. А она завсегда при них была, вместе они бродяжничали. Ну а потом-то они ее, видно, до смерти забили: перестарались. А тело оттащили на старую бойню да там и бросили; там, знаешь, все еще тухлятиной пахивало, так они, верно, думали, что это им следы замести поможет. А сами решили удрать по дороге вниз, сюда, в аккурат прошлой ночью. А ты чего ж на помощь-то не звала, не кричала, Гоха? Хок говорит, что тут они были, возле дома шастали, когда он на них набрел. Я бы точно тебя услышал, да и Шанди тоже, у нее-то уши поострее моих будут. Ты ей ничего еще не говорила, а?

Тенар покачала головой.

– Ну так я сейчас ей и расскажу, – заявил старик, обрадованный тем, что первым сообщит Шанди все новости, и заковылял через двор прочь. На полпути он обернулся и крикнул Геду: – Вот уж никогда не думал, что ты так с вилами управляться умеешь! – и, смеясь, хлопнул себя по ляжкам.

Гед наконец стянул с ног тяжелые гетры, стащил грязные сапоги и выставил все это на крыльцо; потом в одних носках подошел к огню. Старые грубые штаны, рубаха из домотканой шерсти – настоящий гонтийский пастух с меднокожим лицом, ястребиным носом и ясными черными глазами.

– Скоро еще люди явятся, – сказал он. – Чтобы рассказать тебе ту историю и расспросить о том, что произошло здесь. Они поймали тех двоих в старом винном погребе, где и вина-то уже никакого нет; теперь человек пятнадцать–двадцать их сторожат, а два-три десятка мальчишек крутятся рядом и подглядывают... – Он зевнул, встряхнулся, а потом, взглянув на Тенар, попросил разрешения присесть у огня.

Она молча указала ему на стул.

– Ты, должно быть, до смерти измотался, – прошептала она.

– Я тут вчера немножко поспал. Просто не мог больше – глаза слипались. – Он снова зевнул. И пытливо посмотрел на нее, стараясь понять, о чем она думает.

– Это была мать Терру, – сказала она шепотом. Говорить громко она по-прежнему не могла.

Гед кивнул. Он сидел, чуть сгорбившись и положив руки на колени, – так, бывало, сидел и Флинт, глядя в огонь. Они были очень похожи и все же совсем разные – настолько разные, как зарывшийся в землю камень и парящая в поднебесье птица. У Тенар болело сердце, все кости ломило, а душа пребывала в смятении, мучимая дурными предчувствиями, тоской, не забытым еще страхом.

– Та ведьма раненого приняла, – сказал Гед. – Перевязала. По-моему, ему уже лучше. Она ему все дырки заткнула – паутиной и заклятиями, что кровь останавливают. Говорит, вылечит его специально, чтобы потом этого мерзавца повесили.

– Повесили?

– Теперь уж это дело королевского суда. Либо повесят, либо на каторгу сошлют.

Она хмуро покачала головой.

– Ты же не могла просто отпустить его, Тенар, – мягко сказал он, глядя на нее.

– Нет.

– Они непременно должны быть наказаны, – сказал он, по-прежнему не сводя с нее глаз.

– «Наказаны»... Да-да, *это же его слова!* «Накажем девчонку. Она плохая. Ее нужно наказать». Накажи и меня за то, что я ее взяла. За то, что... – Ей было трудно говорить. – Я не хочу больше никаких наказаний!.. Этого вообще не должно было случиться... Лучше бы ты убил его!

– Я сделал все, что мог, – сказал Гед.

Она долго молчала, потом рассмеялась каким-то дребезжащим смехом:

– Да уж, это точно.

– Подумай, как легко это было бы, – проговорил он, снова уставившись на уголья, – если бы я был волшебником. Я мог бы наложить на них связующее заклятие еще там, на верхней дороге; они бы даже понять ничего не успели. Я мог бы один отвести их всех в Вальмут, словно стадо овец. Или прошлой ночью, здесь, – подумай! Какой отличный фейерверк я мог бы для них устроить! Они бы никогда и не догадались, что же с ними происходит.

– Они и сейчас не догадываются, – сказала Тенар.

Он быстро глянул на нее. В его глазах светился слабый отблеск торжества.

– Нет, – сказал он, – не догадываются.

– Здорово с вилами управляться умеешь, – прошептала она. Он зевнул во весь рот. – Может, ляжешь поспишь? Здесь есть свободная комната – из прихожей вторая дверь. Если только ты не намерен развлекать рассказами целую компанию: сюда, между прочим, идут Ларк и Дейзи, а еще целая куча детей. – Тенар поднялась, заслышав голоса.

– Пожалуй, я действительно лягу спать, – сказал Гед и тихо скользнул прочь.

Ларк с мужем и Дейзи, жена кузнеца, а потом и другие жители деревни целый день шли и шли к ней с рассказами и расспросами. Как ни странно, именно эти бесконечные разговоры и вернули ее к жизни, отвлекли от страшных воспоминаний о прошлой ночи; постепенно ей стало легче говорить об этом: теперь она чувствовала, что все это случилось уже давно, а не происходит с ней непрерывно и никогда не оставит ее душу в покое.

Именно этому должна научиться и Терру, подумала она, но только не за одну ночь – за целую жизнь.

Когда ушли остальные, Тенар сказала Жаворонку:

– Что меня больше всего бесит в самой себе, так это собственная глупость.

– Я же предупреждала: держи двери закрытыми.

– Нет... Может быть... Да, наверное, в этом все и дело.

– Конечно.

– Нет, я хотела сказать, что, когда они были здесь... я могла бы выбежать, позвать стариков... может, даже прихватить с собой Терру... Или пойти в сарай и взять эти вилы сама... Или крюк для подрезки веток... В нем все-таки семь локтей длины, а лезвие острое как бритва, он у меня всегда в полном порядке, как у Флинта когда-то... Почему же я ничего этого не сделала? Почему?.. Почему я просто заперлась в доме – ведь в этом не было ни малейшего смысла? Если бы он... если бы Хок тут не оказался... Все, на что я была способна, – это загнать себя

и Терру в ловушку. В конце-то я, правда, взяла большой нож, и вышла на крыльцо, и стала на них кричать... Я чуть с ума не сошла тогда. Но нож-то мой их бы, конечно, не отпугнул.

– Не знаю, – сказала Жаворонок. – Не уверена. Конечно, это было безумие, но, может... Не знаю. А что тебе еще оставалось? Только двери запереть. Мы, похоже, всю свою жизнь только и делаем, что двери запираем. Таков уж наш дом.

Вокруг них были каменные стены, напротив – каменный очаг, в окошко кухни ярко светило солнце, это был дом фермера Флинта.

– Та девушка, вернее, та женщина, которую они убили... – сказала Жаворонок, пронизательно глянув на Тенар, – это та самая?

Тенар кивнула.

– Кто-то мне сказал, что она была беременна. Месяца четыре-пять.

Обе снова помолчали.

– Попалась в ловушку, – сказала Тенар.

Ларк сидела, откинувшись назад, положив руки поверх своих тяжелых бедер, обтянутых юбкой; спина прямая, миловидное лицо печально.

– Страх, – сказала она. – Чего мы так боимся? Почему позволяем убеждать нас в этом? И чего боятся они сами? – Она подняла с пола чулок, который вязала, повертела его в руках, помолчала и наконец спросила: – Почему они так боятся нас?

Тенар пряла шерсть и ей не ответила.

Вприпрыжку вбежала Терру.

– Вот и девочка наша! – ласково приветствовала ее Ларк. – А ну-ка подойди, дай я тебя поцелую, золотко ты мое!

Терру бросилась ей на шею.

– Что это за людей поймали в деревне? Кто они? – требовательно спросила она своим хриплым, лишенным выражения голосом, глядя то на Ларк, то на Тенар.

Тенар остановила веретено. И медленно ответила:

– Один из них был Ловкач. Второго звали Баклан. А того, что был ранен, звали Треска. – Она не сводила глаз с лица Терру и видела, как разгорается тот внутренний огонь, как краснеют щрамы. – А женщину, которую убили, по-моему, звали Сенни.

– Сенины, – прошептала девочка.

Тенар кивнула.

– Они ее совсем убили? До смерти?

Тенар снова кивнула.

– Головастик говорит, что они и сюда приходили?

Тенар кивнула еще раз.

Девочка обвела взглядом комнату, но вид у нее при этом был такой, словно она абсолютно ничего не воспринимала и не видела перед собой даже стен.

– Ты их убьешь?

– Они, возможно, будут повешены.

– Умрут?

– Да.

Терру кивнула – как-то полубезразлично. И снова убежала на улицу – играть с детьми Ларк у колодца.

Обе женщины долго молчали. Пряли шерсть и о чем-то думали в тишине у огня. В доме фермера Флинта.

Наконец Жаворонок нарушила молчание:

– А что с тем парнем, с пастухом, что пришел сюда за ними следом? Хок вроде бы его звать?

– Он спит. Там, – сказала Тенар, кивком указав на дальнюю комнату.



– Ага, – сказала Жаворонок и снова умолкла.

Жужжало веретено.

– Я знала его и до вчерашней ночи.

– Там, в Ре Альби, да?

Тенар кивнула. Веретено продолжало жужжать.

– Чтобы одному против троих выйти в темноте, да еще с вилами, – для этого теперь немалое мужество требуется. А он ведь к тому же не молод, верно?

– Нет. Не молод. – Тенар помолчала, потом прибавила: – Он сильно болел, и ему очень нужна была работа. Вот я его и послала сюда, чтобы Чистый Ручей ему на ферме работу подыскал. Но Чистый Ручей считает, что по-прежнему может сам со всем справиться, так что Хока он в горы отослал, на летние пастбища. Он как раз оттуда и возвращался.

– Ну так, я думаю, теперь ты его здесь оставишь?

– Если он захочет, – сказала Тенар.

Потом приходили еще люди, чтобы тоже послушать, что произошло с Гохой, и рассказать, какое участие сами принимали в поимке убийц; они рассматривали вилы с четырьмя длинными зубьями, вспоминали кровавые пятна на бинтах того типа, по кличке Треска, а потом все начинали перемалывать сначала. Тенар даже обрадовалась, когда наконец наступил вечер; она позвала Терру домой и заперла все двери.

Она уже подняла было руку, чтобы задвинуть последний засов. И снова опустила ее, заставив себя уйти и оставить эту дверь незапертой.

– А в твоей комнате Ястреб спит, – сообщила ей Терру, возвращаясь в кухню с лукошком яиц, взятым в холодной кладовой.

– Я и забыла предупредить тебя, что он там... Ты уж меня прости.

– Но я же его знаю, – сказала Терру, старательно умываясь. А когда в кухню вошел Гед с припухшими глазами и всклокоченной шевелюрой, девочка подошла прямо к нему и потянулась, чтобы его обнять.

– Здравствуй, Терру, – сказал он ласково, подхватил ее на руки и прижал к себе. Она легонько обняла его за шею и тут же высвободилась.

– Я знаю начало «Создания Эа», – сообщила она ему.

– Ты мне его споешь? – Снова взглядом спросив разрешения у Тенар, он сел на прежнее место у очага.

– Я могу только рассказать.

Он кивнул и приготовился слушать; вид у него при этом был довольно-таки суровый. Девочка продекламировала:

Разрушив – создашь.

То конец ли? Начало?

Одно – из другого...

Кто знает наверно?

Одно лишь мы знаем:

Есть дверь меж мирами,

В нее мы уходим,

Навек расставаясь.

Но есть существа,

Что приходят обратно...

Среди них старейший —

Привратник Сегой...

Голос девочки напоминал шуршание металлической щетки по металлу, или шорох сухих листьев, или шипение горящих дров... Когда она закончила первый стих «...из пены морской поднимается Эа, красою сияя», Гед коротко одобрительно кивнул.

– Хорошо, – сказал он.

– Вчера вечером, – сказала Тенар. – Только вчера вечером она это впервые услышала и выучила. А кажется, будто год назад.

– Я могу еще дальше выучить, – сказала Терру.

– И выучишь, – откликнулся Гед.

– А теперь закончи чистить кабачок, пожалуйста, – велела девочке Тенар, и та послушно принялась за работу.

– А мне что делать? – спросил Гед.

Тенар озадаченно посмотрела на него:

– Нужно принести воды для чайника...

Он кивнул и отправился к колодцу.

Они приготовили ужин, с аппетитом поели и вместе убрали со стола.

– Повтори-ка мне снова «Создание Эа» до того места, до которого помнишь, – попросил Гед девочку, когда они уселись у очага, – и мы с тобой пойдем дальше.

И она тут же выучила второй стих, повторив его один раз вместе с Гедом и еще один раз вместе с Тенар, а потом – самостоятельно.

– А теперь марш в кровать, – сказала Тенар.

– А ты не рассказала Ястребу о короле?

– Лучше ты сама ему расскажи, – сказала Тенар, обрадованная поводом для того, чтобы пока не оставаться с Гедом наедине.

Терру встрепелась. Лицо ее – обе его половины – горело воодушевлением.

– Тот король приплыл на корабле. У него был меч. А еще он дал мне дельфинчика из кости. И корабль его летел как птица, только я тогда болела, потому что до меня дотронулся Ловкач. А король взял да и тоже дотронулся, и та противная отметина исчезла. – Она показала ему свою нежную тонкую ручонку. Тенар тоже посмотрела. О следах, оставленных пальцами Ловкача, она совсем позабыла. – Когда-нибудь я хотела бы полететь туда, где он живет, – сообщила Ястребу Терру. Он кивнул. – Я непременно полечу! А ты его знаешь?

– Да. Я его знаю. Мы вместе были в одном очень долгом путешествии.

– Где это?

– Там, где солнце не встает и не загораются звезды. И мы вместе вернулись из этой страны.

– А вы с ним летели?

Гед покачал головой.

– Я умею только ходить, – сказал он спокойно.

Девочка задумалась, а потом, словно весьма удовлетворенная собственными мыслями, сказала:

– Спокойной ночи, – и пошла в свою комнату. Тенар хотела было проводить ее и спеть колыбельную, но Терру не захотела. – Я лучше расскажу «Создание» в темноте, – сказала она. – *Оба стиха.*

Тенар вернулась на кухню и села напротив Гед.

– Как быстро она меняется! Мне за ней не успеть. Слишком стара, видно, чтобы ребенка воспитывать. А она... Она меня, конечно, слушается, но только потому, что сама так хочет.

– Это единственное оправдание для послушания, – заметил Гед.

– Но если уж ей взбредет в голову меня не послушаться, то с ней не сладить! Есть в ней что-то дикое. Иногда она – моя девочка, моя Терру, иногда же – совсем иное существо, недостижимое для меня, неведомое. Я спрашивала Айви, не стоит ли отдать Терру ей в уче-

ницы. Это Бук мне посоветовал. Но Айви сразу отказалась. «Почему же нет?» – спросила я. «Я ее боюсь!» – сказала она... Но ведь ты ее не боишься? Как и она тебя. Ты и Лебаннен – единственные мужчины, которым она позволяет себя касаться. Я не смогла помешать этому... этому Ловкачу... не могу об этом говорить! Ох, как я устала! Я уже ничего не соображаю...

Гед положил в очаг толстое полено – чтобы горело потихоньку, медленно, и оба они некоторое время молча смотрели, как извиваются и дрожат языки пламени.

– Я бы хотела, чтобы ты остался здесь, Гед, – сказала Тенар. – Если тебе это по душе, конечно.

Он не ответил сразу, и она спросила:

– Может быть, ты собираешься в Хавнор?..

– Нет, нет. Мне некуда идти. Я просто искал работу.

– Ну что ж, здесь работы полно. Старик, правда, так не считает, однако при его артрите он теперь годится разве что за садом присматривать. Мне все время очень нужен был помощник – с тех самых пор, как я вернулась. Я бы могла, разумеется, выругать этого упряма за то, что он отослал тебя в горы, но это бесполезно. И слушать бы не стал.

– Мне это только на пользу пошло, – сказал Гед. – Больше всего мне нужно было время.

– Ты там овец пас?

– Коз. На самых верхних пастбищах, почти там, где начинаются голые скалы. Мальчишка, которого они наняли раньше, заболел, так что Серри послал меня туда в первый же день. Коз ведь держат наверху до поздней осени, до самых холодов, чтобы подшерсток гуще стал. А последний месяц я там жил практически совсем один. Серри прислал мне эту вот куртку и кое-какие припасы и просил оставаться в горах так долго, как только смогу. Вот я и остался до самых морозов. Там, в горах, замечательно было!

– Одиноко, наверно, – сказала она.

Он кивнул, чуть улыбнувшись.

– Ты всегда был одиноким.

– Да, всегда.

Она промолчала. Он посмотрел на нее.

– Я рад буду работать у тебя на ферме, – сказал он.

– Значит, решено, – сказала она. И чуть погода прибавила: – Уж по крайней мере хоть зиму-то пробудешь?

В тот вечер подморозило еще сильнее. Мир вокруг совсем затих, слышался лишь шепот огня. Молчание было ощутимым, словно присутствие рядом с ними кого-то третьего. Тенар подняла голову.

– Ну хорошо, Гед, – сказала она и посмотрела прямо на него. – А в чьей постели мне теперь спать? В постели Терру или в твоей?

Он затаил дыхание. Потом тихо сказал:

– В моей. Если захочешь.

– Захочу.

Молчание, казалось, теперь опутало его по рукам и ногам. Было заметно, какие усилия он прилагает, чтобы высвободиться из этих пут.

– Если у тебя хватит терпения... – проговорил он.

– У меня хватило терпения на целых двадцать пять лет, – сказала она. Посмотрела на него внимательно и засмеялась. – Ну же... ну, ну, дорогой мой!.. Лучше поздно, чем никогда! Я, конечно, теперь всего лишь старуха... Ничто не проходит даром, ничто никогда не проходит даром. Ты сам учил меня этому. – Она встала. Поднялся и он. Она протянула ему руки, и он взял их в свои. Потом они обнялись – все теснее и теснее сжимая объятия. И столько в этих объятиях было страсти и нежности, что все вокруг как бы перестало для них существовать: в этом мире были сейчас только они одни. Не имело никакого значения, в какой постели они

собираются спать. В ту ночь они легли прямо на каменный пол у очага, и там она открыла Геду ту тайну, которую не смог бы ему открыть даже самый мудрый волшебник.

Один раз он встал, чтобы подбросить дров в огонь, а со скамьи снял ту красивую козью шкуру и постелил им на пол. Тенар ни словом не возразила. Укрылись они ее плащом и его курткой из овчины.

Оба проснулись на рассвете. Слабый серебристый свет окутывал полуоблетевшие ветви дубов за окном. Тенар потянулась всем телом и почувствовала живое тепло лежащего рядом с ней человека. Потом прошептала:

– Он тоже лежал здесь. Тот тип, по прозвищу Треска. На этом самом месте, на полу...

Гед что-то слабо негодуяще промычал в ответ.

– Вот теперь ты настоящий мужчина, – сказала Тенар. – Сперва вилами превратил в решето бандита, потом с женщиной ночь провел... По-моему, именно в таком порядке обычно и получается.

– Помолчи, – прошептал он, поворачиваясь и кладя голову ей на плечо. – Не надо.

– Буду! Ах, Гед, бедняга! Нет во мне жалости, только справедливость. Меня жалости не учили. Умение любить – вот единственная милость, которая была мне дарована. Ах, Гед, не бойся меня! Ты же был мужчиной, когда я впервые увидела тебя! Не оружие и не женщина делают мужчину мужчиной, и не магия, и не какая-нибудь иная сила – только он сам!

Они лежали в тепле и молчании, исполненном нежности.

– Расскажи мне что-нибудь.

Он в ответ сонно пробормотал что-то невнятное.

– Как тебе удалось расслышать, что они говорят? Треска, Ловкач и тот, третий? Как тебе удалось оказаться именно там и именно в нужный момент?

Гед чуть приподнялся на локте, чтобы видеть ее лицо. Его собственное лицо казалось сейчас таким беззащитным, на нем были написаны такая детская радость и такая нежность, что Тенар пришлось подтянуться и коснуться его губ там, куда она впервые его поцеловала несколько месяцев назад, и он, конечно, тут же снова обнял ее, и разговор свой дальше они продолжали уже без слов.

Были кое-какие формальности, которые необходимо было соблюсти. Во-первых, сообщить Чистому Ручью и прочим арендаторам, что она заменила «старого хозяина» новым работником. Это она проделала быстро и решительно. Они ничего не могли с этим поделать, впрочем, им в данном случае ничто и не грозило. Вдова могла владеть собственностью покойного мужа, только если у того не было ни одного наследника мужского пола. Единственным наследником Флинта был его сын, моряк, так что вдова просто как бы вела хозяйство на ферме в его отсутствие. Если бы она умерла, тогда в отсутствие наследника хозяйство вел бы Чистый Ручей; а если бы ее сын так никогда и не востребовал бы своего наследства, ферма отошла бы дальнему родственнику Флинта, жившему в Кахеданане. Так что обе пары, давно арендовавшие эти земли, могли не опасаться быть изгнанными из своих жилищ тем, кого вдова наймет на работу, даже если бы она вышла за этого человека замуж. Однако Тенар опасалась, что старики обвинят ее в недостаточной верности памяти Флинта, которого они, в общем-то, знали куда дольше, чем она. К ее радости, впрочем, они вовсе не возражали против такого решения. Хок завоевал их вечное расположение одним-единственным удачным ударом вилами. Кроме того, с точки зрения их всех, желание Гохи иметь в доме мужчину, который способен ее защитить, было вполне разумным. Если же Гоха допустит его в свою постель – что ж, аппетиты вдовушек давно вошли в пословицу. Да к тому же она ведь нездешняя...

Отношение остальных жителей деревни к случившемуся было примерно таким же. Немного пошептались, посплетничали – вот и все. Оказалось, что быть уважаемой женщиной куда легче, чем полагала тетушка Мох. А может, старые вещи просто всегда меньше ценятся?

Она чувствовала себя настолько замаранной и униженной тем, что они так легко все это приняли, как если бы все было как раз наоборот. Одна лишь Ларк нисколько не угнетала ее – она вообще ни слова не сказала ни в похвалу, ни в осуждение; она видела, что происходит между этими двоими, наблюдала за ними с интересом, с любопытством, с завистью, но в общем доброжелательно.

Ибо старинная подруга Тенар видела Хока не сквозь расхожие слова «пастух», «работник», «вдовушкин ухажер». Впрочем, она замечала многое такое, что ее озадачивало. Например, его достоинство и простота были вроде бы самыми обычными, такими же, как у многих, кого Ларк знала, но как бы отличались от них по качеству; в нем всегда чувствовалась некая значимость, некое не сразу заметное глазу величие души и ума. Она как-то сказала Айви:

– Этот человек не всю свою жизнь среди коз провел. Он о мире знает куда больше, чем о крестьянском труде.

– Я бы иначе сказала: он либо колдун, кем-то проклятый, либо волшебник, отчего-то силу свою утративший, – откликнулась ведьма. – Такое случается.

– А-а-а... – только и промолвила Ларк.

Так или иначе, но само звание Верховный Маг было слишком пышным и величественным, оно больше годилось для королевских приемов и дворцов, а не для этого темноглазого седоволосого человека с Дубовой Фермы, так что Ларк оно никогда и в голову не приходило. А если бы пришлось, то она уже никогда бы не смогла чувствовать себя с ним так естественно и просто, как теперь. Даже сама мысль о том, что Хок, возможно, когда-то был колдуном, несколько встревожила ее. Слово «колдун» как бы мешало ей воспринимать его таким, какой он есть, пока она снова не увидела его совсем иными глазами. Он в тот момент сидел на одной из старых огромных яблонь, срезая высохшие сучья, и поздоровался с ней оттуда, сверху.

«До чего же на коршуна похож, – подумала она, – особенно когда сидит вот так, нахохлившись, на ветке!» И она приветливо помахала ему рукой и улыбнулась.

Тенар так и не забыла того вопроса, который задала Геду, когда они лежали на каменном полу у очага, накрывшись курткой из овчины. Она снова задала его несколькими днями позже – время для них теперь пролетало легко и приятно в этом доме с мощными каменными стенами, окруженном зимними снегами.

– Ты так и не объяснил мне, – сказала она, – как же все-таки тебе удалось услышать, о чем они говорили тогда, на верхней дороге.

– По-моему, я рассказывал тебе, что шел по обочине, почти невидимый, когда эти люди нагнали меня.

– Почему по обочине?

– Потому что я был один и знал, что на дороге хозяйничают бандиты.

– Да, конечно... Но, значит, когда они поравнялись с тобой, Треска уже говорил о Терру?

– По-моему, в этот момент он говорил о Дубовой Ферме.

– Возможно. Во всяком случае, звучит очень убедительно.

Понимая, что это не потому, что она не верит ему, он решил подождать, что она скажет еще.

– Такое порой случается – но только с волшебниками, – сказала Тенар.

– И с другими людьми тоже.

– Возможно.

– Дорогая моя, ты ведь не хочешь... убедить меня в том, что силы мои вернулись?

– Нет. Нет, совсем нет. Это было бы просто глупо с моей стороны. Ведь, если бы ты снова стал волшебником, тебя бы здесь уже не было, верно?

Они лежали на широкой кровати с дубовой рамой, тепло укрытые овечьими шкурами и пуховыми одеялами, потому что в этой комнате не было очага, а ночь стояла морозная, да и снег давно уже выпал.

– Я вот что хочу понять: нет ли чего-то еще, помимо того, что вы называете волшебной силой, такого, что появляется как бы до нее? Или чего-то большего, чем волшебная сила, которая сама по себе является только частью этого большего? Ну вот, например, Огион говорил, что еще до того, как ты успел чему-то научиться, познал волшебную премудрость, ты *уже был магом. Прирожденным магом*, так он говорил. Так что мне всегда казалось, что для того, чтобы обладать волшебной силой, чтобы воспринять ее, нужно иметь в своей душе какое-то особое место. Некую пустоту, которую необходимо заполнить. И чем больше будет в душе этого места, тем больше поместится там волшебной силы. Но если волшебной силы вообще не дать, или если ее отобрать, или если самому ее отдать, то место-то для нее в душе все равно останется?

– Только пустота, – сказал Гед.

– «Пустота» – это всего лишь слово, одно из тех, которыми можно назвать это незаполненное место в душе. Может быть, и не самое правильное слово.

– Способность? – полувопросительно произнес он и покачал головой. – Предрасположенность?..

– Мне кажется, что ты оказался там, на верхней дороге, именно в том месте и именно в тот час, благодаря этому качеству – благодаря тому, что с тобой такое может произойти. Ты не сам заставляешь события свершаться. Ты их не вызываешь. И тот случай тоже не был связан с твоей «волшебной силой». Это просто с тобой *случилось*. Из-за твоей способности... из-за этой «пустоты» в твоей душе.

Помолчав немного, он сказал:

– Все, что ты говоришь, очень похоже на то, чему меня в юности учили на острове Рок: настоящая магия призывает делать только совершенно необходимое. Но этот закон имеет свое продолжение: не делать что-то самому, а быть вынужденным что-то сделать...

– Не думаю, что это так уж верно. Больше похоже на объяснение причин великих деяний. Разве ты не пришел и не спас мне жизнь? Разве не проткнул этого мерзавца вилами? Вот это и было «действием», настоящим, таким, которое ты должен был совершить...

Гед снова задумался и наконец спросил:

– Этой премудрости тебя учили, когда ты была жрицей Гробниц?

– Нет, – она потянулась, глядя в темноту, – Ару учили: для того чтобы быть могущественной, нужно приносить жертвы. Себя и других людей. Сделка такая: отдай – и получишь. И не могу сказать, что это так уж неверно. Но душе моей тесно в этих рамках – око за око, зуб за зуб, смерть за жизнь... Есть некая свобода за пределами этого порядка. За пределами неизбежной расплаты, неизбежного возмездия, неизбежного искупления – за пределами всех сделок и всякого равновесия сил – там, за пределами всего этого существует свобода...

– *Есть дверь меж мирами*, – сказал он тихонько.

В ту ночь Тенар снился сон. Ей снилось, что она видит эту дверь меж мирами из «Создания Эа». Она была похожа на небольшое окошко из толстого пузырчатого мутного стекла, прорубленное низко в западной стене какого-то старого дома, стоящего над морем. Окно было крепко заперто и закрыто прочными ставнями. Тенар хотела открыть его, но существовало какое-то слово, какой-то ключ, что-то в этом роде, что она позабыла – слово ли, ключ ли или чье-то имя, – и никак она не могла открыть окошко. Она искала и искала этот потерянный, забытый ключ в комнатах с каменными стенами, и комнат становилось все меньше, и стены все сдвигались, и со всех сторон наступала темнота... И тут она почувствовала, что Гед обнимает ее, пытаясь разбудить и успокоить, и все приговаривает:

– Все в порядке, родная моя, успокойся, все будет в порядке!

– Я не могу стать свободной! – заплакала она, прижимаясь к нему.

Он успокаивал ее, гладил по голове, потом они снова улеглись, прижавшись друг к другу, и он прошептал:

– Посмотри.

Светила полная луна. Ее сияние, отражаясь от только что выпавшего снега, наполняло комнату холодным белым светом, потому что, несмотря на мороз, закрывать ставни Тенар не хотелось. Светился весь воздух вокруг. Изголовье кровати было в тени, но казалось, что потолок над их головами всего лишь тонкая прозрачная вуаль, за которой открываются бесконечные серебристые спокойные глубины света.

В ту зиму на Гонте выпали глубокие снега, да и сама зима была долгой. Урожай был очень хорош. Для людей и животных еды хватало, а дел особых зимой не было, разве что готовить еду да сохранять тепло в доме.

Терру выучила «Создание Эа» до конца, а после нее – «Зимнюю песнь» и «Сказания о подвигах Молодого Короля». Она умела сделать аппетитно румяной корочку пирога, умела отлично прясть, знала даже, как изготовить мыло. Она знала название и применение каждой травинки, что появлялась из-под снега, и выучила много еще всего о травах и народной мудрости и о том, что Гед хранил в своей памяти с тех пор, как сам учился у Огиона и в Школе Волшебников. Но он так и не снял с полки Книгу Рун, как и ни одну другую книгу Огиона, и не научил девочку ни единому слову из Речи Созидания.

Они с Тенар часто говорили об этом. Она рассказала ему, как однажды пыталась научить Терру одному-единственному слову – «ток», а потом вдруг бросила это занятие: что-то смущало, даже пугало ее, хотя она и не понимала, что именно.

– Я тогда решила, что, может быть, это потому, что сама я никогда по-настоящему не пользовалась Истинной Речью и никогда не занималась магией. И наверно, девочке лучше учиться Языку Созидания у настоящего волшебника, который им пользуется постоянно.

– Такого волшебника не существует.

– А уж волшебницы и подавно.

– Я хотел сказать, что только драконы пользуются Истинной Речью как своей родной.

– А они учат этот язык?

Застигнутый этим вопросом врасплох, он ответил не сразу, по всей очевидности припоминая все то, что ему когда-либо довелось узнать о драконах.

– Не знаю, – сказал он наконец. – Да и что мы, в сущности, знаем о них? Испытывают ли они желание передавать знания – как это делаем мы – от матери к ребенку, от старшего к младшему? Или они, подобно животным, чему-то учатся в процессе жизни, но большую часть знают от рождения? Нам ведь неведомо даже это. Но на мой взгляд, сам дракон и речь его суть едины. Одно существо.

– И они не говорят ни на одном другом языке?

Он кивнул.

– Они ничему не учатся, – сказал он. – Они просто существуют.

В кухню вбежала Терру. Одной из ее обязанностей было постоянно пополнять короб со щепой для растопки, и она как раз была занята этим, одетая в теплую куртку из овчины, перешитую Тенар, и такую же шапку. Девочка рысцой бегала туда-сюда – из дровяного сарая в кухню и обратно. Вытряхнув очередную порцию щепок в короб, стоявший у камина в углу, она снова убегала.

– Что это она такое поет? – спросил Гед.

– Терру? Поет?

– Да, когда остается одна.

– Но она никогда не поет! Она не может петь.

– Поет по-своему. «На самом далеком западе...»

– А! – воскликнула Тенар. – Это та старая история! Неужели Огион никогда не рассказывал тебе о женщине из Кемея?

– Нет, – сказал Гед, – расскажи мне, пожалуйста.

И Тенар рассказала ему под жужжание веретена – отличный аккомпанемент для длинного рассказа. А под конец она прибавила:

– Когда Мастер Ветроудй рассказал мне, почему он приехал искать «одну женщину с Гонта», я сразу подумала о ней, об этой женщине из Кемея. Но она теперь, уж конечно, умерла. Да и разве может какая-то рыбачка – пусть она даже раньше и была драконом – стать Верховным Магом Земноморья?

– Ну, Путеводитель ведь не сказал, что некая женщина с острова Гонт непременно должна стать Верховным Магом, – возразил Гед. Он старательно штопал свои чудовищно изношенные штаны, сидя возле окна и пытаясь поймать остаток света уходящего серого дня. Прошло уже с полмесяца после Солнцеворота, но все еще было очень холодно.

– Но что же он в таком случае имел в виду?

– «Одну женщину с Гонта». Так и ты мне сказала.

– Но они же спрашивали: кто должен стать следующим Верховным Магом?

– И не получили ответа на этот вопрос.

– *Бесконечны споры магов между собой*, – сухо и разочарованно проговорила Тенар.

Гед перекусил нитку и аккуратно смотал оставшийся конец.

– На Роке меня немного учили играть словами, – согласился он. – Но это вовсе не словесная головоломка, так мне кажется, Тенар. «Одна женщина с Гонта» не может стать Верховным Магом. Ни одна женщина на свете не может им стать. Она разрушит само это понятие, став им. Маги острова Рок – всегда только мужчины; их волшебство – это волшебство мужчин; их знания – это знания мужчин. То, что они мужчины, как и то, что они волшебники, имеет одно основание: власть и могущество принадлежат мужчинам. Если бы у женщин была власть, то кем бы должны были считаться мужчины, как не женщинами, которые не способны вынашивать детей? И кем бы считались женщины, как не мужчинами, которые могут родить ребенка?

– Ха! – выдохнула Тенар и быстро, не без лукавства спросила: – А разве в мире никогда не было королей? Разве великие королевы не были просто женщинами, наделенными властью?

– Королева – это всего лишь женщина-король, – отрезал Гед.

Тенар презрительно фыркнула.

– Я хотел сказать, что королевскую власть ей дали мужчины. Они дали ей возможность воспользоваться их властью. Но ей самой эта власть не принадлежит, разве не так? Так. И вовсе не потому она облечена властью, что является женщиной, но вопреки этому.

Она кивнула. Она сидела очень прямо, отодвинувшись от своего веретена.

– В чем же тогда могущество женщины? – спросила она.

– Не думаю, чтобы мы это понимали.

– Когда же в таком случае женщина обретает могущество, будучи всего лишь женщиной? Родив детей, я полагаю? На какое-то время...

– В своем доме – быть может.

Она оглядела кухню.

– Но все двери закрыты, – сказала она, – все двери заперты.

– Потому что вам, женщинам, цены нет.

– О да! Мы поистине драгоценны. До тех пор, пока бессильны... Я помню, когда я впервые поняла это! Коссил запугала меня – меня, Единственную Жрицу Гробниц! И я поняла, что совершенно беспомощна. У меня были почести; но власть была у нее – она получила ее от Короля-Бога, от мужчины. Ах, как это злило меня! И пугало... Мы с Жаворонком как-то раз говорили об этом. Она сказала: «Почему все-таки мужчины так боятся женщин?»

– Если сила твоя покоится только на слабости другого, ты живешь в постоянном страхе, – промолвил Гед.

– Да, но женщины, похоже, страшатся собственной силы, боятся самих себя.



– А разве их когда-нибудь учат в себя верить? – спросил Гед, и тут как раз снова вошла занятая своими делами Терру. Гед и Тенар посмотрели друг на друга.

– Нет, – сказала Тенар. – Верить в себя нас вовсе не учат. – Она смотрела, как девочка вытряхивает щепки в короб. – Если власть – это вера в себя, – продолжала она, – то мне это слово нравится. Если же нет – то все эти бесконечные ступени... король, повелитель, маг, хозяин... Все это кажется мне таким ненужным. Настоящая власть, настоящая свобода должна была бы покоиться на вере и доверии, а не на силе и насилии.

– На вере, подобной вере детей в своих родителей, – сказал Гед.

Оба помолчали.

– При существующем порядке вещей, – сказал он, – даже вера портит человека. Мужчины на острове Рок верят и доверяют друг другу. Их власть чиста, ничто не пятнает ее чистоты, и чистоту этой власти они принимают за мудрость. Они и представить себе не могут, что это неверно.

Тенар вскинула на него глаза. Гед никогда прежде не говорил так о Мастерах острова Рок – совершенно свободно, совершенно независимо.

– Может быть, нужно, чтобы там появились женщины – просто чтобы эти мудрецы знали, что и они могут ошибаться, – сказала она, и он рассмеялся.

Тенар снова запустила веретено.

– Я по-прежнему не понимаю, почему если могут существовать женщины-короли, то не могут существовать женщины-маги?

Терру внимательно слушала.

– Горячий снег, сухая вода! – Это была гонтийская поговорка. – Королям власть дается другими людьми. Сила же мага принадлежит только ему – она в нем самом и дается от рождения.

– И она остается чисто мужской силой – это потому, что никто из нас даже не знает, что представляет собой сила женская. Ну хорошо. Понимаю. Но в таком случае почему же они никак не могут подыскать нового Верховного Мага – мужчину?

Гед изучал обветшавший, облохматившийся шов на своих штанах.

– Что ж, – сказал он, – если тогда Путеводитель и не ответил на их вопрос, то он, по крайней мере, дал ответ на вопрос, которого они не задавали. Может быть, им нужно лишь задать его.

– Это что же, загадка? – спросила Терру.

– Да, – сказала Тенар. – Но самой загадки мы не знаем. Мы знаем только отгадку. А она такова: «Одна женщина с Гонта».

– Но ведь их так много! – сказала Терру, немного подумав. И, явно довольная собой, отправилась за очередной порцией щепок.

Гед смотрел ей вслед.

– Все переменялось, – сказал он. – Все... Иногда я думаю, Тенар... мне хотелось бы знать: а вдруг правление короля Лебаннена – это только начало? Та дверь меж мирами... А сам он – привратник у этой двери. Чтобы просто так пройти было нельзя.

– Он кажется таким юным, – нежно сказала Тенар.

– Столь же юным был и Морред, когда встретил Черные Корабли. Столь же юным был и я сам, когда... – Он умолк, глядя в окошко на серые замерзшие поля, просвечивающие сквозь оголенные ветви деревьев. – Или ты, Тенар, в той темнице... Где кончается юность, где начинается зрелость? Не знаю. Иногда мне кажется, что я прожил тысячу лет, иногда – что жизнь моя не длиннее полета ласточки, увиденной в маленькое окошко. Я уже умирал и снова родился, и в Пустынной стране, и здесь, под живым солнцем, это происходило не один раз. А песни о Создании учат нас, что все мы лишь вернулись сюда и будем вечно возвращаться к источнику жизни, и источник этот неисчерпаем. И жизнь после смерти... Я думал об этом там,

высоко в горах, когда пас коз, и день длился вечно, и все же вечер и утро почему-то мгновенно сменяли друг друга... Я учился козьей мудрости. Так мне думалось. Так о чем же я грущу? Кого из людей оплакиваю? Верховного Мага Геда? Но зачем из-за него пастуху Хоку так горевать и так стыдиться? Да и что я сделал такого, чего мне следовало бы стыдиться?

– Ничего, – сказала Тенар. – Никогда и ничего!

– О да, – сказал Гед. – Все величие человека основано на чувстве стыда, оно как бы выросло из него. Вот потому-то пастух Хок оплакивал Верховного Мага Геда. А еще – пас коз, как это мог бы делать любой мальчишка, каким и сам пастух Хок был когда-то...

Тенар немного помолчала, потом улыбнулась и чуть застенчиво сказала:

– Тетушка Мох говорила, что тебе тогда было лет пятнадцать?

– Да, почти. Огион совершил обряд и дал мне имя где-то осенью, а следующим летом я отбыл на Рок... Кто был тот мальчик? Пустота в душе... предрасположенность... свобода – за запертой дверью...

– Кто такая Терру, Гед?

Он не отвечал так долго, что она уж решила, что он и не собирается этого делать, но тут он сказал:

– Она же такая... какая свобода ей еще требуется?

– Значит, наша свобода – в нас самих?

– Думаю, что так.

– Ты, обладая своим могуществом, казался настолько свободным, насколько это вообще возможно. Но какой ценой? Что делало тебя свободным? А я... Меня сделали, вылепили, словно из глины, своей волей те женщины, что служили Древним Силам или мужчинам, которые владели всем – храмами, дорогами, площадями, – не знаю уж теперь, чем еще. Потом я стала свободной – с тобой – и была какое-то время свободной с тобой и с Огионом. Но то была не моя свобода. То была свобода выбора, и я сделала выбор. Я сама вылепила из себя нечто пригодное для нужд фермы и ее хозяина и наших детей. Я превратилась в глиняный сосуд. Его форму я знаю. Но не знаю состава той глины. Жизнь была во мне ключом, это был танец жизни. Я танцевала разные танцы. Но не знаю, кто же танцор.

– А она, – проговорил Гед после долгого молчания, – если она когда-нибудь начнет свой танец...

– Ее станут бояться, – прошептала Тенар.

Тут снова вошла Терру, так что разговор переключился на квашню с тестом, что подходило у печки. Разговор их лился мирно и тихо, переходя от одной темы к другой и снова возвращаясь к прежней, словно по кругу; так промелькнула незаметно половина короткого дня, они часто затевали такие разговоры, прядя, сшивая свои жизни воедино, скрепляя их словами, годами и поступками и теми мыслями, которые были у каждого из них в отдельности. Потом снова умолкали, работали, думали и мечтали, и молчаливая девочка была с ними вместе.

Так прошла зима, начался сезон скота, и какое-то время от работы было не продохнуть, тем более что дни становились все длиннее и светлее. Потом с южных солнечных островов прилетели первые ласточки – из Южного Предела, оттуда, где звезда Гобардон светит в созвездии Конца; но все ласточки говорили друг с другом только о том, что жизнь начинается снова.

## 13

### Мастер

С возвращением весны между островами, подобно ласточкам, начали порхать парусные суда. В деревнях судачили, перемывая слухи из Вальмута о том, что король объявил охоту на морских бандитов, на пиратов-грабителей, лишал богатства вожаков, оставляя буквально нищими, конфискуя их суда и состояния. Сам лорд Гено выслал три своих лучших, самых быстрых корабля под командованием старого морского волка, колдуна Талли, которого боялись все торговые суда от Солеа до Андрадских островов; пиратские корабли намеревались изгнать королевский флот из Ораней и уничтожить его. Но в гавань Вальмута вскоре вошел тем не менее именно королевский корабль, и на борту его находился морской волк Талли, закованный в цепи. Корабль привез приказ: срочно доставить лорда Гено в порт Гонт и там подвергнуть его допросу по поводу бесконечных пиратских налетов и убийств. Гено забаррикадировался в своем каменном доме на холме, что неподалеку от Вальмута, однако забыл развести в камине огонь, поскольку стояли теплые весенние деньки, так что пятеро или шестеро молодых королевских воинов влезли в дом через каминную трубу и захватили Гено, а потом в окружении целого отряда стражников провели его по улицам Вальмута, прежде чем отправить в порт Гонт, где он должен был предстать перед судом.

Услышав об этом, Гед сказал с любовью и гордостью:

– Все, что подвластно королю, он делает хорошо.

Ловкач и Баклан тоже вскоре отправились под конвоем по северной дороге в порт Гонт, а вскоре и Треска, когда поджили его раны, последовал за ними. Их должны были судить королевским судом за убийство. Новость о том, что негодяев сослали на галеры, была встречена с огромным удовлетворением, и жители Срединной Долины поздравляли друг друга с таким поворотом событий, хотя Тенар и Терру, жавшаяся к ней, слушали все это молча.

Приплывали и разные другие корабли, привозившие различных королевских чиновников и офицеров; эти не так хорошо и без особой радости принимались горожанами и крестьянами – грубоватыми гонтийцами: королевские шерифы, являвшиеся с ревизией деятельности бейлифов и офицеров, призванных охранять покой и порядок, слышали немало жалоб и нареканий от простых людей; то и дело заявлялись сборщики податей; бывали и благородные гости, которых интересовала верность вассалов – мелких князьков с острова Гонт – им самим и его величеству королю Земноморья. Заезжали и различные волшебники всех мастей; их встречали повсюду, но, похоже, проку от них было мало, да и поговорить с ними как следует не удавалось.

– Мне кажется, что в конце концов они решили учинить настоящую охоту на нового Верховного Мага, – сказала Тенар.

– Или ищут вредных колдунов, – предположил Гед, – ведь колдовство теперь как бы сбилось с пути.

Тенар хотела было сказать: «Ну, тогда они непременно должны были бы заглянуть в поместье лорда Ре Альби!» – но язык ее словно прилип к гортани. «Что же это такое я сказать собиралась? – пыталась вспомнить она. – Неужели я никогда не рассказывала Геду... Ах, я становлюсь забывчивой! Что же это такое я хотела ему сказать? Ах вот что: нам бы надо починить ворота на нижнем пастбище, пока коров на поскотину не выпустили».

Всегда находилась масса неотложных дел по хозяйству, которые заслоняли собой все остальное. «Одного дела тебе всегда мало», – говаривал когда-то Огион. Даже теперь, когда ей помогал Гед, все ее мысли и время были посвящены ферме. Он делил с ней и хлопоты по дому, чего Флинт не делал никогда; но Флинт был фермером, а Гед – волшебником. Он быстро учился всему, но учиться нужно было еще многому. Они все время работали. На беседы же времени почти не оставалось. Вечером они вместе ужинали, потом вместе ложились спать и

вместе просыпались на рассвете, снова принимаясь за работу, и так по кругу, по кругу – словно круги на воде, словно водяная мельница, что без конца поднимает полные ведра и опускает пустые, и дни изливались на землю, точно полные ведра прозрачной колодезной воды.

– Здравствуй, мать, – окликнул ее как-то тощий парень у ворот.

Ей показалось, что это старший сын Ларк, и она приветливо спросила:

– Тебе чего, милый? – Она была занята: кормила кудахчущих кур и важных гусей. Потом взглядела в него снова и крикнула: – Искорка! – и бросилась к нему, распугав птицу.

– Ну ладно, ладно, – сказал он. – Хватит тебе.

Он позволил ей поцеловать себя и даже погладить по щеке. Потом вошел в дом и сел в кухне за стол.

– Может, поешь? А Яблочко ты не видел?

– Поесть можно.

Она опрометью бросилась в битком набитую кладовую.

– Ты на каком корабле служишь? Все еще на «Чайке»?

– Нет. – Он помолчал. – С моим кораблем покончено.

Она в ужасе обернулась:

– Потонул?

– Нет. – Он невесело усмехнулся. – Команда разбежалась. А часть королевские офицеры арестовали.

– Но... это ведь был не пиратский корабль...

– Нет, не пиратский.

– Тогда почему же?..

– Сказали, что у капитана нашего как раз такие товары, какие им нужны, – неохотно отвечал Искорка. Он был такой же худой, как прежде, но повзрослел, загорел до черноты и стал очень похож на Флинта – прямоволосый, с длинным узким лицом. Только черты лица более жесткие. – А где отец? – спросил он.

Тенар окаменела.

– Ты у сестры так и не побывал?

– Нет, – равнодушно откликнулся он.

– Флинт умер три года назад, – сказала Тенар. – От удара. Прямо в поле – вернее, на тропинке, что ведет от загона с ягнятами. Его Чистый Ручей нашел. Три года уже прошло...

Повисло молчание. Он или не знал, что нужно говорить в таких случаях, или ему просто нечего было сказать.

Она наставила перед ним мисок и тарелок с едой. Он начал есть так жадно, что она тут же принесла еще.

– Ты когда ел-то в последний раз?

Он пожал плечами, продолжая жевать.

Тенар присела напротив него за стол. Была поздняя весна. Лучи солнца проникали в низенькое окошко и ложились полосами на стол, сверкали на бронзовой каминной решетке.

Наконец он оттолкнул от себя тарелку.

– Так кто ж фермой-то до сих пор занимался? – спросил он.

– А тебе-то что до этого, сынок? – спросила она его мягко, но довольно сухо.

– Ферма моя, – ответил он тоже довольно сухо.

Помолчав, Тенар встала и принялась убирать со стола.

– Да, это верно.

– Ты, конечно, можешь тоже тут оставаться сколько угодно, – сказал он как-то неловко; может быть, хотел пошутить? Нет, шутником он никогда не был. – А Чистый Ручей все еще здесь?

– Да, все они здесь. И еще один человек, живет со мной. По имени Хок. И маленькая девочка, которую я воспитываю. Здесь. В этом доме. Тебе придется пока спать на чердаке. Я лестницу принесу. – Она снова посмотрела ему в лицо. – Так ты, значит, сюда надолго?

– Возможно.

Вот так и Флинт отвечал всегда на ее вопросы – в течение двадцати лет, как бы отрицая ее право их задавать и никогда не говоря ни «да», ни «нет», сохраняя при этом собственную свободу, основанную на ее неведении. Довольно-таки убогая, маленькая, совсем крошечная свобода, подумала Тенар.

– Бедный ты мой, – сказала она сыну, – команду твою разогнали, отец твой мертв, в доме твоём чужой – и все в один день на тебя свалилось. Тебе понадобится время, чтобы к этому привыкнуть. Прости меня, сынок. Но я рада, что ты пришел. Я о тебе часто думала: как ты там, в море, особенно во время штормов, зимой.

Он ничего не ответил. Ему нечего было предложить ей, а принять хоть что-то в дар он был не в состоянии. Он оттолкнул свой стул и уже собирался встать из-за стола, когда вдруг появилась Терру. Полупривстав, он не мигая уставился на нее.

– Что это с ней случилось? – спросил он.

– Обожглась. Это вот мой сын, Терру, о котором я тебе столько рассказывала. Моряк. Его зовут Искорка. А это Терру, твоя младшая сестренка.

– Сестренка?

– Приемная.

– Сестренка! – снова повторил он и посмотрел по сторонам, словно призывал кого-то в свидетели; потом уставился на мать.

Она тоже смотрела на него, не отводя глаз.

Он встал, старательно обошел застывшую на месте Терру и громко хлопнул дверью на прощание.

Тенар начала было что-то объяснять девочке, но не выдержала.

– Не плачь, – сказала та. Сама она не плакала и, подойдя к Тенар, погладила ее по руке. – Он тебе сделал больно?

– Ах, Терру! Дай-ка я тебя обниму! – Тенар села у стола, взяла Терру на колени и крепко прижала к себе, хотя девочка была уже слишком большой, чтобы ее баюкали, как младенца, да и всегда в таких случаях старалась отстраниться. Но Тенар все обнимала ее и плакала, и Терру наконец склонила свое изуродованное лицо к ее плечу, прижалась щекой, и вскоре та и другая промокли от слез.

Гед и Искорка вернулись домой одновременно, но с противоположных концов фермы. Искорка, по всей очевидности, успел побеседовать с Чистым Ручьем и обдумать ситуацию, а Гед, что тоже было очевидно, только теперь пытался ее оценить. За ужином разговаривали крайне мало и настороженно. Искорка не возразил против того, что его лишили собственной комнаты, но сразу после ужина взлетел по лестнице на чердак – сразу видно, моряк бывалый – и явно был доволен роскошной постелью, которую приготовила ему мать, потому что спустился к завтраку на следующий день лишь ближе к полудню.

Он сразу сел за стол, рассчитывая, что ему все будет подано. Его отцу всегда подавали еду мать, жена, дочь. Неужели он хуже? А может, мать хочет ему это доказать таким способом? Но она подала ему завтрак, потом убрала после него со стола и только тогда снова вернулась в сад, где они вместе с Терру и Шанди жгли пораженные гусеницами старые ветки, а то можно было погубить все молодые деревца.

Искорка прошел мимо них и присоединился к Чистому Ручью и Тиффу. И все последующие дни провел в основном в их компании. Всю тяжелую работу на ферме – уход за полевыми культурами и за овцами – делали Гед, Шанди и Тенар, а двое стариков, всю свою жизнь

прожившие на этой ферме, приятели отца Искорки, повсюду водили парня с собой и рассказывали, как они одни справлялись со всей этой работой, и действительно начинали верить в это; и он тоже разделял с ними их ложную уверенность.

Тенар стала чувствовать себя в родном доме отвратительно. Только вне его стен, занимаясь привычной тяжелой работой, она испытывала некоторое облегчение; ее душили гнев и стыд из-за того, как вел себя Искорка, – из-за присутствия в доме собственного сына!

– Теперь мой черед! – горько сказала она Геду в их залитой лунным светом спальне. – Мой черед терять то, чем я больше всего гордилась.

– Что же ты потеряла?

– Своего сына. Которого не сумела воспитать настоящим мужчиной. Ничего у меня с ним не получилось. – Она прикусила губу, глядя во тьму сухими глазами.

Гед не стал спорить с ней или уговаривать не печалиться. Он только спросил:

– Как ты думаешь, он здесь останется?

– Да. Он боится снова идти в море. Он ведь так и не сказал мне правды, точнее, сказал правду о том, что случилось с его кораблем. Он был помощником капитана и, как мне кажется, занимался перевозкой краденого. И перепродажей. Не в этом, в общем-то, дело. Все гонтийские моряки – наполовину пираты и воры. Но он соврал мне. И продолжает врать. И ревнует к тебе, и завидует. Бесчестный, завистливый человек.

– Просто напуганный, по-моему, – сказал Гед. – Но не злой. И не такой уж дурной. И, кроме того, это ведь его ферма.

– Ну так пусть и забирает ее! И пусть она будет столь же щедра к нему, как...

– Нет, родная, – сказал Гед, пытаясь голосом и руками удержать ее гнев, – не говори так... не говори злых слов!

Его порыв был настолько искренним и страстным, что гнев Тенар обернулся вдруг любовью, ибо именно любовь и вызвала эту яростную вспышку гнева.

– Нет, не бойся, я не стану проклинать ни сына, ни ферму его!.. Я об этом даже не думала! Но мне так больно – и так стыдно! Ах, как мне жаль, Гед!

– Нет, нет, нет! Милая, мне совершенно безразлично, что этот мальчик думает обо мне. Вот только с тобой он очень груб.

– И с Терру. Он обращается с ней так, будто... Он сказал... сказал мне: «Что это она натворила, что в такую уродину превратилась?» Что она натворила!..

Гед гладил ее по голове – как всегда, легкими, медленными, нежными прикосновениями, которые обычно нагоняли на них обоих сон и любовную негу.

– Я могу снова наняться пасти коз, – сказал он наконец. – Тогда тебе тут будет полегче. Разве что с работой...

– Я уж лучше пойду с тобой.

Он продолжал гладить ее по голове и размышлял вслух:

– Наверное, мы смогли бы уйти вместе. Там, наверху, над Лиссу в прошлый сезон было две семьи. Обе пары овец пасли. Но ведь после лета приходит зима...

– Может быть, наймемся к кому-нибудь. Я работать умею... и с овцами обращаться... а ты с козами... да и вообще ты во всякой работе ловкий...

– Хорошо с вилами управляюсь, – прошептал он, и она тихонько то ли засмеялась, то ли всхлипнула.

На следующее утро Искорка встал рано и завтракал со всеми вместе: он собрался на рыбалку со старым Тиффом. Поев, он поблагодарил мать куда теплее, чем обычно, и пообещал:

– К ужину рыбы принесу.

Тенар к утру уже приняла решение и откликнулась:

– Погоди-ка, сынок. Сперва убери, пожалуйста, со стола. Грязную посуду поставь в таз и залей водой. А вечером я все вместе вымою.

Некоторое время он изумленно смотрел на нее, потом сказал:

– Это женская работа, – и надел свою шапку.

– Эту работу может делать любой человек, если он ест здесь.

– Но только не я, – равнодушно ответил сын и вышел на улицу.

Тенар пошла за ним следом. И остановилась на пороге.

– Значит, Хок может, а ты нет? – спросила она.

Он молча кивнул и пошел прочь через двор.

– Слишком поздно, – сказала она, возвращаясь в кухню. – Ничего у меня не получится. Я потерпела неудачу. – Она чувствовала, как лицо ее вдруг покрылось морщинами – вокруг рта, вокруг глаз – и застыло. – Можно сколько угодно поливать камень, – сказала она, – да только расти он не будет.

– Начинать нужно, непременно когда они молоды и нежны душой, – сказал Гед. – Как я, например.

Но на этот раз она его шутке даже не улыбнулась.

Вернувшись домой после целого дня работы, они увидели у ворот какого-то мужчину; он разговаривал с Искоркой.

– Это тот парень из Ре Альби, верно? – спросил Гед, который по-прежнему прекрасно видел.

– Пойдем, пойдем, Терру, – сказала Тенар, потому что девочка сразу же остановилась как вкопанная. – Какой еще парень? – Она была довольно близорука и щурилась, тщетно пытаясь разглядеть человека у ворот. – А, так ведь это, как его там, торговец овцами. Таунсенд! Чего это он сюда снова явился, стервятник паршивый?

Она весь день была чрезвычайно сердитой, так что Гед и Терру благоразумно промолчали. Тенар первой обратилась к торговцу:

– Ты что, насчет ягнят выясняешь, Таунсенд? Так ты на целый год опоздал; но у нас есть еще этого года, в овчарне.

– Так мне и хозяин сказал, – ответил Таунсенд.

– Да неужели? – удивилась Тенар.

Тон у нее был такой, что у Искорки потемнело лицо.

– Ну, в таком случае не стану вам с хозяином мешать, – сказала она и уже повернулась к ним спиной, когда Таунсенд окликнул ее:

– Я ведь к тебе снова с поручением, Гоха.

– Третий раз волшебный.

– Та старая ведьма, ну, ты знаешь, тетушка Мох, очень больна. Она велела, раз уж я все равно иду в Срединную Долину, зайти к тебе и сказать, что она совсем плоха. «Скажи, – говорит, – госпоже Гохе, что я хотела бы повидать ее, прежде чем умру, если у нее такая возможность будет».

«Стервятник, паршивый стервятник!» – думала Тенар, с ненавистью глядя на Таунсенда, который снова принес ей дурные вести.

– Она так сильно больна?

– Должно, помрет скоро. – И Таунсенд как-то странно подмигнул, что, вероятно, должно было означать сожаление. – Очень сильно всю зиму проболела, и все хуже ей, все хуже, вот она и велела передать тебе, что уж больно тебя видеть хочет, пока не померла.

– Спасибо, что весточку передал, – мрачно поблагодарила его Тенар, отвернулась и пошла к дому. А Таунсенд отправился с Искоркой к овчарням.

Пока готовили обед, Тенар сказала Геду и Терру:

– Я должна пойти.

– Конечно, – согласился Гед. – Пойдем все вместе, если хочешь.

– Правда? – Впервые за весь день лицо ее прояснилось, грозовые тучи, скрывавшие чело, чуть приподнялись. – Ах! – вырвалось у нее. – Как это... было бы хорошо!.. Я не решалась спрашивать, боялась, что, может быть... Терру, а тебе не хочется вернуться назад, в тот маленький домик, где жил Огион? И может быть, остаться там навсегда?

Терру застыла.

– Я тогда могла бы повидать свое персиковое деревце... – задумчиво произнесла она. – И еще там Вереск... и Сиппи... и тетушка Мох... Бедная тетушка Мох! Ох, мне все время хотелось, так хотелось туда вернуться! Но почему-то казалось, что это неправильно. Здесь ведь ферма, она ухода требует... и вообще...

Тенар казалось, что есть и какая-то иная причина, по которой они не могли вернуться в домик Огиона, из-за чего она даже думать себе не позволяла об этом, даже сумела почти забыть, как сильно ей хочется туда вернуться; но в чем бы ни заключалась эта причина, вспомнить она не могла, и повод для беспокойства исчез, ускользнул, словно тень, словно забытое слово.

– Интересно, ухаживает ли кто-нибудь из деревенских за тетушкой Мох? И послали ли они за лекарем? Она ведь единственная ведьма на Большом Утесе, но ведь в порте Гонт и другие есть; они наверняка могли бы как-то помочь ей. Ах, бедняжка! Надо поскорее пойти туда... Сейчас, конечно, слишком поздно, но завтра прямо с утра, пораньше!.. А хозяин фермы пусть готовит себе завтрак сам!

– Он научится, – сказал Гед.

– Нет, и учиться не станет. Просто найдет себе какую-нибудь дуру, которая будет делать все для него. Ах! – Она оглядела знакомую кухню; лицо ее было светлым и одновременно каким-то свирепым. – Мне противно даже думать о том, что я оставляю ей этот стол, который скребла целых двадцать лет! Надеюсь, она это оценит!

Искорка пригласил Таунсенда к ужину, но ночевать торговец овцами отказался, хотя ему из вежливости это предложили. Его пришлось бы тогда укладывать на одну из их собственных постелей, а Тенар даже мысль об этом была неприятна. Она обрадовалась, когда он вышел за дверь, в синие весенние сумерки, и отправился ночевать к тем хозяевам, у которых обычно останавливался в деревне.

– Завтра утром мы уходим в Ре Альби, сын, – сообщила Тенар. – Хок, Терру и я.

Он взглянул на нее несколько испуганно.

– Просто так возьмете и уйдете?

– Да. Точно так же, как и ты, – ушел и пришел, – ответила ему мать. – Теперь смотри, Искорка: вот шкатулка твоего отца. Там семь костяных пластинок и долговые расписки от старого Бриджмена, только он никогда не заплатит, ему и платить-то нечем. Вот эти четыре андрадские пластинки Флинт получил, когда продал овечьи шкуры торговцу из Вальмута четыре года назад, – ты тогда еще совсем мальчишкой был. Эти три – с Хавнора: нам ими заплатил Толли за участок земли у Верхнего Источника. Я уговорила твоего отца купить тот участок и помогала ему расчистить его и продать. Так что эти три пластинки я возьму себе – я их заработала. Остальное, как и сама ферма, принадлежит тебе. Ты здесь хозяин.

Высокий, худой, сын стоял перед ней и не сводил глаз со шкатулки.

– Возьми все. Мне это не нужно, – сказал он тихо.

– Мне тоже. Но все равно спасибо, сынок. Оставь себе эти четыре пластинки. Когда женишься, скажи своей жене, что это мой ей подарок.

Тенар поставила шкатулку на прежнее место – за большим блюдом на верхней полке буфета, где ее всегда хранил Флинт.

– Терру, ты соберись с вечера, потому что выйдем мы очень рано.



– Когда ты намереваешься вернуться? – спросил Искорка, и тон, каким он это спросил, вдруг напомнил Тенар того беспокойного хрупкого ребенка, каким ее сын был когда-то. Но ответила она так:

– Не знаю, милый. Если буду нужна тебе, то приду.

Она занялась сборами, вытащила дорожную обувь, потом спросила:

– Искорка, ты не мог бы кое-что для меня сделать?

Он угрюмо сидел у камина и неуверенно посмотрел на мать.

– Что?

– Сходи, не откладывая, в Вальмут и повидайся с сестрой. Скажи ей, что я вернулась на Большой Утес. И еще: если я буду ей нужна, пусть пошлет весточку.

Искорка кивнул. Он смотрел на Геда, который уже сложил свой небогатый скарб с той аккуратностью и ловкостью, какая присуща бывалым путешественникам; теперь же Гед расставлял на полках вымытые тарелки, чтобы оставить кухню в полном порядке. Потом сел напротив Искорки у очага и стал вдевать в специальные отверстия своего заплечного мешка еще одну веревку, стараясь затянуть его потуже.

– Для этого специальный узел есть, – сказал вдруг Искорка. – Морской.

Гед молча передал ему свой мешок, и Искорка, тоже молча, продемонстрировал, как завязывается этот узел.

– Вот, сам соскальзывает, видишь? – спросил он, и Гед кивнул.

Они вышли в путь, когда было еще совсем темно и холодно. Солнце поздно появляется на западной стороне горы Гонт, и лишь ходьба согревала их, пока солнце во всем своем величии не поднялось над громадой южных отрогов.

Терру шла в два раза быстрее, чем прошлым летом, но все равно им предстояло по крайней мере два дня пути. Ближе к полудню Тенар спросила:

– Ну что, попытаемся сегодня добраться до Дубовых Ручьев? Там есть что-то вроде постоянного двора. Мы там еще молоко пили, помнишь, Терру?

Гед смотрел вдаль с каким-то отсутствующим выражением лица.

– Я знаю одно хорошее местечко...

– Прекрасно, – сказала Тенар.

Незадолго до привала на ночь они вышли на тот верхний поворот дороги, с которого был виден порт Гонт. Здесь Гед свернул с дороги прямо в лес. Закатное солнце посылало свои красно-золотые лучи, пронизывая сумрак, густеющий между деревьями и под густыми ветвями. Они примерно с полчаса карабкались вверх без какой бы то ни было тропинки, заметной глазу, и наконец вышли на небольшой выступ или на вершину скалы, поросшую травой и укрытую от ветра деревьями и громоздящимися вокруг утесами. Отсюда хорошо видны были северные отроги, а между вершинами гигантских елей ясно просвечивало море. Стояла полная тишина, только порой в елях вздыхал ветер да горный жаворонок пел свою нескончаемую нежную песнь где-то в пронизанной вечерним солнцем вышине, чтобы с наступлением сумерек спуститься в свое гнездо, устроенное в никем не измятой траве.

Они поели хлеба с сыром и, отдыхая, смотрели, как из моря медленно поднимается мгла, окутывая склоны гор. Потом расстелили свои плащи и улеглись спать. Глубокой ночью Тенар проснулась. Тенар – между Терру и Гедом. Где-то рядом ухала сова, мелодичное уханье напоминало удары колокола. А где-то вдали, в горах, ей вторила другая сова – словно эхо колокольного звона. Тенар решила: «Полюбуюсь, как звезды опускаются в море», однако почти мгновенно снова уснула, словно младенец.

Открыв глаза уже серым утром, она увидела, что Гед сидит с ней рядом, накиннув на плечи плащ, и смотрит в просвет между деревьями куда-то на запад. Его темнокожее лицо казалось застывшим, исполненным глубокого молчания – таким она уже видела его когда-то

давно, на берегу Атуана. Только сейчас глаза его смотрели в бесконечную даль, на запад, так, словно видели что-то чудесное. Она посмотрела туда же и тоже увидела: наступал новый день, великолепие розовых и золотых тонов зари дивным образом отражалось в водах моря.

Гед повернулся к ней, и она сказала:

– Я любила тебя всю жизнь, с тех пор как впервые увидела.

– О ты, жизнь дающая, – едва слышно промолвил он, наклонился и поцеловал ее в губы и в грудь. Она на мгновение прижала его голову к себе.

Потом оба встали, разбудили Терру, позавтракали и продолжили свой путь; однако, уже войдя в лес, Тенар один раз все-таки оглянулась на маленький приютивший их лужок, словно заклиная его хранить то счастье, которое она там испытала.

В первый день их основной целью было пройти как можно больше. Сегодня же они должны были добраться до Ре Альби. Так что Тенар думала в основном о тетушке Мох, прикидывая, что же такое могло приключиться со старухой и действительно ли она при смерти. Но день близился к концу, а путь уже был пройден немалый, и она перестала думать о тетушке Мох да и вообще о чем бы то ни было серьезном. Она очень устала, и ей очень не хотелось снова идти этой дорогой навстречу чьей-то смерти. Они миновали Дубовые Ручьи, вошли в узкую горловину ущелья и снова начали подниматься. На последнем прямом отрезке пути Тенар уже с трудом волочила ноги, а мысли в голове были одна глупее другой и все время путались, цепляясь то за какое-нибудь слово, то за какой-нибудь образ. То ей виделась полка с посудой в доме Огиона, то почему-то привязывались слова «костяной дельфин» (это из-за того, что она заметила травяную сумочку Терру с ее игрушками). Слова эти она повторяла про себя без конца, пока они почти не утратили всякий смысл.

Гед легко шагал по дороге походкой бывалого путника, и Терру не отставала от него – та самая Терру, которая еще в прошлом году вымоталась здесь до того, что ее пришлось нести на руках! Но тогда они тащились гораздо медленнее. И девочка еще только поправлялась после страшной своей болезни.

А она, Тенар, видно, стала слишком стара для столь долгих переходов. До чего же тяжело было подниматься вверх! Старухам следует сидеть дома, у очага. Костяной дельфин, костяной дельфин. Костяной, окостеневший, связанный, связующее заклятие... Костяной человек и костяной зверек. Вон там они – ушли вперед и ждут ее. Она идет так медленно. Она смертельно устала. Тенар с огромным трудом преодолела последний участок пути и наконец догнала их там, где дорога шла по самому краю Большого Утеса. Над морем. Слева виднелись горбатые крыши Ре Альби, справа дорога поворачивала в господскую усадьбу...

– Сюда, – сказала Тенар.

– Нет, – возразила девочка, показывая налево, в сторону деревни.

– Нет, сюда, – повторила Тенар и двинулась направо. Гед последовал за ней.

Они шли меж садами, обрамленными ореховыми деревьями, и заросшими травой лугами. Был теплый, почти летний день. Птицы всюду распевали среди ветвей. Он вышел на дорогу из Большого Дома и двинулся им навстречу – тот, чье имя она так и не могла вспомнить.

– Добро пожаловать! – сказал он и остановился, улыбаясь.

Они тоже остановились.

– Что за великие люди оказали своим приходом честь дому лорда Ре Альби! – сказал он. Туахо – нет, это было не его имя. Костяной дельфин, костяной зверек, костяное дитя...

– Господин мой! Верховный Маг Земноморья! – Он низко поклонился, и Гед тоже поклонился ему в ответ.

– Госпожа моя! Леди Тенар с Атуана! – Ей он поклонился еще ниже, и она вдруг опустилась на колени, прямо на дорогу, еще влажную от росы. Голова ее безвольно поникла, руки оперлись о землю, вся она скрючилась и даже лицом, даже губами коснулась той грязи, что была у него под ногами.

– Ну а теперь ползи, – сказал он, и она поползла к нему.

– Стой, – сказал он, и она остановилась.

– Говорить можешь? – спросил он.

Она ничего не сказала, у нее больше не было слов, что могли бы сорваться с губ, но тут Гед ответил своим обычным спокойным голосом:

– Да.

– Где чудовище?

– Не знаю.

– А я думал, что эта ведьма и своего выкормыша с собой притащит. Но вместо той твари притащила тебя, господин Верховный Маг, по прозвищу Ястреб. Замечательная замена! Все, что я могу сделать для этой ведьмы и ее чудовища, – это очистить от них мир. Но с тобой, кто все-таки был нормальным человеком, я могу и поговорить; в конце концов, ты способен вполне разумно отвечать. И понять способен, за что тебя наказывают. Ты ведь считал, что находишься в безопасности, – разве не так? – когда твой король оказался на троне, а мой повелитель – наш повелитель! – был уничтожен? Ты считал, что твоя воля одержала победу, что ты уничтожил надежду на вечную жизнь, так ведь?

– Нет, – сказал Гед.

Она не могла его видеть.

Она могла видеть лишь грязь на дороге и чувствовать во рту ее вкус. Но услышала, как Гед говорит. Он сказал:

– *Жизнь после смерти...*

– Болтай себе, болтай, старые песни ты знаешь хорошо. Мастер с острова Рок – школьный училишка! Что за дивное зрелище: Верховный Маг Земноморья, а с виду – вылитый козопас, в котором ни грана волшебного могущества... И этот «маг» ни единого волшебного словечка не помнит!.. Может быть, заклятие произнесешь, а, Верховный Маг? Хоть малюсенькое? Самое крохотное заклятие, самую простенькую иллюзию создашь? Нет? Ни единого словечка? Мой повелитель все-таки одержал над тобой победу! Теперь-то ты это понимаешь? Ты не смог его победить. Его сила жива! Я могу на некоторое время оставить тебя в живых, чтобы ты видел, какова эта сила – моя сила! Чтобы ты видел, как я не даю смерти взять старика, – и для этого могу и твою жизнь использовать, если понадобится; чтобы ты увидел, как твой настырный король сядет в лужу вместе со всеми своими лордами-приспешниками и глупцами с Рока, которые ищут какую-то женщину! Какая-то женщина! Чтобы женщина правила нами! Только править этим миром будут отсюда, хозяин Земноморья здесь, здесь, в этом доме. Весь год я собирал здесь оставшихся, тех, кто понимает, что такое настоящая сила и власть. Некоторых из них я вытащил с острова Рок, прямо из-под носа у собственных учителей. Некоторых – с Хавнора, из-под носа этого так называемого Сына Морреда, который жаждет правления женщины в Земноморье. Я увел их у твоего короля, который считает, что вокруг стало так безопасно, что он повсюду может называться своим подлинным именем. Знаешь ли ты мое имя, о Верховный Маг? Помнишь ли ты меня, когда четыре года назад ты был величайшим из Великих Магов, величайшим из Мастеров, а я – всего лишь смиренным учеником на острове Рок?

– Ты звался Аспен, – сказал исполненный терпения голос Геда.

– А каково мое подлинное имя?

– Этого имени я не знаю.

– Как? Ты его не знаешь? Разве ты не можешь вспомнить? Разве Великие Маги знают не все имена?

– Я не маг.

– Ах, скажи-ка еще разок!

– Я не маг.

– Мне нравится, как ты это говоришь. Скажи снова.

– Я не маг.

– Зато я маг!

– Да.

– Скажи это!

– Ты маг.

– Ах! Получилось куда лучше, чем я надеялся! Я готовился поймать угря, а поймал кита!

Ну пошли же, познакомьтесь с моими друзьями. Ты можешь идти. А она пусть ползет.

И они пошли вверх по дороге к дому лорда Ре Альби. Тенар ползла на четвереньках, потом взобралась по мраморным ступеням крыльца, потащила по мраморным полам вестибюля...

Внутри дома было темно. И тьма все плотнее окутывала душу Тенар, ибо она понимала все меньше и меньше из того, что говорилось вокруг. Лишь некоторые слова и отдельные голоса воспринимались ею отчетливо. Она, например, понимала то, что говорил Гед, и, когда он говорил, думала о его имени, всей душой своей цеплялась за это имя. Но Гед говорил что-либо очень редко и только тогда, когда отвечал на вопросы того, чье имя было не Туахо. Тот человек говорил время от времени и с ней, называл ее «сукой».

– Это моя новая собака, – пояснил он остальным мужчинам; некоторые из них все время оставались во тьме, там, где от свечей пролегали тени. – Посмотрите, как она хорошо натаскана. Ну-ка, перевернись! – И она переворачивалась, и мужчины смеялись.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.